

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Бл. Августин

Творения
Том четвертый
Часть 2

© Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)

Киев
2012

Этим выяснилось, что он не тот, кого предуказывало пророчество, обращенное к отцу его: “Когда же исполнятся дни твои, и ты почиешь с отцами твоими, то Я восставлю после тебя семя твое, которое произойдет из чресл твоих, и упрочу царство его”. Каким же образом на основании следующих за этим слов: “Он построит дом имени Моему” полагают, что это пророчество о Соломоне, а не думают на основании слов предшествующих: “Когда же исполнятся дни твои, и ты почиешь с отцами твоими, то Я восставлю после тебя семя твое”, что обещан другой миротворец, о котором предсказано, как об имеющем быть воздвигнутым не прежде, как Соломона, а после смерти Давида? Как ни велик был промежуток времени до пришествия Иисуса Христа, без всякого сомнения по смерти Давида, как Он и был обещан ему, должен был прийти Тот, Кто создал бы дом Богу не из дерева и камней, а из людей, — такой, создание которого Пришедшим мы и приветствуем. Этому дому, т. е. верным Христа, говорит апостол: “Храм Божий свят; а этот храм — вы” (I Кор. III, 17).

Глава IX

Поэтому и в восемьдесят восьмом псалме, который надписывается: “Учение Ефама Езрахита”, упоминаются обетования Божии, данные царю Давиду, и в числе их приводятся некоторые похожие на те, которые изложены в книге Царств. Таково, например, следующее: “Клялся Давиду, рабу Моему: навек утвержу семя твое” (Пс. LXXXVIII, 4, 5). И еще: “Некогда говорил Ты в видении святому Твоему, и сказал: “Я оказал помощь мужественному, вознес избранного из народа. Я обрел Давида, раба Моего, святым елеем Моим помазал его. Рука Моя пребудет с ним, и мышца Моя укрепит его. Враг не превозможет его, и сын беззакония не притеснит его. Сокрошу пред ним врагов его, и поражу ненавидящих его. И истина Моя и милость Моя с ним, и Моим именем возвысится рог его. И положу на море руку его, и на реки — десницу его. Он будет звать Меня: Ты отец мой, Бог мой и

твердыня спасения моего. И Я сделаю его первенцем, превыше царей земли. Вовек сохранию ему милость Мою, и завет Мой с ним будет верен. И продолжу вовек семья его, и престол его — как дни неба” (Пс. LXXXVIII, 20 — 30). Все это, когда понимается правильно, применяется к Господу Иисусу, Который разумеется под именем Давида вследствие вида раба, который принял этот Посредник от Девы из семени Давидова.

Говорится вслед затем и о грехах сынов его нечто такое, что читается в книге Царств и как-будто бы прямее всего относится к Соломону. Там, т. е. в книге Царств, Бог говорит: “Если он согрешит, Я накажу его жезлом мужей и ударами сынов человеческих; но милости Моей не отниму от него” (II Цар. VII, 14, 15), обозначая ударами (*tactibus* — прикосновениями) исправительные удары. Отсюда выражение: “Не прикасайтесь (*ne tetigeritis*) к помазанным Моим” (Пс. CIV, 15), т. е. не оскорбляйте. В псалме же, ведя речь как бы о Давиде, Бог, чтобы и здесь высказать нечто в том же роде, говорит: “Если сыновья его оставят закон Мой, и не будут ходить по заповедям Моим; если нарушат уставы Мои, и повелений Моих не сохраняют: посету жезлом беззаконие их, и ударами — неправду их; милости же Моей не отниму от него” (Пс. LXXXVIII, 31 — 34). Не сказал “от них”, хотя говорил о сыновьях его, а не о нем; но сказал “от него”, что будучи понято правильно, имеет важный смысл. Ибо не в самом Христе, Который есть Глава Церкви, могли оказаться какие-нибудь грехи, которые потребовалось бы обуздать человеческими наказаниями, сохранив милость божественную; но могли оказаться они в теле и членах Его, т. е. в народе Его. Говорится же в псалме “сыновья его”, чтобы дать нам понять, что говорится некоторым образом о Нем то, что говорится о теле Его. Поэтому и сам Он, когда Савл преследовал тело Его, т. е. Его верных, говорит с неба: “Савл, Савл! что ты гонишь Меня?” (Деян. IX, 4). Затем в последующих словах псалма Он говорит: “Не изменю истины Моей. Не нарушу завета Моего, и не переменю того, что вышло из уст Моих. Однажды Я поклялся святостию Моею: солгу ли Давиду?”

(Пс. LXXXVIII, 34 — 36); т. е. ни в коем случае не солгу Давиду. А в чем не солжет, Он разъясняет, говоря: “Семя его пребудет вечно, и престол его, как солнце, предо Мною; вовек будет тверд, как луна, и верный свидетель на небесах” (Пс. LXXXVIII, 37, 38).

Глава X

После этого самого сильного подтверждения столь великого обетования, чтобы не подумали, будто оно исполнилось на Соломоне (так как на это надеялись, но исполнения не видели), псалом говорит: “Но ныне Ты отринул и презрел” (Пс. LXXXVIII, 39). Это совершилось с царством Соломона при потомках его, когда подвергся разрушению даже земной Иерусалим, бывший столицей того царства, когда погиб сам храм Иерусалимский, построенный Соломоном. Но чтобы на этом основании не подумали, будто Бог поступил вопреки своим обещаниям, псалом прибавляет: “Прогневался на помазанника Твоего”*. Следовательно, если Христос Господень был отложен, то это был не Соломон, да и не сам Давид. Ибо, хотя Христами называются все цари, получившие посвящение таинственным помазанием, не только начиная с Давида, но даже и с самого Саула, который был помазан первым царем народу Израильскому (сам Давид называет его Христом Господним), но был только один истинный Христос, образ Которого в силу пророческого помазания они носили, Который по мнению людей, думавших видеть Его в лице Давида или Соломона, надолго был отложен, а по распоряжению Божию готовился прийти в свое время.

А что меж тем, пока Он откладывался, случилось с царством земного Иерусалима, где многие надеялись, что Он будет царствовать, псалом прибавляет в последующих словах и говорит: “Пренебрег заветом с рабом Твоим, поверг на землю венец его. Разрушил все ограды его,

* У Августина сказано: “Отложил Христа (т. е. помазанника) Твоего”.

превратил в развалины крепости его. Расхищают его все проходящие путем; он сделался посмешищем у соседей своих. Ты возвысил десницу противников его, обрадовал всех врагов его. Ты обратил назад острие меча его, и не укрепил его на брани; отнял у него блеск, и престол его поверг на землю; сократил дни юности его, и покрыл его стыдом” (Пс. LXXXVIII, 40 — 46). Все это случилось с рабом-Иерусалимом, в котором царствовали некоторые и из сынов свободного, державшие это царство во временном распоряжении, но царство небесного Иерусалима, сыновьями которого они были, содержавшие в истинной вере и чаявшие обрести его в истинном Христе. А как все это разразилось над тем царством, ясно показывает история совершившихся событий.

Глава XI

После этих предсказаний пророк обращается с молитвою к Богу; но и сама молитва эта есть пророчество. “Доколе, Господи, будешь скрываться непрестанно”? Это подобно тому, как в другом месте говорится: “Доколе будешь скрывать лице Твое от меня?” (Пс. XII, 1). Можно, впрочем, разуметь и так: “Скрываешь милость твою, которую обещал Давиду”. “Непрестанно” же значит: “до конца”. Под концом этим следует разуметь то последнее время, когда должен будет уверовать во Христа Иисуса и этот народ; но прежде этого конца должны случиться те бедствия, которые выше оплакивал пророк. Ввиду их и здесь говорится далее: “(Доколе) будет пылать ярость Твоя, как огонь? Вспомни, какой мой век”*. В этом месте сам Иисус лучше всего разумеется под сущностью народа Его, от которого происходит природа Его плоти. “На какую суету, — продолжает пророк, — сотворил Ты всех сынов человеческих?” (Пс. LXXXVIII, 47, 48). Ведь если бы сущностью Израиля не был один Сын Человеческий, через Которого освободились бы многие сыны человеческие, то

* У Августина сказано: “Вспомни, какова моя сущность”.

несомненно, что все сыны человеческие были бы созданы всеу.

Теперь же, хотя природа человеческая вследствие греха первого человека ниспала из истины в суету, почему другой псалом и говорит: “Человек подобен дуновению; дни его — как уклоняющаяся тень” (Пс. СХLIII, 4), однако Бог не всеу создал всех сынов человеческих; потому что многих освобождает Он от суеты через Посредника Иисуса, а тем, относительно неосвобождения которых имел предвидение, для пользы ли имеющих освободиться, или для сравнения между собою двух противоположных градусов (но, во всяком случае, не всеу) дал свое место в прекраснейшем и справедливейшем порядке разумной твари вообще. Далее следует: “Кто из людей жил, и не видел смерти, избавил душу свою от руки преисподней?” (Пс. LXXXVIII, 49). Кто этот человек, как не эта сущность Израйля от семени Давидова, Христос Иисус, о котором говорит апостол, что, “Христос, воскресши из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти” (Рим. VI, 9)? Он проживет и не узрит смерти, но так, однако же, что умрет, но душу свою избавит из руки преисподней, в которую сойдет для освобождения некоторых от уз адовых; избавит же тою властью, о которой говорит в Евангелии: “Имею власть отдать ее (жизнь) и власть имею опять принять ее” (Иоан. X, 18).

Глава XII

Далее в псалме этом читаем: “Где прежние милости Твои, Господи? Ты клялся Давиду истиною Твоею. Вспомни, Господи, поругание рабов Твоих, которые я ношу в недре моем от всех сильных народов. Как поносят враги Твои, Господи, как бесславят следы помазанника Твоего” (Пс. LXXXVIII, 50 — 52). Можно не без основания спросить: говорится ли это от лица тех израильтян, которые желали исполнения для них обещания, данного Давиду, или, вернее, от лица христиан, которые суть израильтяне не по плоти, а по духу? Сказано или написано это в то

время, когда жил Ефам, от имени которого данный псалом получил свое заглавие; время же это было временем царствования Давида. Поэтому выражение: “Где прежние милости Твои, Господи? Ты клялся Давиду истиною Твоею” не было бы употреблено, если бы пророк не представлял в своем лице тех, которые имели жить спустя долгое время, для которых то время, в которое даны были упомянутые обетования Давиду, было временем прежним. Причем можно разуметь, что многие язычники во времена преследования христиан укоряли их страданиями Христа, которое в Писании называется изменением (следом): потому что через смерть Он сделался бессмертным.

Можно, впрочем, понимать и так, что изменение Христа стало укором израильтянам в том смысле, что Он, Которого они ждали как своего Христа, сделался Христом язычников. В этом их и укоряют в настоящее время многие народы, которые уверовали в Него через Новый завет, между тем как они остались при Ветхом. Потому-то и говорится: “Вспомни, Господи, поругание рабов Твоих”, что если Господь не забудет их, а скорее — пожалеет, то и они после этого поношения уверуют. Но тот смысл, который я указал прежде, кажется мне более подходящим. Врагам Христовым, которым ставят в укор, что Христос, перешедши к другим народам, их оставил, не к лицу был бы такой возглас: “Вспомни, Господи, поругание рабов Твоих”. Рабами Божьими нельзя назвать таких иудеев. Такие слова приличны тем, которые, подвергшись тяжким унижениям гонений за имя Христово, могли вспомнить, что семени Давидову было обетовано возвышеннейшее царство; и с желанием этого царства, не в отчаянии, а выражая просьбу, стремление, настойчивое, наконец, домогательство, могли говорить: “Где прежние милости Твои, Господи? Ты клялся Давиду истиною Твоею. Вспомни, Господи, поругание рабов Твоих, которые я ношу в недре моем от всех сильных народов”.

Выражение же: “Вспомни, Господи”, что значит, как не — сжался, и в награду за терпеливое перенесение унижений воздай высоту, которою клялся Давиду истиною Твоей? Если же припишем эти слова иудеям, то так могли

говорить те рабы Божии, которые по разрушении земного Иерусалима, до рождения Иисуса Христа по человечеству, были отведены в плен с ясным представлением об изменении Христа, т. е., что через Него следует ожидать не земного и телесного счастья, каким отличались немногие годы царствования Соломона, а небесного и духовного. Не ведая этого, неверие народов, когда оно торжествовало и издевалось над пленом народа Божия, чем иным укоряло, не ведая ведающих, как не изменением Христа?

Последующие слова, которыми заканчивается псалом: “Благословен Господь во век! Аминь, аминь” (Пс. LXXXVIII, 53), вполне приличествуют всему народу Божию, принадлежащему к небесному Иерусалиму, идут ли они от лица тех, которые скрывались в завете Ветхом до откровения Нового, или от лица тех, которые по откровении Нового завета оказываются открыто принадлежащими Христу. Ибо следует надеяться, что благословение Господне на семени Давидовом пребудет не на некоторое известное время, как обнаружилось оно в дни Соломона, а “во веки”. В этой несомненной надежде говорится: “Аминь, аминь”. Повторение этого слова есть подтверждение той надежды.

Разумея это, Давид в том месте второй книги Царств, от которого мы перешли к настоящему псалму, говорит: “Ты возвестил еще о доме раба Твоего вдаль”. Поэтому же немного далее он говорит: “Ныне начни и благослови дом раба Твоего... во веки” (II Цар. VII, 19, 29), и т. д., так как в то время он должен был родить сына, от которого продолжилось бы поколение его до Христа; а через Христа дом его имел быть вечным и, в тоже время, домом Божиим. Дом он Давидов, по причине рода Давида; но в то же время он — дом Божий, по причине храма Божия, созданного не из камней, а из людей, в котором будет обитать во веки веков народ с Богом и в Боге своем, а Бог с народом и в народе Своем; так что Бог будет наполнять народ Свой, а народ будет наполнен Богом своим, и будет Бог во всех, Сам составляя награду в мире, будучи доблестью во брани. Поэтому после сказанного устами Нафана: “Господь возвещает тебе, что Он

устроит тебе дом”, сказано устами Давида: “Ты, Господи Саваоф, Боже Израилев, открыл рабу Твоему, говоря: “устрою тебе дом” (II Цар. VII, 11, 27). Этот дом создаем и мы доброю жизнью, создает и Бог, помогая нам в доброй жизни. Когда наступит время окончательного освящения этого дома, тогда исполнится то, что говорил в этом случае Бог через пророка Нафана словами: “Я устрою место для народа Моего, для Израиля, и укореню его, и будет он спокойно жить на месте своем, и не будет тревожиться больше, и люди нечестивые не станут более теснить его, как прежде, с того времени, как Я поставил судей над народом Моим Израилем”.

Глава XIII

Кто ожидает этого столь великого блага в настоящей жизни и на этой земле, тот поступает безрассудно. Не подумает ли разве кто-нибудь, что это исполнилось в мирное царствование Соломона? Мир этого царствования Писание, действительно, выставляет по преимуществу на вид, как сень будущего. Но такое предположение старательно устраняется, когда вслед за словами: “Люди нечестивые не станут более теснить его”, тотчас же прибавляется: “Как прежде, с того времени, как Я поставил судей над народом Моим Израилем”. Прежде чем стали поставляться цари, над народом тем, со времени принятия им во владение земли обетования, ставились судьи. Люди нечестивые, т. е. чужеземные враги, постоянно тревожили и обижали его, так как, по свидетельству Писания, мирные времена сменялись войнами; но встречаются и в этот период еще более продолжительные времена мира, чем время Соломона, царствовавшего сорок лет. Например, при судье, который назывался Аодом, мир продолжался восемьдесят лет. Не следует поэтому думать, что в данном обетовании предсказывались времена Соломона, а тем более времена какого-либо другого царя. Из последних не было ни одного, который царствовал бы столь мирно, как Соломон; да и вообще народ этот никогда не имел такого

царствования, когда не был бы подвержен опасности подпасть под власть врагов. При такой изменчивости дел человеческих, ни одному народу никогда не была обеспечена безопасность до такой степени, чтобы он не страшился вражеских нападений на эту земную жизнь. Итак, то место, которое обещается, как место мирного и безопасного обитания, есть место вечное, и предопределено Вечным в свободном Иерусалиме, где поистине будет народ Израиль: ибо имя это в переводе значит “видящий Бога”. В благочестивом ожидании такой награды и следует проводить по вере жизнь в течение настоящего трудного странствования.

Глава XIV

Итак, при поступательном движении града Божия во времени, в бывшем сенью будущего земном Иерусалиме царствовал, во-первых, Давид. Был же Давид мужем сведущим в пении, любя музыку не вследствие обычной склонности к удовольствиям, а в силу своего чисто духовного настроения; и ею, как таинственным прообразом чего-то великого, послужил Богу своему, Который есть Бог истинный. Ибо разумное и соразмеренное сочетание различных звуков лучше всего говорит о единстве благоустроенного града, образующегося как гармоническое сочетание разнородных частей. Далее, почти все его пророчества заключены в псалмах, содержащихся в числе ста пятидесяти в книге, называемой нами книгою Псалмов. Из этих псалмов некоторые считают произведениями Давида лишь те, которые надписаны его именем. Некоторые же думают, что им составлены только те, которые надписываются: “Давида”; а те, которые надписаны: “Давиду”, были составлены другими, но посвящены ему. Это мнение опровергается евангельским свидетельством самого Спасителя, когда Он говорит, что сам Давид по внушению Духа назвал Христа Господом своим; потому что сто девятый псалом начинается так: “Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в под-

ножие ног Твоих” (Пс. СІХ, 1). Псалом надписывается не “Давида”, а “Давиду”*, как и многие другие.

Но мне представляется более вероятным мнение тех, которые приписывают все сто пятьдесят псалмов самому Давиду и думают, что сам же он надписал некоторые чужими именами, дававшими какой-нибудь прообраз в отношении к предмету, а в надписании остальных не захотел поставить никакого человеческого имени, соответственно тому, что такой разнообразный порядок, хотя и темный, но во всяком случае не лишенный значения, внушил ему Господь. Уменьшать вероятность этого не должно то обстоятельство, что в надписании некоторых псалмов в этой книге читаются имена каких-нибудь пророков, живших гораздо позже царя Давида, как-будто сказанное в этих псалмах говорится от их лица. Пророческий Дух мог пророчествующему царю Давиду открыть и эти имена будущих пророков, чтобы он мог пророчески воспеть нечто, соответствующее их лицу, подобно тому, как царь Иосия, имевший родиться и царствовать спустя более трехсот лет, был открыт по имени некоему пророку, предсказавшему будущие его действия.

Глава XV

Вижу, что от меня уже ждут, что в настоящем месте этой книги я изложу те пророчества, которые изрек Давид в псалмах о Господе Иисусе Христе или о Церкви Его. Но удовлетворить это ожидание (хотя в одном случае я это уже сделал) мне мешает скорее обилие их, чем недостаток. Излагать их все я удерживаюсь, чтобы избежать длиннот; а избирать некоторые опасаясь, чтобы многим, знающим их, не показалось, что я опустил нечто более важное. Притом, приводимое свидетельство должно быть связано с речью всего псалма, чтобы ничто не противоречило ему (т. е. чтобы не было обвинений в том, что

* В современном каноническом русском издании этот псалом надписан: “Псалом Давида”.

приводятся фразы, вырванные из контекста); иначе может показаться, что мы, как в известного рода составленных из отрывков поэмах, выбираем для своей цели, будто отдельные строки из большого стихотворения, то, что оказывается написанным вовсе не о том предмете, а о другом, весьма от него далеком. Чтобы указать его в каком-нибудь псалме, нужно изложить весь псалом; а какого стоит это труда, достаточно показывают и книги других, и наши собственные, в которых мы это сделали. Кто хочет и может, пусть читает их: в них он найдет, сколько и каких пророчеств изрек царь и пророк Давид о Христе и о Церкви Его, т. е. о Царе и о граде, который Он создал.

Глава XVI

Хотя пророческие изречения по какому-нибудь предмету имеют прямой и ясный смысл, к ним неизбежно примешиваются и такие, которые имеют смысл переносный. Последние особенно затрудняют учителей в деле истолкования и разъяснения пророчеств людям не слишком понятливым. Некоторые, впрочем, с первого же раза, как только они высказываются, прямо указывают на Христа и Церковь; хотя и оставляют для дальнейшего разъяснения кое-что менее в них понятное. Таково следующее пророчество в той же книге Псалмов: “Излилось из сердца моего слово благое; я говорю: песнь моя о Царе; язык мой — трость скорописца. Ты прекраснее сынов человеческих; благодать излилась из уст Твоих; посему благословил Тебя Бог на веки. Препояшь Себя по бедру мечем Твоим, Сильный, славою Твоею и красотой Твоею. И в сем украшении Твоем поспеши, воссядь на колесницу ради истины и кротости и правды, и десница Твоя покажет Тебе дивные дела. Остры стрелы Твои; — народы падут пред Тобою; — они — в сердце врагов Царя. Престол Твой, Боже, вовек; жезл правоты — жезл царства Твоего. Ты возлюбил правду, и возненавидел беззаконие; посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более соу-

частников Твоих. Все одежды Твои, как смирна и алой и касия; из чертогов слоновой кости увеселяют Тебя. Дочери царей между почетными у Тебя” (Пс. XLIV, 2 — 10).

Кто, как бы ни был он туп, не узнает в этих словах Христа, Которого мы проповедуем и в Которого веруем, когда услышит, что Он называется Богом, престол Которого “на веки”, и помазанным от Бога, — помазанным, конечно, как помазывает Бог, не видимым, а духовным и умным помазанием? Разве есть кто, до такой степени невежественный в этой религии или до такой степени глухой по отношению к слухам о ней, столь далеко и широко распространенным, что не знал бы, что Христос получил имя Свое от хрисмы, т. е. от помазания? Признав же в Царе Христа, он, став уже подданным Того, Который царствует “ради истины и кротости и правды”, на досуге уяснит для себя и остальное, что говорится в этом случае в переносном смысле: каким образом Он прекраснее всех сынов человеческих, — прекраснее красотой особого рода, тем более привлекательной и удивительной, чем менее она красота телесная; что за меч у Него, что за стрелы и все прочее, о чем говорится также не в собственном, а в переносном смысле.

Затем Он увидит Церковь Его, соединенную со своим Супругом союзом духовным и любовью божественной. О ней говорится далее в следующих словах: “Стала царица одесную Тебя в Офирском золоте. Слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей; ибо Он Господь твой, и ты поклонись Ему. И дочь Тира с дарами, и богатейшие из народа будут умолять лице твое. Вся слава дочери Царя внутри; одежда ее шита золотом. В испещренной одежде ведется она к Царю; за нею ведутся к Тебе девы, подруги ее. Приводятся с веселием и ликованием, входят в чертог Царя. Вместо отцов Твоих, будут сыновья Твои; Ты поставишь их князьями по всей земле. Сделаю имя Твое памятным в род и род; посему народы будут славить Тебя во веки и веки” (Пс. XLIV, 10 — 18). Не думаю, чтобы кто-нибудь был настолько

слуп, чтобы вообразить, будто в этом месте восхваляется и описывается какая-либо обыкновенная женщина, жена Того, Кому сказано: “Престол Твой, Боже, вовек; жезл правоты — жезл царства Твоего. Ты возлюбил правду, и возненавидел беззаконие; посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более соучастников Твоих”. Разумеется — помазал Христа более христиан. Ибо последнее суть соучастники Его. Из них изо всех народов через единство и согласие составляется эта царица, в соответствии с тем, что говорится о ней в другом псалме: “Город великого Царя” (Пс. XLVII, 3). Она же и Сион в духовном смысле; имя это в переводе на латинский язык значит “высматривание”. Высматривается в этом случае великое благо будущего века, так как к нему направляются ее усилия. Она же есть и Иерусалим в том же духовном смысле, о чем многое уже было сказано. Ее враг — град диавола, Вавилон, означающий в переводе “смещение”. Через возрождение, впрочем, царица эта освобождается от Вавилона в среде всех народов, и от злейшего царя переходит к Царю благому, т. е. от диавола к Христу. Поэтому и говорится ей: “Забудь народ твой и дом отца твоего”.

Часть этого нечестивого града составляют и израильтяне по плоти, а не по вере: они даже враги великого Царя и Его царицы. Пришедший к ним и убитый ими Христос преимущественнее сделался Христом других народов, которых не видел во плоти. Поэтому в пророчестве одного псалма сам Царь наш говорит: “Ты избавил меня от мятежа народа, поставил меня главою иноплеменников; народ, которого я не знал, служит мне; по одному слуху о мне повинуются мне” (Пс. XVII, 44, 45). Эти люди из народов, которых не ведал Христос, когда являлся во плоти, но в Которого они уверовали как в Христа, когда о Нем было им возвещено, так что о них справедливо говорится: “Вера от слышания, а слышание от слова Божия” (Рим. X, 17), — эти люди, говорю, присоединенные к истинным и по плоти и по вере израильтянам, составляют град Божий, родивший по плоти и самого Христа в то время, когда состоял еще из одних упомянутых израильтян. Ибо оттуда была дева Мария, в которой Христос принял

плоть, чтобы быть человеком. Об этом граде другой псалом говорит: “О Сионе же будут говорить: “такой-то и такой-то муж родился в нем, и Сам Всевышний укрепил его” (Пс. LXXXVI, 5). Кто этот Всевышний, как не Бог? Поэтому Бог Христос, прежде чем соделался в этом граде через Марию человеком, Сам же и основал его в патриархах и пророках. Итак, если этой царице, граду Божию, так задолго было пророчески предсказано исполнившееся уже на наших глазах: “Вместо отцов Твоих, будут сыновья Твои; Ты поставишь их князьями по всей земле”; ибо из ее сынов предстоятели и отцы ее по всей земле; если ей исповедываются народы, притекающие к ней с признанием бесконечных заслуг ее в веке века; то без всякого сомнения все, что в этом месте говорится несколько темновато в образных выражениях, как бы оно ни понималось, должно соответствовать указанному яснейшему смыслу этого места.

Глава XVII

То же справедливо и в отношении к тому псалму, в котором предсказывается яснейшим образом Христос-Священник, как в рассмотренном выше псалме предсказывается Христос-Царь: “Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих” (Пс. CIX, 1). Восседание Христа одесную Бога Отца составляет предмет веры, а не видения; равным образом не обнаруживается, что враги его положены под ноги Его; это делается, но обнаружится в конце; пока и это — предмет веры, а после будет предметом видения. Но то, что следует далее: “Жезл силы Твоей пошлет Господь с Сиона: господствуй среди врагов Твоих” (Пс. CIX, 2), до такой степени очевидно, что отрицать это — признак не только недобросовестности и скудоумия, но даже бесстыдства. Сами враги сознаются, что из Сиона был послан Христов закон, который мы называем Евангелием и который признаем жезлом силы Его. О господстве же Его среди Его врагов свидетельствуют сами же они со скрежетом зубовным и с сознанием своего против Него

бессилия. Затем, относительно сказанного несколько далее: “Клялся Господь, и не раскается (этими словами указывается неперменное исполнение в будущем того, что прибавляется): Ты священник вовек по чину Мельхиседека” (Пс. СІХ, 4), — кто, имея в виду, что священства и жертвоприношения по чину Ааронову уже нигде нет, а повсюду при священстве Христовом приносится то, что принес Мельхиседек, когда благословлял Авраама (Быт. XIV, 18), может недоумевать, к Кому относятся эти слова?

Итак, с этим, вполне ясным, сопоставляется, когда понимается правильно, то, что в том же псалме говорится несколько темнее: это мы уже и сделали в своих, писанных для народа, словах. Так и в другом псалме, где Христос словами пророчества говорит об унижении в Своих страданиях: “Пронзили руки мои и ноги мои. Можно было бы перечить все кости мои, а они смотрят и делают из меня зрелище” (Пс. XXI, 17, 18). Этими словами Он указал на распростертое на кресте тело, с руками и ногами, пригвожденными к дереву, и на то, что Он представил Собою зрелище для наблюдавших и рассматривавших Его. Он прибавил даже: “Делят ризы мои между собою, и об одежде моей бросают жребий” (Пс. XXI, 19). Как исполнилось последнее пророчество, рассказывает евангельская история (Мф. XXVII, 35). Несомненно, что и остальное, что сказано в том же псалме менее ясно, будет понято правильно, если будет соответствовать тому, что выражено столь очевидно; и это тем более, что и то, что мы считаем несовершенным, а полагаем только совершающимся, оказывается в настоящее время осуществляющимся уже по всему миру, как и предсказано в том псалме из столь отдаленного от нас времени. Ибо в нем несколько далее говорится: “Вспомнят и обратятся к Господу все концы земли, и поклонятся пред Тобою все племена язычников, ибо Господне есть царство, и Он — владыка над народами” (Пс. XXI, 28, 29).

Глава XVIII

Не умолчали пророчества псалмов и о воскресении Его. Ибо о чем другом поется в псалме третьем от лица Его: “Ложусь я, сплю и встаю, ибо Господь защищает меня” (Пс. III, 6)? Разве кто-нибудь окажется до такой степени потерявшим здравый смысл, что подумает, будто пророк хотел представить нам как нечто великое то, что он уснет и встанет, если под сном этим не разумелась смерть, а под пробуждением — воскресение, которое в таких выражениях надлежало предвозвестить о Христе? Гораздо яснее указывается на это в псалме сороковом, где по обычаю от лица того же Посредника рассказывается в виде прошедшего то, что предсказывалось как имеющее совершиться; ибо имевшее совершиться, в предопределении и предвидении Божиим было как бы уже совершившимся, настолько оно было несомненным. “Враги мои, — читаем в псалме, — говорят обо мне злое: “когда он умрет и погибнет имя его?” И если приходит кто видеть меня, говорит ложь; сердце его слагает в себе неправду, и он, вышедши вон, толкует. Все, ненавидящие меня, шепчут между собою против меня, замышляют на меня зло: “слово велиала пришло на него; он слег; не встать ему более” (Пс. XL, 6 — 9)? На этот раз слова эти поставлены уже в такой связи, что смысл их однозначен: “Он умер; не воскреснуть Ему”. Ибо предыдущие слова показывают, что враги Его задумали и подготовили Его смерть, и это приведено в исполнение через посредство того, который входил, чтобы видеть, и выходил, чтобы предать. Кто не вспомнит при этом Иуду, сделавшегося из ученика Его предателем?

Итак, поелику они имели исполнить предпринятое, т.е. убить Его, то, показывая, что они напрасно из суетной злобы убьют Того, Кто должен воскреснуть, Он прибавляет этот стих, как бы говоря: “Что вы, суетные, делаете? Что будет злодеянием вашим, то будет моим сном”. А что такое великое злодеяние они совершат, однако же, не безнаказанно, Он показывает в последующих стихах, говоря: “Даже человек мирный со мною, на которого я полагался,

который ел хлеб мой, поднял на меня пяту (т. е. поправил меня ногами). Ты же, Господи, помилуй меня, и восставь меня, и я воздам им” (Пс. XL, 10, 11). Кто станет теперь отрицать это, видя, как после страданий и воскресения Христа иудеи подверглись истреблению в кровопролитной войне, были исторгнуты с корнем из своих поселений? Убитый ими воскрес и воздал им пока временным враждебством, помимо того, что оставляет для неисправимых на будущее, когда будет судить живых и мертвых. Да и сам Господь Иисус, указывая простертым хлебом предателя Своего апостолам, напомнил этот самый стих псалма и сказал, что он исполнился на Нем: “Ядущий со Мною хлеб поднял на Меня пяту свою” (Иоан. XIII, 18). Слова же “на которого я полагался” соответствуют не Главе, а телу. Сам Спаситель знал, конечно, того, о ком еще прежде сказал: “Один из вас диавол” (Иоан. VI, 70). Но Он имеет обыкновение представлять в Своем лице членов Своих и приписывать Себе относящееся к ним, так как и Глава и тело составляют одного Христа; отсюда известное выражение в Евангелии: “Алкал Я, и вы дали Мне есть”. Поясняя это, Он говорит: “Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне” (Мф. XXV, 35, 40). Итак, Он сказал, что уповал, потому что на Иуду возлагали упование ученики Его в то время, когда Иуда был причислен к апостолам.

Иудеи же не думают, что ожидаемый ими Христос может умереть. Поэтому они полагают, что предсказанный Законом и Пророками не есть наш Христос, а какой-то их, которого они воображают чуждым смертных страданий. Поэтому с изумительной суетностью и слепотою со своей стороны утверждают, будто приведенные нами слова означают не смерть и воскресение, а сон и пробуждение. Но им громкое свидетельство дает и псалом пятнадцатый: “Оттого возрадовалось сердце мое и возвеселился язык мой; даже и плоть моя успокоится в уповании; ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление” (Пс. XV, 9, 10). Кто мог бы сказать, что плоть его успокоилась в надежде, что душа в аде не останется, но немедленно возвратившись к ней (плоти),

снова оживит ее, чтобы не истлела она, как истлевают трупы, — кто мог бы сказать это кроме Того, Кто воскрес в третий день? О пророке и царе Давиде они никак не могут этого утверждать.

Громко взывает и псалом шестьдесят седьмой: “Бог для нас — Бог во спасение; во власти Господа Вседержителя врата смерти” (Пс. LXVII, 21). Можно ли сказать что-нибудь яснее? Бог во спасение есть Иисус, что в переводе значит Спаситель. Именно такой смысл был дан этому имени, когда еще до рождения Христа от Девы было сказано: “Родишь же Сына, и наречешь Ему имя: Иисус; ибо Он спасет людей Своих от грехов их” (Мф. 1, 21). Так как ради оставления этих грехов была пролита Его кровь, то и не надлежало Ему иметь другого исхода из настоящей жизни, кроме смертного. Поэтому вслед за словами: “Бог для нас — Бог во спасение”, тотчас же прибавлено: “Во власти Господа Вседержителя врата смерти”, чтобы показать, что спасет Он своею смертью. Но последние слова сказаны с выражением некоторого удивления, будто хотели сказать: “Такова настоящая жизнь смертных, что и для самого Господа нет из нее другого выхода, кроме как через смерть”.

Глава XIX

Так как на иудеев решительно не действует до такой степени ясные свидетельства этого пророчества даже и в то время, когда события показали их очевидное и точное исполнение; то на них исполняется написанное в следующем за этим псалме. И здесь от лица Христова говорится пророчески о том, что относится к Его страданию, и между прочим упоминается известное из Евангелия: “И дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом” (Пс. LXVIII, 22; Мф. XXVII, 34). А затем, как бы после такого пира и предложенных Ему такого рода явств, вводится такая речь: “Да будет трапеза их сетью им, и мирное пиршество их — западнею. Да помрачатся глаза их, чтоб им не видеть, и чресла их расслабь навсегда”

(Пс. LXVIII, 23, 24), и проч. Выказано это как пожелание; но под видом пожелания изложено пророческое предсказание. Удивительно ли после этого, что не видят очевидного те, чьи очи помрачились, чтобы не видеть? Удивительно ли, что не воспринимают небесного те, у которых расслаблены чресла, чтобы смотреть им вниз? Последними словами, перенесенными от тела, обозначаются пороки душевные. Приведенных свидетельств из псалмов, т. е. из пророчеств царя Давида, достаточно, и пора нам уже знать меру. Читающие это и знающие их все пусть извинят и не жалуются, если на их взгляд или по их мнению окажется, что я опустил нечто более важное.

Глава XX

Итак, в земном Иерусалиме царствовал Давид, сын Иерусалима небесного, весьма восхваляемый в божественном Писании, ибо и сами проступки его были через спасительное уничтожение покаяния заглажены таким благочестием, что он, несомненно, находится в числе тех, о которых сам говорит: “Блажен, кому отпущены беззакония, и чьи грехи покрыты!” (Пс. XXXI, 1). По смерти его царствовал над тем же народом сын его Соломон, начавший царствовать, как сказано было выше, еще при жизни отца. Этот, после доброго начала, имел конец дурной. Счастливые обстоятельства, утомляющие души мудрых, причинили ему более вреда, чем принесла пользы самая мудрость, достопамятная теперь и впредь, а в то время далеко и повсюду прославлявшаяся. Находят, что и он пророчествовал в своих книгах. Три его книги: Притчи, Екклесиаст и Песнь Песней зачислены в число канонических. Другие же две, из которых одна называется Премудрость, а другая — Екклесиастик, по причине некоторого сходства в изложении, принято также называть Соломоновыми; но ученые не сомневаются, что они принадлежат не ему. Впрочем, Церковь, в особенности же Западная, издревле приняла их в число священных. В одной из них, которая называется Премудрость Соломона, излагается яснейшее пророчество

о страданиях Христа. Нечестивые убийцы его представляются говорящими: “Уловим праведного, ибо он нам неприятен и противится делам нашим, и поносит прегрешения законов наших, и бесславит грехи учения нашего. Возвещает нам разумение Божие и сыном Божиим именует себя. Он — обличитель помыслов наших. Тяжко нам видеть его, ибо праведны пути его. Увидим, истинны ли слова его: если он истинный сын Божий, (Бог) защитит его, избавит его от рук противящихся (ему). Досаждением и мукой будем истязать его, да увидим кротость его, и искусим терпение его. Смертию позорной осудим его”. Так помыслили и прельстились, ибо злоба их ослепила их” (Прем. 11, 12 — 21).

В Екклесиастике же предсказывается будущая вера язычников в следующих выражениях: “Помилуй нас, Владыко Господи, и устраши все народы: воздвигни руку Твою на народы чуждые, да узрят они силу Твою. Как пред ними Ты освятился в нас, так пред нами возвеличься в них; и да познают они, как и мы познали, что нет Бога кроме Тебя, Господи” (Сирах. XXXVI, 1 — 5). Это пророчество, изложенное в виде пожелания и молитвы, мы видим исполнившимся через Иисуса Христа. Но против спорщиков не имеют такой силы свидетельства, приводимые из писаний, не входящих в состав иудейского канона.

Что касается тех трех книг, о которых известно, что они принадлежат Соломону, и которые иудеи считают каноническими, то для указания того, что в них находится в таком же роде относящегося ко Христу и Церкви, необходимо тщательно проведенное исследование, которое вывело бы нас из надлежащих границ, если бы мы вдалились в него в настоящее время. Впрочем, приводимые в Притчах слова нечестивых: “Подстережем непорочного без вины, живых проглотим их, как преисподняя, и — целых, как нисходящих в могилу; наберем всякого драгоценного имущества” (Притч. 1, 11 — 13), не до такой степени темны, чтобы их нельзя было без особого и старательного толкования применять к Христу и Его имуществу, Церкви. Нечто подобное и сам Господь Иисус влагает в евангельской притче в уста злых делателей: “Это наследник; пойдем,

убьем его и завладеем наследством его” (Мф. XXI, 38). Таковы и те слова в той же книге, которые мы привели прежде, когда говорили о бесплодной, которая родила семерых: знавшие, что Христос есть Божия Премудрость, только к Христу и Церкви обыкновенно и относили их после того, как они были произнесены.

“Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его, заколола жертву, растворило вино свое и приготовила у себя трапезу; послала слуг своих провозгласить с возвышенностей городских: “кто неразумен, обратись сюда!” И скудоумному она сказала: “идите, ешьте хлеб мой, и пейте вино, мною растворенное” (Притч. IX, 1 — 5). В этих словах мы действительно узнаем Божию Премудрость, т. е. совечное Отцу Слово, создавшее Себе в девственном чреве дом — тело человеческое, и к этому телу, как члены к главе, присоединившее Церковь; заставшее жертвы мучеников; приготовившее трапезу из вина и хлебов, в которых проявилось и священство по чину Мельхиседекову; призвавшее безумных и бедных смыслом: ибо, по слову апостола, “избрал немощное мира, чтобы посрамить сильное” (I Кор. I, 27). Однако же, этим немощным Оно говорит далее: “Оставьте неразумие, и живите, и ходите путем разума” (Притч. IX, 6). Быть же причастным трапезе Его и значит начать жить. Ибо и в другой книге, которая называется Екклесиаст, когда говорится: “Нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться” (Еккл. VIII, 15), что другое имеется в виду, как не то, что относится к причастию той трапезы, которую предлагает из тела и крови Своей этот Посредник Нового завета, священник по чину Мельхиседекову? Ведь эта жертва заменила собою те жертвоприношения Ветхого завета, которые совершались как сень будущего. Это дает нам понять и в тридцать девятом псалме голос того же Посредника, Который говорит: “Жертвы и приношения Ты не восхотел; Ты открыл мне уши” (Пс. XXXIX, 7). Вместо всех тех жертв и приношений приносится и раздается участникам тело Его.

Что сам Екклесиаст в изречении о еде и питье, которое часто повторяет и на которое заставляет обратить особое

внимание, разумеет не явства, доставляющие плотское удовольствие, он довольно ясно показывает, когда говорит: “Лучше ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира”. И несколько далее: “Сердце мудрых — в доме плача, а сердце глупых — в доме веселия” (Еккл. VII, 2, 4). Но в особенности я считаю нужным напомнить из этой книги то, что касается двух градов, одного диаволова, другого Христова, и царей их, диавола и Христа. “Горе тебе, земля, — говорит Екклесиаст, — когда царь твой отрок, и когда князя твои едят рано! Благо тебе, земля, когда царь у тебя из благородного рода, и князя твои едят вовремя, для подкрепления, а не для пресыщения!” (Еккл. X, 16, 17). Отроком он называет диавола по причине глупости, гордости, наглости и других пороков, обыкновенно в изобилии присущих этому возрасту; Христа же называет сыном благородных, т. е. святых патриархов, принадлежащих к свободному граду, от которых Он произшел по плоти. Князя первого града едят рано, т. е. до соответствующего часа, потому что не ждут благовременного и истинного счастья в будущем веке, желая насладиться поскорее блеском века этого. Князя же града Христова терпеливо ожидают времени неложного блаженства. На это он указывает словами: “не для пресыщения”; потому что их не обманет надежда, о которой апостол говорит: “Надежда не постыжает” (Рим. V, 5). Говорит (об этом) и псалом: “На Тебя уповаю, да не постыжусь” (Пс. XXIV, 2). Вслед за этим и Песнь Песней представляет некоторое духовное наслаждение святых умов в союзе этого Царя и царицы града, т. е. Христа и Церкви. Но наслаждение это представлено под аллегорическими покровами, чтобы пламеннее желалось и приятнее обнаруживалось, и стал бы видимым и жених, которому в этой Песне говорится: “Достойно любят тебя!” (Песн. I, 3), и невеста, которой там же говорят: “Как ты прекрасна, как привлекательна, возлюбленная” (Песн. VII, 6). Обходим многое молчанием, чтобы удержать настоящий труд в надлежащих границах.

Глава XXI

Остальные еврейские цари после Соломона, если и оказываются пророчествовавшими о Христе и Церкви, то лишь некоторою загадочностью своих изречений и действий; и это как в Иудее, так и в Израиле. Последними именами были названы части этого народа с того времени, как он, вследствие наказания Божия за прегрешения Соломона, разделился при сыне его Ровоаме, наследовавшем отцу в царствовании. Десять колен, которые принял в управление раб Соломона Иеровоам, стали называться тогда Израилем, хотя это было имя всего народа. А два колена, т. е. Иудино и Вениаминово, оставшиеся подчиненными Иерусалиму ради Давида, чтобы царская власть не прекратилась в его поколении, носили имя Иуды: так как из этого колена был Давид. Другое же колено, принадлежавшее, как я сказал, к этому царству, Вениаминово, было коленом, из которого происходил Саул, царствовавший перед Давидом.

Оба эти колена вместе, как сказано, назывались Иудею; и этим именем отличались от Израиля, каковым именем по преимуществу назывались десять колен, имевшие собственного царя. Колено же Левиино, бывшее священническим и потому обязанное служением Богу, а не царям, считалось тринадцатым. Это потому, что Иосиф, один из двенадцати сыновей Иакова, оставил после себя не одно, как другие, а два колена, Ефремово и Манассиино. Впрочем, и коленно Левиино более принадлежало к царству Иерусалимскому, где находился храм Божий, которому оно служило. Итак, по разделении народа в Иерусалиме первым царствовал Ровоам, царь Иудеи, сын Соломона, а в Самарии — Иеровоам, царь Израиля, раб Соломона. И когда Ровоам хотел было войною достигнуть власти над отделившеюся частью, то народу было запрещено сражаться со своими братьями: Бог сказал через пророка, что это разделение — Его дело. Отсюда уяснилось, что в этом деле не было греха ни со стороны царя Израильского, ни со стороны народа, а было исполнение воли каравшего Бога. Узнав

об этом, та и другая часть успокоилась, установив взаимный мир: ибо совершилось разделение не религии, а царства.

Глава XXII

Но по нелепому безрассудству царь Израиля Иероваам, не веря Богу, правдивость Которого он испытал в исполнении данного ему обещания царства, побоялся, чтобы народ, приходя к храму Божию, который был в Иерусалиме и куда по божественному закону должны были приходить все евреи для принесения жертв, не отложился от него и не возвратился снова под власть племени Давидова, как племени царственного. Он установил в своем царстве идолопоклонство и увлек народ Божий вместе с собою к нечестивому почитанию статуй. Впрочем, Бог не перестал всячески обличать через пророков не только этого царя, но и преемников его, бывших подражателями его нечестия, и сам народ. Ибо там появились и те знаменитые великие пророки, которые совершили многие чудеса: Илия и ученик его Елисей. Там же, когда говорил Илия: “Сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники, и пророков Твоих убили мечем; остался я один, но и моей души ищут, чтобы отнять ее” (III Цар. XIX, 10), ему дан был ответ, что есть еще там семь тысяч мужей, которые не преклоняли колен пред Ваалом.

Глава XXIII

В свою очередь, и в царстве Иуды, приуроченном к Иерусалиму, даже во времена последующих царей не было недостатка в пророках. Бог посылал их по Своему усмотрению или для предвозвещения того, что нужно было предвозвестить, или для обличения грехов и для научения справедливости. Ибо и там, хотя гораздо реже чем в Израиле, но все же появлялись цари, тяжко оскорблявшие Бога своим нечестием и подвергавшиеся с подражавшим им народом умеренным наказаниям. Но там с похвалою

выставляются на вид и немалые заслуги царей благочестивых. В Израиле же Писание одних более, других менее, но не одобряет всех.

Итак, та и другая часть народа, соответственно тому, как повелевало или попускало божественное провидение, попеременно то увеличивала благосостояние свое, то терпела бедствия. Подвергались они бедствиям не только внешних, но и внутренних, междоусобных войн, соответственно тому, как при существовании известных причин проявлялись милосердие или гнев Божий; пока гнев этот не возрос до такой степени, что весь этот народ, побежденный халдеями, был не только разорен в месте своего жительства, но и по большей своей части переселен в земли ассирийцев. Сперва подверглась этому та часть, которая в составе десяти колен называлась Израилем; а потом, по разрушении Иерусалима и знаменитейшего его храма, подверглась тому же и Иудея. В землях ассирийцев народ провел семьдесят лет пленения. Спустя эти годы, будучи отпущен оттуда, он восстановил разрушенный храм; и хотя очень многие из этого народа проживали в чужих землях, он не делился после этого на два царства и не имел в каждом отдельно двух особых царей. У них был теперь только один князь в Иерусалиме; и к храму Божию, который там был, в определенные времена стекались они все отовсюду, где кто жил и откуда кто мог. Не были они защищены от врагов и завоевателей и в это время: Христос застал их данниками уже римлян.

Глава XXIV

Во все это время, с тех пор как возвратились они из Вавилонии, после Малахии, Аггея и Захарии, пророчествовавших тогда, и после Ездры, они не имели пророков до пришествия Спасителя, кроме другого Захарии, отца Иоаннова, и жены его Елисаветы, — когда рождение Христа было уже весьма близко, а по рождении Его, — кроме старца Симеона, вдовицы, престарелой уже Анны и самого последнего, Иоанна. Этот, будучи юношей и во

Время юности Христа, хотя и не предсказал о Нем, как имеющем быть, но пророческим ведением указал Его, неведомого. Поэтому сам Господь говорит: “Все пророки и закон прорекли до Иоанна” (Мф. XI, 13). Пророчества этих пяти известны нам из Евангелия; там же представляется пророчествующей до Иоанна и сама Дева, мать Господа. Но отверженные иудеи не принимают их пророчеств; приняли же эти пророчества те из их среды, которые в несчетном количестве уверовали в Евангелие. Ибо в то время Израиль действительно разделился надвое тем разделением, которое, как бесповоротное, было через пророка Самуила предсказано царю Саулу. Малахия же, Аггей, Захария и Ездра и у отверженных иудеев считаются принятыми в числе последних, имеющих каноническое значение. Ибо и их книги, в числе книг немногих из великого числа пророков, были приняты в канон. Из пророчеств их, относящихся к Христу и Его Церкви, некоторые я нахожу нужным изложить в этом сочинении; но это удобнее будет сделать в следующей книге, чтобы настоящую, и без того обширную, не увеличивать еще более.

КНИГА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Глава I

Я обещал написать о начале, распространении и неизбежном конце двух градов, из которых* один — град Божий, а другой — град настоящего века, где странствует теперь и град Божий, насколько он принадлежит к человеческому роду. Но прежде, насколько мне помогла благодать Христова, я опроверг противников града Божия, которые Создателю его, Христу, предпочитают своих богов и с пагубной для себя злобой ненавидят христиан. Это я сделал в первых десяти книгах. Что же касается того тройственного обещания, о котором я только что упомянул, то начало обоих градов изложено мною в следующих за десятью четырех книгах. Потом в еще одной книге, пятнадцатой книге настоящего сочинения, говорится об их распространении от первого человека до потопа; и затем, как в истории, так и в нашем сочинении оба града продолжают идти совместно вплоть до Авраама. Но начиная с патриарха Авраама до времени царей Израильских, — на чем мы закончили шестнадцатую книгу, — и от этого времени до пришествия во плоти самого Спасителя, на чем заканчивается книга семнадцатая, мое сочинение повествует о распространении одного только града Божия, хотя в настоящем веке этот град не жил обособленно, но оба они, как и с самого начала, всегда вместе в зависимости от успехов того или другого в делах человеческих общали временам различный характер. Это я сделал для того, чтобы с первого момента, как обетования Божии начали быть более ясными, и до самого рождения от Девы Того, в Ком должно было исполниться обетованное, судьбы града Божия, не переплетаясь с противоположными судьбами другого града, обрисовывались отчетливой; хотя до откровения Нового завета он ходил не в свете, а в тени. Теперь я считаю нужным сделать то, что опустил: коснусь и судеб другого града со времени Авраама на-

столько, чтобы читатели сами могли оба их между собою сравнить.

Глава II

Итак, общество смертных, рассеянное на земле повсюду и при всем различии местных условий соединенное известной общностью одной и той же природы, — вследствие того, что каждый ищет своей пользы и удовлетворения своих желаний, а того, к чему он стремиться, или не хватает никому, или хватает, но не всем, — не будучи тождественно, по большей части разделяется само против себя, и часть, которая пересиливает, угнетает другую. Побежденная подчиняется победившей, предпочитая, конечно, не только господству, но и самой свободе хоть какой-нибудь мир и спасение; и это — до такой степени, что те составляли предмет великого удивления, которые предпочитали лучше погибнуть, чем переносить рабство. Ибо почти у всех народов высказывался некоторым образом голос природы, по которому они обычно предпочитали покориться победителям, чем подвергнуться уничтожению вследствие истребительной войны. Из этого вышло так, что не без действия промысла Божия, во власти которого находится то, чтобы каждый посредством войны или покорялся сам, или покорял других, одни обладали царствами, а другие подчинялись царствующим. Но из многих земных царств, на которые разделяется общество земных выгод или желаний (которое мы называем градом мира сего), мы выделяем два царства, сделавшихся самыми знаменитыми: сперва Ассирийское, затем Римское, разграниченные и отделенные друг от друга как по времени, так и по месту. Ибо как первое возникло прежде, а второе — после, так то возникло на Востоке, а это — на Западе; и притом с концом первого совпадает начало последнего. Что же касается остальных царств и остальных царей, то я назвал бы их резервами тех двух.

Итак, Нин был вторым царем ассирийцев, наследовавшим отцу своему Белу, первому царю этого царства, когда в земле Халдейской родился Авраам. Было в то

Время еще небольшое царство Сикионское, с которого известный ученый Марк Варрон, повествуя о племени народа римского, начинает как по времени самого древнего. От царей Сикионских он переходит к афинянам, от афинян к латинянам, а от этих к римлянам. Но до основания Рима царства Сикионское и Афинское представляются весьма незначительными по сравнению с Ассирийским. Правда, и по признанию Саллюстия, римского историка, в Греции были весьма знамениты афиняне, но более благодаря молве, чем на самом деле. Ибо, говоря об афинянах, Саллюстий замечает: “Деяния афинян, как я думаю, были довольно велики и блестящи, однако несколько менее значительны, чем как говорит о них молва. Но поелику среди них явились писатели с великим талантом, то дела их во всем мире превозносятся, как дела величайшие. Доблесть совершавших их представляется настолько удивительной, насколько смогли описать ее великие таланты”. Немалую славу придали этому городу науки и философия, так как занятия этого рода процветали прежде всего именно там. Но что касается политического значения, то ни одно государство в первые времена не было сильнее и не распространялось так далеко и широко, как Ассирийское.

Повествуют, что тамошний царь Нин, сын Бела, всю Азию, которая по счету называется третьей, а по величине является половиной всего земного шара, покорил до самых пределов Ливии. Власть его на Востоке не распространялась на одних только индийцев; но и этих после его смерти покорила его жена, Семирамида. Таким образом, все, какие только были в тех странах народы и цари, повиновались господству и власти ассирийцев и делали то, что им приказывалось. Итак, Авраам родился в этом царстве среди халдеев во времена Нина. Но поелику события греческие нам гораздо более известны, чем ассирийские, и те, которые искали первые и древнейшие следы племени римского народа, последовательность исторических периодов вели через греков к латинянам, а от последних к римлянам, которые и сами суть латиняне, то мы должны, где нужно, упоминать царей ассирийских,

чтобы видно было, как Вавилония, этот как бы первый Рим, разрасталась параллельно со странствующим в этом мире градом Божиим; но события, которые должны быть включены в настоящее сочинение для сравнения того и другого, т. е. земного и небесного градов, мы вынуждены брать от греков и латинян, у которых и сам Рим является как бы второй Вавилонией.

Итак, когда родился Авраам, вторыми царями были: у ассирийцев Нин, у сикионцев Европс; а первыми царями были: у тех Бел, у этих Эгиалей. Когда же после выхода Авраама из Вавилонии Бог обещал ему, что от него произойдет великое потомство и в семени его благословятся все народы, ассирийцы имели четвертого царя, а сикионцы — пятого. У первых после матери своей Семирамиды царствовал сын Нина; последняя, говорят, была им умерщвлена, когда осмелилась осквернить сына кровосмесительным соитием. Некоторые думают, что именно она построила Вавилон, хотя она могла только восстановить его: когда и как он был построен, — об этом мы сказали в шестнадцатой книге. Сына Нина и Семирамиды, который после матери наследовал царство, одни называют также Нином, а другие Нинием, производя его имя от имени отца. Царством же Сикионским управлял в то время Телксион. В его царствование были такие безмятежные и счастливые времена, что когда он умер, его почтили, как бога, жертвоприношениями и играми, которые, говорят, и установлены были впервые в его честь.

Глава III

В это же время у столетнего Авраама, по обетованию Божию, родился сын Исаак от Сарры, которая, будучи бесплодной и состарившейся, потеряла уже надежду на потомство. А у ассирийцев был тогда пятым царем Аралий. У самого же Исаака на шестидесятом году родились близнецы Исав и Иаков, которых родила ему Ревекка, когда еще был жив дед их Авраам и имел сто шестьдесят лет от роду: он умер ста семидесяти пяти лет, когда у

Ассирийцев был царем старший Ксеркс, называвшийся также Баллеем, а у сикионцев Фуриак, которому некоторые дают имя Фуримаха. Это были седьмые цари. В одно время с внуками Авраама возникло царство Аргос, в котором первым царем был Инах. Нельзя не упомянуть, что, по свидетельству Варрона, сикионцы приносили жертвы и у гроба седьмого своего царя Фуриака. При восьмьх царях, ассирийском Армамитре, сикионском Левкиппе, и при первом царе Аргоса Инахе, Бог говорил к Исааку и повторил ему те самые два обетования, которые даны были отцу его, т. е. что потомству его будет принадлежать Ханаан и что в семени его благословятся все народы.

То же самое обещано было и его сыну, внуку Авраама, который назывался сначала Иаковом, а потом Израилем, когда у ассирийцев царствовал уже девятый царь Белох, у аргосцев второй, сын Инаха Фороней, а у сикионцев оставался еще Левкипп. В это время Греция, при Аргоском царе Форонее, сделалась более известной некоторыми установлениями законов и учреждением судов. Однако, когда умер младший брат Фороней, Фегой, над его могилой был построен храм, в котором его почитали как бога и приносили ему в жертву быков. Полагаю, что такой чести его удостоили потому, что в своем уделе (ибо отец дал обоим им по области, в которых они царствовали еще при его жизни) он установил священные места с жертвенниками для богов и научил наблюдать времена по месяцам и годам: как какое из них измеряется и вычисляется. Удивляясь этой новости, люди, в то время еще невежественные, или думали, что он после смерти сделался богом, или желали, чтобы был таковым. Ибо и Ио, которая, впоследствии названная Исидой, почиталась в Египте как великая богиня, была, говорят, дочерью Инаха; хотя другие пишут, что она пришла в Египет царицей из Эфиопии, и так как управляла египтянами с большою властью и справедливо, ввела много для них полезного и положила начало наукам, то после смерти ей оказали там божескую честь и такое почитание, что считали уголовным преступлением, если кто называл ее человеком.

Глава IV

При десятом царе Ассирии Балее и девятом Сикиона Месаппе, которого некоторые называют еще Кефисом (если только, впрочем, это был один человек с двумя именами и если те, которые в своих сочинениях поставили другое имя, не разумели под ним другого лица), когда третьим царем Аргоса был Апис, умер ста восьмидесяти лет от роду Исаак и оставил после себя своих близнецов ста двадцати лет; из них младший Иаков, принадлежавший к граду Божию, о котором мы пишем (между тем как старший был отвергнут), имел двенадцать сынов, из коих тот, который назывался Иосифом, своими братьями еще при жизни их деда Исаака был продан купцам, идущим в Египет. Но Иосиф, когда ему исполнилось тридцать лет, был принят на службу к фараону, возвысившись из того унижения, которое претерпел. Истолковав по божественному внушению сны царя, он предсказал, что наступят семь лет плодородия, изобилие которых истощат следующие за ними другие семь лет голода; за это царь сделал его начальником Египта, освободив из темницы, куда ввергла его целомудренная невинность: потому что, мужественно сохраняя ее, он с госпожою, воспылавшей к нему нечистой любовью и грозившей оклеветать его перед легковерным господином, не согласился на блуд, вырвавшись из ее объятий и бросив даже одежду. Во второй год семи голодных лет прибыл в Египет к сыну Иаков со всеми домочадцами, будучи ста тридцати лет, как он о том сообщил сам (Быт. XLVII, 9); Иосифу же было тогда тридцать девять лет, если к тридцати годам, которые он имел, когда был осыпан милостями царя, прибавить семь лет плодородия и два года голода.

Глава V

В это время царь Аргоса Апис, приплыв на кораблях в Египет, сделался, когда умер, величайшим из всех египетских богов, Сераписом. Почему он после смерти

был назван не Аписом, а Сераписом, весьма удовлетворительное объяснение дает Варрон. Так как гроб, в который кладется умерший и который теперь все называют саркофаγος, по-гречески называется σороς, и после похорон его начали почитать в этом гробе, прежде чем построили ему храм; то сперва он был назван как бы Сорос и Апис, Сорапис, а потом, с переменой одной буквы, как это часто бывает, Серапис. И относительно него также было постановлено, чтобы каждый, кто сказал бы, что он был человеком, подвергался смертной казни. А так как почти во всех храмах, в которых чтили Исиду и Сераписа, стояла и статуя, которая пальцем, прижатым к губам, по-видимому советовала хранить молчание, то Варрон думает, что это означает, чтобы молчали о том, что они были людьми. Но тот бык, которого одержимый удивительной суетностью Египет содержал в честь Аписа с величайшей роскошью, назывался просто Аписом, а не Сераписом, потому что его чтили живого, без саркофага. Когда этот бык умирал и после этого находили теленка такого же самого цвета, т. е. имеющего такие же белые пятна, то считали это чем-то чудесным и совершившимся по божественному промыслению. Действительно, для их обольщения демонам нетрудно было показать зачинающей и стельной корове призрак подобного быка, который бы видела только она одна; затем уже похоть матери привлечет то, что на плоде ее отразится телесным образом. Добился же Иаков при помощи разноцветных палочек, что овцы и козы рождались разных цветов (Быт. XXX, 37 — 42). А что люди могут производить в зачинающих животных при помощи действительных цветов и предметов, то демоны весьма легко могут делать при помощи ложных образов.

Глава VI

Итак, Апис, царь Аргосский, а не Египетский, умер в Египте. Ему наследовал в управлении царством сын его Аргос, от имени которого получили свое название Аргос, а затем аргосцы; при предшествовавших же царях ни

город, ни народ этого имени еще не носили. Итак, когда у аргосцев царствовал Аргос, у сикионцев Эрат, а у ассирийцев продолжал еще царствовать Бaley, умер в Египте Иаков ста сорока семи лет; причем, чувствуя приближение смерти, благословил своих сынов и внуков от Иосифа и изрек весьма ясное пророчество о Христе, говоря в благословении Иуде: “Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов” (Быт. XLIX, 10). В царствование Аргоса Греция стала пользоваться зерновым хлебом и заниматься земледельческими посевами, употребляя семена, занесенные со стороны. И Аргоса после его смерти начали считать богом, построив в честь его храм и принося жертвоприношения. Раньше, в его царствование, эта почать воздана была частному, убитому громом человеку Омогиру за то, что он первым впряг волов в плуг.

Глава VII

При двенадцатом царе Ассирийском Мамите, одиннадцатом Сикионском Племене и при остававшемся еще в живых Аргосе умер в Египте Иосиф ста десяти лет (Быт. L, 25). После смерти его народ Божий, удивительным образом умножаясь в числе, прожил в Египте сперва, пока были живы знавшие Иосифа, спокойно сто сорок пять лет, а потом, так как умножение его возбуждало зависть и казалось подозрительным, он вплоть до самого освобождения своего оттуда угнетался преследованиями (среди которых, впрочем, божественной силой не переставал размножаться) и работами нестерпимого рабства. В Ассирии же и Греции оставались в продолжение этого времени те же самые царства.

Глава VIII

Итак, когда у ассирийцев царствовал четырнадцатый царь Сафр, у сикионцев двенадцатый Орфополис, а у

аргосцев пятый Криаз, родился в Египте Моисей; через него народ Божий освобожден от египетского рабства, в коем он должен был томиться, чтобы возжелать помощи своего Создателя. Некоторые полагают, что в царствование упомянутых царей жил Прометей, который, говорят, из глины образовал людей; потому что, как утверждают, был самым лучшим учителем мудрости; хотя, впрочем, не указывают, какие были в его время мудрецы. О брате его Атласе говорят, что он был великий астролог: это дало повод молве представлять его носящим небо; хотя его именем называется гора, высота которой, вероятнее всего, и вызвала народное поверье о ношении неба. С того времени в Греции начало появляться и много других басен; и до самого времени Кекропса, царя афинян, в царствование которого этот народ стал называться своим теперешним именем и при котором через Моисея Бог вывел евреев из Египта, многие умершие, благодаря невежественному и пустому обычаю и суеверию греков, были отнесены к числу богов. Между ними была жена царя Криаса Мелантомика и сын их Форвас, который после отца был шестым царем аргосцев, равно и сын седьмого царя Триопа Иас, и девятый царь Сфенелай, или Сфенелей, или Сфенел: у различных писателей он называется по-разному.

В эти времена, по некоторым сказаниям, жил и Меркурий, внук Атласа от дочери Майи, о чем толкуется во многих самых распространенных сочинениях. Он славился знанием многих наук и искусств, которые передал людям; этим он заслужил то, что после смерти его объявили или даже вообразили богом. Позднее, говорят, жил Геркулес, относящийся, впрочем, к тем же временам аргосцев; хотя некоторые полагают, что он жил раньше Меркурия, но, на мой взгляд, они ошибаются. В какое бы, впрочем, время они ни родились, у историков вполне достоверных, писавших об этих древних событиях, считается несомненным, что оба они были людьми и удостоились божеских почестей за то, что оказали смертным много благодеяний в смысле улучшения удобств настоящей жизни. Что касается Минервы, то она гораздо древнее. Говорят, что она во

времена Огигия явилась в девичьем возрасте на озере, называемом Тритон; почему звалась и Тритонией. Не подлежит сомнению, что она была изобретательницей многих искусств, и тем легче сочтена была богиней, чем менее было известно ее происхождение. А что распевают о ней, будто она родилась из головы Юпитера, то это нужно отнести к поэзии и басням, и не к истории о действительных событиях.

Впрочем, когда жил сам Огигий, во времена которого был великий потоп, — не тот всемирный потоп, от которого не спасся никто из людей, за исключением находившихся в ковчеге, и о котором не знает ни греческая, ни латинская история народов, но потоп все же гораздо больший, чем какой был позднее во времена Девкалиона, — относительно этого исторические писатели говорят по-разному. Так, Варрон начинает свою книгу, о которой я упомянул выше, с этого времени, и древнее потопа Огигиева, т. е. случившегося во время жизни Огигия, не представляет ничего, с чего мог бы перейти к истории римской. Наши же писатели хроник, сперва Евсевий, а потом Иероним, следуя каким-то более ранним историкам, полагают, что потоп Огигия был спустя более чем триста лет, в царствование второго аргосского царя Фородея. Но когда бы этот потоп ни был, Минерва уже почиталась как богиня, когда в Афинах царствовал Кекропс, при котором, говорят, был восстановлен или даже построен этот город.

Глава IX

Ибо Варрон приводит такую причину названия города именем Афины, взятым, безусловно, от Минервы, которая по-гречески называется Αθήνα. Когда там неожиданно появилось оливковое дерево, а в другом месте выступила вода, — эти чудеса обеспокоили царя, и он послал к Аполлону Дельфийскому спросить, какой они имеют смысл и чего требуют. Аполлон отвечал, что оливковое дерево означает Минерву, а вода — Нептуна, и что

от воли граждан зависит, именем кого из двух богов, которых означают эти символы, лучше назвать город. Кекропс, получив этот ответ оракула, созвал для подачи голосов всех граждан обоого пола (здесь тогда было в обычае, чтобы и женщины участвовали в публичных со-вещаниях). И вот, посовещавшись, мужчины подали голо-са за Нептуна, а женщины — за Минерву, и так как одною женщиной оказалось больше, победительницей ост-алась Минерва. Тогда разгневанный Нептун опустошил земли афинян взволновавшимися морскими водами, ибо демонам нетрудно разбрасывать на большие расстояния какие угодно волны. Чтобы смягчить его гнев, афиняне, как говорит тот же автор, подвергли женщин тройному наказанию: ни одна из них после этого не должна была подавать голоса, никто из рождающихся не должен был принимать имени матери, никто не должен был называть их афинянками.

Таким образом, этот город, мать и кормилица свобод-ных наук и стольких и столь великих философов, — город, славнее и прекраснее которого в Греции не было, благодаря издевательству демонов получил имя Афин от спора своих богов, мужчины и женщины, и от победы женщины через женщин; но, потерпев поражение от по-бежденного, вынужден был наказать и саму победу побе-дившей, страшась более вод Нептуна, чем оружия Ми-нервы. Ибо в лице так наказанных женщин побеждена была и победившая Минерва: она не помогла своим избирательницам даже настолько, чтобы с потерей с того времени права голоса и с отчуждением сыновей от имен матерей они могли, по крайней мере, называться афи-нянками и считаться достойными имени той богини, которой своим голосованием доставили победу над богом-мужчиной. Чего и сколько можно было бы сказать по этому поводу, если бы наша речь не спешила перейти к другим предметам!

Глава X

Марк Варрон не хочет, однако, доверять баснословным измышлениям о богах, чтобы не подумать чего-нибудь недостойного величия. Поэтому он не допускает, чтобы ареопаг, в котором рассуждал с афинянами апостол Павел (Деян. XVII, 19) и от названия которого все афинские сенаторы прозывались ареопагитами, получил свое имя от того, что Марс, по-гречески Αρής, когда на этом поле (паго) судили его двенадцать богов по обвинению в убийстве, был оправдан шестью голосами; ибо когда при произнесении приговора голоса разделялись поровну, оправдание обыкновенно предпочиталось обвинению. Вопреки этому наиболее распространенному мнению, он старается на основании не пользующихся известностью сочинений подыскать некоторое иное объяснение этому имени, чтобы не думали, будто афиняне ареопаг назвали именем Марса и поля, как бы Марсовым полем, т. е. в оскорбление божествам, которым, по его мнению, чужды ссоры и тяжбы. Варрон утверждает, что это сказание о Марсе настолько же ложно, насколько и сказание о трех богинях, Юноне, Минерве и Венере, которые якобы из-за золотого яблока спорили перед судьей Парисом о превосходстве своей красоты; хотя последнее служит предметом и повествования, и представления в пении и плясках, при громе театральных рукоплесканий во время игр, установленных для умиловления богов, услаждающихся такими своими истинными или ложными преступлениями.

Варрон этому не верит из опасения, как бы не помыслить чего-нибудь несоответствующего природе и нравам богов. Однако, приводя не баснословное, а историческое объяснение названия Афин, он заносит в свое сочинение спор Нептуна и Минервы относительно того, чьим именем должен назваться город, — спор такого свойства, что, когда они обнаружили соперничество проявлением чудесных знамений, Аполлон, к которому обратились за советом, не решился разбирать их, но чтобы покончить распрю между богами, как Юпитер трех упомянутых богинь послал к Парису, так и он отослал их к людям, на суде которых

Минерва победила большинством голосов и в то же время потерпела поражение в лице своих наказанных избирательниц, отвоевав у мужчин, оказавшихся ее противниками, Афины, но потеряв право считать дружественных ей женщин афинянками. В это же время, по свидетельству Варрона, при Афинском царе Кранае, преемнике Кекропса, а по свидетельству наших историков, Евсевия и Иеронима, еще при жизни самого Кекропса, был потоп, названный Девкалионовым потому, что Девкалион царствовал в тех странах, где этот потоп по преимуществу имел место. Но потоп этот отнюдь не простирался до Египта и сопредельных с ним стран.

Глава XI

Итак, Моисей вывел народ Божий из Египта в самые последние годы царствования царя Афин Кекропса, когда у ассирийцев царствовал Аскатад, у сикионцев Мараф, у аргосцев Триопас. Он сообщил народу полученный от Бога на Синайской горе закон, который называется Ветхим заветом, потому что в нем заключаются земные обетования; а через Иисуса Христа имел быть завет Новый, в котором обещается небесное царство. Такой должен был наблюдаться порядок, так как во всяком человеке, преуспевающем в Боге, происходит то, о чем говорит апостол в словах: “Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное”; и так оно на самом деле, как он говорит: “Первый человек — из земли, перстный; второй человек — Господь с неба” (I Кор. XV, 46, 47). Моисей управлял народом Божиим сорок лет в пустыне и умер ста двадцати лет, пророчествуя о Христе под телесными образами в учреждении Скинии, священства, жертвоприношений и в многих других таинствах и установлениях. Моисею преемствовал Иисус Навин, и, вводя народ в обетованную землю, водворил его там, победив по божественному полномочию народы, которые прежде обладали теми местами. Управляя после смерти Моисея народом двадцать семь лет, умер и он при восемнадцатом Ассирийском царе Аминте, при

шестнадцатом Сикионском Кораке, при десятом Аргоском Данае и при четвертом Афинском Эрихтоние.

Глава XII

В течение этого времени, т. е. от исхода Израиля из Египта до смерти Иисуса Навина, благодаря которому этот народ получил обетованную землю, греческими царями были установлены культы ложным богам, каковые в торжественных празднествах воспроизводили воспоминания о потопе, об освобождении от него людей и о тогдашней бедственной их жизни: как они то поднимались на возвышенности, то спускались в низины. Ибо восхождение и нисхождение по священной дороге Луперков толкуют в том смысле, что под ними разумеются люди, которые по причине наводнения взбирались на вершины гор, а когда вода убывала, спускались вниз. В те же времена, говорят, Дионисий, называемый также Либером-отцом и после смерти причисленный к богам, показал в Аттике своему гостю виноградную лозу. Тогда же были установлены музыкальные игры в честь Аполлона Дельфийского, чтобы умиловить его гнев, вследствие которого, думали, Греция была поражена бесплодием за то, что не защитила его храма, сожженного царем Данаем, когда он опустошал Грецию войною. Установить эти игры надоумил его же (Аполлона) оракул. В Аттике эти игры Аполлону первый установил царь Эрихтоний, — и не только ему, но и Минерве, на играх в честь которой в награду победителю давалась маслина, потому что открытие ее плода приписывалось Минерве, как Либеру — открытие вина. В эти же годы, как рассказывают, царь Крита Ксанф, которого другие писатели называют другим именем, похитил Европу; от них родились Радамант, Сапердон и Минос, которых наиболее распространенное мнение считает сыновьями Юпитера от этой женщины.

Но почитатели таких богов исторической истиной считают только то, что мы сказали о царе критян; а что распевают о Юпитере поэты, чему рукоплещут театры, что

празднуют народы, то считают баснословным вымыслом, чтобы иметь повод к установлению игр для умилоствления божеств хотя бы и ложными их преступлениями. В это же время в Тирии пользовался известностью Геркулес, — не тот, о котором упоминалось выше, а другой; в истории, которая сохраняется в тайне, юворится как о многих Либеррах-отцах, так и о многих Геркулесах. Этот-то именно Геркулес, которому приписывают двенадцать великих дел, но между коими не упоминают убийства африканца Антея, так как оно относится к другому Геркулесу, сжег, как рассказывают они в своих сочинениях, сам себя на горе Эте с тем мужеством, с каким побеждал чудовищ, но с каким не смог вытерпеть болезни, которая обессиливала его. В это же время царь или, вернее, тигран Вузирис приносил своих гостей в жертву своим богам. О нем рассказывают, что он был сыном Нептуна от матери Ливии, дочери Эпафа. Что Нептун совершил это прелюбодеяние, конечно, считается ложным, из опасения возвести хулу на богов; а присваивается это поэтам и театрам, чтобы было чем умилоствлять богов. Говорят также, что родителями царя Афин Эрихтония, в последние годы жизни которого умер Иисус Навин, были Вулкан и Минерва. Но так как Минерву полагают девственницей, то говорят, что Вулкан при взаимном между ними споре, возбужденный страстью, излил семя на землю; отсюда рожденному от этого семени человеку и было дано такое имя. Ибо греческое слово *ερίζ* означает спор, а *χθων* — землю; из этих двух слов и сложилось имя Эрихтоний.

Нужно признаться, впрочем, что более ученые мужи подобные вещи отвергают и не допускают их в отношении своих богов; по их словам, это баснословное мнение возникло потому, что в храме Вулкана и Минервы, который в Афинах был один для них обоих, найден был подкидыш — мальчик, обвитый драконом, предсказавшим ему великое будущее; так как родители этого мальчика были неизвестны, то ради общего храма его называли сыном Вулкана и Минервы. Вышеприведенная басня, однако, лучше, чем эта история, объясняет происхождение имени Эрихтоний. Но нам, впрочем, что до этого? Пусть

одно из этих сказаний, как предмет правдивых сочинений, назидает людей религиозных, а другое, как сюжет лживых игр, услаждает нечестивых демонов; но ведь эти религиозные люди почитают их как богов; и потому хотя не допускают в отношении к ним подобных вещей, не могут очистить их от другого рода преступления: так как по их же требованию дают им игры, в которых постыдно представляются вещи, якобы благоразумно отрицаемые, и боги этими ложными и гнусными играми умиловываются. Пусть в этих играх басня воспевает преступление несомненно ложное; но услаждаться ложным преступлением есть уже преступление истинное.

Глава XIII

После смерти Иисуса Навина народ Божий имел судей, во времена которых для евреев попеременно чередуются то уничтоженные состояния бедствий за их грехи, то состояния утешительного благоденствия по милосердию Божию. В это время измышлены басни: о Триптолеме, якобы он по велению церкви летал на крылатых змеях, снабжая нуждающиеся страны пшеницей; о Минотавре, якобы это животное было заключено в лабиринте, из которого вошедшие в него люди, блуждая без конца, не могли выйти; о кентаврах, якобы они имели в одно и то же время природу коней и людей; о Цербере, будто это — трехглавый пес преисподней; о Фриксе и сестре его Гелле, якобы они бежали верхом на баране; о Горгоне, у которой якобы вместо волос были змеи и она обращала в камни смотревших на нее; о Беллерофонте, будто его возил крылатый конь, названный Пегасом; об Амфионе, будто приятными звуками цитры он смягчал и привлекал к себе камни; о мастеровом Дедале и его сыне Икаре, будто они летали, устроив себе крылья; об Эдипе, будто он заставил некое четвероногое с человеческим лицом чудовище, называвшееся Сфинксом, погибнуть от падения в пропасть после того, как разгадал его загадку, которую оно имело обыкновение задавать, считая ее неразрешимой; об Антее,

которого убил Геркулес, будто он был сыном Земли, потому что, падая на землю, поднимался обыкновенно с большими силами; и многие другие, о которых я умалчиваю.

Все эти басни вплоть до самой Троянской войны, которой Марк Варрон заканчивает вторую книгу о племени римского народа, людская изобретательность по поводу историй, содержащих в себе истинные деяния, измышляла так, что они не служили укоризной богам. Но затем некоторые сочинили о Юпитере, будто он похитил красивейшего мальчика Ганимеда для удовлетворения своей гнусной страсти: мерзость эту учинил царь Тантал, а басня приписала Юпитеру; или будто Юпитер в виде золотого дождя явился для соития с Данаей, чем дается понять, что женское целомудрие было подкуплено золотом. Случилось ли это в то время на самом деле, или было вымышлено, или же сделано другими, а приписано Юпитеру, — во всяком случае нельзя и выразить словами, сколько зла накопилось в человеческом сердце, если оно не только могло терпеливо переносить подобную ложь, но даже охотно ей верило; между тем, чем с большим благочестием чтили Юпитера, тем с большей строгостью должны были бы наказывать тех, кто осмеливался говорить о нем такое. На деле же они не только не гневались на сочинявших подобные басни, а напротив, боялись, чтобы сами боги на них не разгневались, если подобные вымыслы о них не будут разыгрываться в театрах.

В эти времена Латона родила Аполлона, — не того Аполлона, к оракулам которого обращались обыкновенно за советом, как упомянуто нами выше, а того, о котором говорят, что он вместе с Геркулесом пас стада царя Адмета, но которого также считают богом, так что весьма многие, даже почти все полагают, что это — один и тот же Аполлон. Тогда же воевал в Индии и Либер-отец, который в своем войске имел многих женщин, называвшихся вакханками, знаменитых не столько мужеством, сколько неистовством. Некоторые пишут, что этот Либер был побежден и заключен в оковы, а некоторые — что он был убит в сражении Персеем, и не умалчивают при этом о месте

его погребения; тем не менее, в честь его, как бы в честь бога, нечистыми демонами учрежден был культ, или лучше — святотатство вакханалий, неистовая мерзость которых, спустя уже много лет после, так устыдила сенат, что он запретил совершать их в Риме. В это же время, когда умерли Персей и его жена Андромеда, их с такою уверенностью считали взятыми на небо, что не стыдились и не боялись указывать их изображения между созвездиями и называть последние их именами.

Глава XIV

В тот же период времени существовали поэты, которых называют теологами за то, что они писали стихи о богах, но о богах таких, которые были хотя и великими людьми, но все же людьми, или были стихиями этого, сотворенного истинным Богом мира, или же по воле Творца за свои заслуги облечены были начальствованием и властью; и если рядом со многими пустыми и ложными измышлениями они сказали нечто о едином истинном Боге, то, почитая вместе с Ним других, которые не суть боги, и требуя им служения, приличествующего только одному Богу, — во всяком случае Ему правильно не служили и не могли даже сами отстать от баснословной гнусности своих богов. Это были Орфей, Мусей и Лин. Но эти теологи богов почитали, а сами к богам причислены не были; хотя Орфея град нечестивых, уж не знаю каким образом, ставит во главе подземного культа, или вернее — святотатства. Жена же царя Адаманта, по имени Ино, и сын его Мелицерт погибли, бросившись добровольно в море, и людское мнение причислило их к богам, как и других их современников, Кастора и Поллукса. Не подлежит сомнению, что эту мать Мелицерта греки называли Левкотеей, а латиняне Матугой; но те и другие считали ее, однако же, богиней.

Глава XV

В это время Аргосское царство окончило свое существование, перейдя в Микены, откуда был родом Агамемнон; и возникло царство лаврентийцев, в котором первым царем был Пик, сын Сатурна. У евреев тогда судьей была женщина Девора. Через нее действовал Дух Божий, ибо она была и пророчицей; хотя пророчество ее не настолько ясно, чтобы мы могли показать отношение его ко Христу без пространного толкования. В то время уже несомненно царствовали в Италии лаврентийцы, от которых, после греков, яснее выводится происхождение римлян. Продолжало еще существовать и Ассирийское царство, в котором двадцать третьим царем был Лампар, когда первым царем лаврентийцев сделался Пик. Нас не касается, что думают об отце его, Сатурне, почитатели тех богов, не допускающие мысли, что он был человеком; другие писали о нем, будто он царствовал в Италии прежде сына своего Пика, и Вергилий в известнейшем своем сочинении говорит о нем:

*Он дикий народ, по высоким рассеянный горам
Свел воедино, закон ему дал и назвал Лациумом,
Ибо он сам безопасно в местах тех пустынных
укрылся.*

*Так говорят: при царе этом век золотой
продолжался*.*

Все это считается поэтическим вымыслом. Вернее, утверждают, что отцом Пика был Стерцей, которому, как весьма опытному земледельцу, принадлежит, говорят, мысль удобрять землю скотским навозом, названным от имени его stercus; по словам же некоторых, его звали Стеркуцием. По какой бы затем причине ни назван был он Сатурном, несомненно однако, что этого Стерцея или Стеркуция за заслуги его сделали богом земледелия. Подобным же образом приняли в число таких богов и сына его Пика, который, говорят, был превосходным авгуром и воена-

* Virg. Aeneid. VIII, v. 321 — 325.

чальником. От Пика родился Фавн, второй царь лаврентийцев; и этот считался у них богом. Такие божественные почести воздавались умершим людям до Троянской войны.

Глава XVI

После разрушения Трои, — этом повсюду воспетом и даже детям весьма хорошо знакомом событии, которое и в силу своей значимости, и благодаря превосходным сочинениям писателей чрезвычайно известно и прославлено и совершилось во время царствования сына Фавна Латина, от которого получило свое название царство латинян, между тем как царство лаврентийцев прекратило свое существование, — победители греки, оставив разрушенную Троию и возвращаясь по домам, страдали и погибали от различных и ужасных бедствий; тем не менее, и из них пополнилось число их богов. Так, богом сделали Диомеда, который, говорят, в наказание, ниспосланное свыше, не возвратился к своим, а спутники его, как выдают они это уже не за баснословную и поэтическую ложь, а за историческую истину, превращены были в птиц, которым он, даже и сделавшись, как думают, богом, ни сам не смог вернуть человеческой природы, ни как недавний небожитель не испросил ее у царя своего Юпитера. Говорят, что существует даже и храм его на Диомедовом острове, недалеко от горы Гаргана в Апулии, и те пернатые летают вокруг этого храма, живут там и выказывают такую удивительную услужливость, что набирают в нос воду и производят орошение; и если туда приходят греки или имеющие происхождение от греков, то они не только бывают спокойны, но и ласкаются к ним; а если видят чужестранцев, то взлетают им на головы и наносят такие тяжкие удары, что даже убивают. Для подобной войны они, говорят, вооружены достаточно крепкими и большими клювами.

Глава XVII

Для подтверждения этого Варрон рассказывает другие не менее невероятные вещи о знаменитой волшебнице Цирcee, которая превратила в животных спутников Улисса, и об аркадцах, которые, влекомые роком, переплывали некое озеро, превращались там в волков и жили вместе с подобными же зверьми в пустынях той страны. Если они потом не ели человеческого мяса, то через девять лет, переплыв обратно то же озеро, снова превращались в людей. Варрон называет даже по имени некоего Демента, который будто бы отведал жертвы, которую аркадцы приносили обыкновенно своему богу Ликею, закалывая мальчика, превратился в волка, и приняв снова на десятом году человеческий образ, упражнялся в кулачном бою и остался победителем на олимпийском состязании. Историк полагает, что в Аркадии Пану-Ликею и Юпитеру-Ликею дано такое имя по причине такого превращения людей в волков, которое, думали они, могло совершаться только божественною силой. Ибо волк по-гречески называется *λυκοζ*: видоизменением этого слова и является имя Ликея. Варрон говорит, что и римские Луперки произошли как бы от семени этих мистерий.

Глава XVIII

Читающие это может быть ожидают, что мы скажем об этом крайнем издевательстве демонов? А что нам сказать, кроме того, что нужно бежать из среды Вавилона? Эта пророческая заповедь (Ис. XLVIII, 20) имеет тот духовный смысл, что мы из града века сего, который есть общество нечестивейших людей и ангелов, стопами веры, споспешествуемой любовью, должны через преуспевание находить убежище в живом Боге. Ибо чем большую мы видим власть демонов в этой низменности, тем крепче должны прилепляться к Ходатаю, с помощью Которого из низин мы восходим к высочайшему. Ведь если бы мы сказали, что этому не следует верить, то еще нашлись бы

и теперь люди, которые стали бы уверять, что они нечто подобное или самым достоверным образом слышали, или даже испытали. Ибо и мы, бывши в Италии, слышали подобное об одной местности этой страны, где, говорили нам, женщины, содержащие постоянные дворы и обладающие такими скверными искусствами, часто дают путешественникам, каким хотят или могут, в сыре нечто такое, от чего те мгновенно превращаются во вьючных животных и таскают на себе какие-нибудь тяжести, и затем, по окончании работы, снова принимают прежний свой вид. При этом их ум не делается животным, а остается разумным и человеческим, подобно тому, как Апулей в своем сочинении “Золотой осел” рассказывает о себе действительный или вымышленный случай, будто он, приняв яд, сделался ослом, сохраняя человеческую душу.

Все это или ложно, или до такой степени необычно, что по справедливости не заслуживает доверия. Однако, нужно верить самым твердым образом, что всемогущий Бог может сделать в наказание ли, или для предупреждения все, что захочет, а демоны по могуществу своей природы (ибо она — тварь ангельская, хотя по своей собственной вине и злая) могут делать только то, что попускает Он, советов Которого тайных много, а несправедливого — ни одного. Но если демоны и делают нечто такое, о чем идет у нас речь, то, конечно, творят не новые природы, а изменяют по виду те, которые сотворены истинным Богом, так что они кажутся не тем, что они есть на самом деле.

Итак, я полагал бы, что не только душу, но и тело демоны никоим образом не могут своим искусством или властью превратить в действительные члены и формы животных; но образы человеческой фантазии, которые и в мышлении, и в сновидениях принимают вид бесчисленного множества различных вещей и хотя не суть тела, но с удивительной скоростью принимают телесные формы, когда телесные чувства бывают усыплены или притуплены, могут каким-то непонятным образом принимать для чувств других телесные образы; так что сами тела людей находятся в другом месте, оставаясь, правда, живыми, но в состоянии

усыпления чувств гораздо более тяжелом и глубоком, чем во время сна, а известный фантастический образ является чувству других как бы воплощенный в форму какого-нибудь животного; да и самому человеку, как это случается с ним в сновидениях, кажется, что он таков и переносит тяжести; причем, если эти тяжести суть тела истинные, то их переносят демоны в насмешку над людьми, видящими в этом случае, с одной стороны, истинные тела тяжестей, с другой — ложные тела выючных животных.

Так, некто по имени Престанций рассказывает о таком случае с его отцом: тот принял в сыре у себя дома яд и лежал в своей постели как бы спящим, но так, что его никоим образом не могли разбудить. Через несколько дней он проснулся и рассказал будто бы сновившиеся ему тяжелые сны, а именно: будто он был ломовой лошадьёю и в числе других выючных животных возил солдатский фураж, называемый Ретийским, потому что он перевозился в Ретию. Оказалось впоследствии, что так и было в действительности, как он рассказывал; хотя ему все это представлялось в его же сновидении. Другой рассказывал, что он ночью у себя дома, прежде чем лечь в постель, видел, как пришел к нему один хорошо известный ему философ и объяснил нечто из философии Платона, чего прежде, когда он о том просил его, не хотел объяснить. И когда он спрашивал после философа, почему тот в его доме сделал то, что отказывался сделать у себя, когда его просили о том, отвечал: “Я этого не делал, но мне грезилось во сне, что я это сделал...”. И в этом случае в фантастическом образе представлялось бодрствующему то, что другой видел во сне.

Об этих вещах мы слышали не от кого-нибудь такого, кому поверить считали бы делом недостойным, но от таких рассказчиков, которые, по нашему мнению, не были лжецами. Мне кажется, что и то, что рассказывают люди, и что занесено в книги, будто аркадские боги, или вернее — демоны, превращали людей в волков, и будто Цирцея своими заклятиями превратила спутников Улисса, могло призойти так, как я объяснил, — если только оно действительно было. Что же касается диомедовых птиц,

то они, ввиду того, что род их, как утверждают, продолжается преемственным выводом птенцов, по моему мнению, не были превращены из людей, а подставлены на место похищенных, как была подставлена лань на место Ифигении, дочери Агамемнона. Ибо демонам, когда по суду Божию это им попускалось, не могли быть трудны и такого рода обманы чувств. Но так как Ифигения впоследствии найдена была живою, то само собой уяснилось, что лань была подставлена на ее место. Спутники же Диомеда ни в то же самое время нигде не появились, ни впоследствии не были замечены в каком-либо месте, будучи истреблены мстительностью злых ангелов; потому и возникло верование, будто они были превращены в тех птиц, которые были тайно переведены в эти места из других стран, где такой род птиц водится, и внезапно подставлены на их место. А что они приносят своими носами в храм Диомеда воду и производят орошения, и что ласкаются к грекам и нападают на чужестранцев, — этому можно не удивляться, ибо делается это по наущению демонов; для них было важным убедить, что Диомед сделался богом, чтобы одурачить людей и заставить их почитать многих ложных богов и умершим людям, которые и при жизни не жили истинною жизнью, служить храмами, алтарями, жертвами и священствами: хотя все это, если совершается надлежащим образом, приличествует только одному живому и истинному Богу.

Глава XIX

В это время, после взятия и разрушения Трои, с двадцатью кораблями, на которых плыли остатки троянцев, прибыл в Италию Эней, когда там царствовал Латин, а у афинян Менесфей, у сикионцев Полифид, у ассирийцев Тавтан; у евреев же был тогда судьей Лабдон. После смерти Латина Эней царствовал три года, когда в вышеупомянутых странах оставались те же цари, за исключением сикионцев, у которых царем был уже Пеласг, и евреев, судьей которых был Самсон; последний, поелику обладал

удивительною силой, был принят за Геркулеса. Так как Энея, когда он умер, нигде не нашли, то латиняне сделали его своим богом. Точно так же и сабиняне первого царя своего Санка, или как некоторые называют его — Санкта, причислили к богам. В то же время Афинский царь Кодр под видом неизвестного человека отдал себя на убиение пелопонессцам, врагам афинян, и был убит. Рассказывают, что он этим спас отечество. Ибо пелопонессцы-де получили от оракула ответ, что они победят в том лишь случае, если не убьют царя афинян. И вот он обманул их, явившись в одежде бедняка, и ссорою вызвал их на убийство. Отсюда у Вергилия выражение “Кодровы ссоры”*. И Кодра афиняне почтили жертвоприношениями как бога. При четвертом царе латинян Сильвие, сыне Энея (не от Кревзы, от которой был Асканий, третий царь латинян, а от Лавинии, дочери Латина), который, говорят, родился уже после смерти отца, при двадцать девятом царе Ассирийском Онее, шестнадцатом Афинском Меланте и при судье евреев Илие первосвященнике, погибло царство Сикион, которое по преданиям существовало в продолжение девятист пятидесяти девяти лет.

Глава XX

В царствование по означенным местам упомянутых лиц, вслед за окончанием времен Судей, началось с царя Саула царство Израильское; тогда жил пророк Самуил. С того же времени начался ряд царей Латинских, которых прозывали Сильвиями; ибо от Энеева сына, который первым назывался Сильвием, преемникам его давались и собственные имена, и это прозвание, подобно тому, как впоследствии Цезарями прозывали тех, которые преемствовали Цезарю Августу. Когда же Саул был отвергнут, так что не должен был царствовать никто из его рода, и когда он умер, ему преемствовал по царству Давид, через сорок лет после воцарения Саула. В это время афиняне, после

* Virg. Eclog. V, v. 11.

смерти Кодра, перестали иметь царей, а стали иметь для управления государством гражданских сановников. После Давида, который царствовал тоже сорок лет, царем израильтян был сын его Соломон, построивший Богу знаменитейший Иерусалимский храм. В его время у латинян была построена Альба, от которой цари, хотя царствовали в том же Лациуме, стали называться не Латинскими, а Альбанскими. Преемником Соломона был сын его Ровоам, при котором народ еврейский разделился на два царства и каждая часть стала иметь своих собственных царей.

Глава XXI

После Энея, который был признан богом, Лациум имел одиннадцать царей, из которых ни один не был сделан богом. Но затем Авентин, бывший после Энея двенадцатым царем, когда был убит на войне и похоронен на той горе, которая и в настоящее время называется его именем, был причислен к таким богам, каких они себе делали. Другие, впрочем, не хотели говорить, что он был убит в сражении, и утверждали, что он попросту исчез, да и что гора получала свое название не от его имени, а от прилета птиц (*ex adventu avium*). После него в Лациуме никого уже не делали богом, кроме Ромула, основателя Рима. Между тем и другим было, однако же, два царя, из которых первым был, выражаясь словами Вергилия:

Прока, народа троянского слава.*

Так как в его время уже некоторым образом начинались роды, произведшие на свет Рим, то величайшее из всех царств, Ассирийское, покончило свое весьма продолжительное существование. Оно перешло к мидянам, просуществовав почти тысячу триста пять лет, если причислить сюда и время Бела, который был отцом Нина и первым царем тогда еще небольшого Ассирийского царства.

* Virg. Aencid. v. 767.

Прока царствовал раньше Амулия. Этот Амулий посвятил в весталки дочь своего брата Нумитора Рею, мать Ромула, иначе называвшуюся Илиею. Утверждают, будто она своих близнецов зачала от Марса: этим хотят скрасить или извинить ее падение, и добавляют в доказательство, что выброшенных детей кормила волчица. Этот род зверей они считают принадлежащим Марсу; так что волчица потому-де и дала мальчикам свои сосцы, что признала в них детей своего господина Марса. Есть, впрочем, и такие, которые говорят, что когда дети лежали выброшенные и плакали, их сперва подобрала какая-то публичная женщина и дала им свою грудь (а публичных женщин называли они волчицами (lupas), отсюда и публичные дома в настоящее время называются лупанариями), а затем принесла их к пастуху Фавстулу, жена которого Акка их и воспитала. Хотя, что удивительного в том, если Бог для обличения царя, с такой жестокостью приказавшего бросить их в воду, захотел послать млекопитающего зверя на помощь к этим чудесно спасенным от воды детям, которые должны были основать столь великий город? После Амулия Лациумское царство наследовал брат его, дед Ромула Нумитор. В первый год царствования Нумитора основан был Рим, поэтому он царствовал одновременно со своим внуком, т. е. Ромулом.

Глава XXII

Скажу кратко: Рим возник как второй Вавилон, как бы дочь первого Вавилона, посредством которой Богу угодно было покорить весь мир и умиротворить его надолго и повсюду, соединив его в общество под одной государственной властью и законами. Ибо народы в это время были уже сильны и храбры, и племена искусны в военном деле; они уступали нелегко и победа над ними сопряжена была с великими опасностями, немалыми опустошениями с той и другой стороны и страшными трудностями. А когда Ассирийское царство покорило почти всю Азию, то хотя это совершилось и путем завоевания,

могло быть достигнуто не слишком жестокими и трудными войнами; потому что племена были еще неискусны в сопротивлении, не так многочисленны и велики. Хотя после известного великого и всемирного потопа, от которого в ковчеге Ноевом спаслось только восемь человек, прошло немногим более тысячи лет, но Нин покорил всю Азию, за исключением Индии. Рим же не так скоро и не так легко управился с теми народностями Востока и Запада, которые мы видим подвластными теперь Римской империи; потому что, возрастая постепенно, он всюду, куда ни расширялся, встречал их сильными и воинственными.

Итак, в то время, когда был построен Рим, народ израильский жил в обетованной земле семьсот восемнадцать лет. Из них двадцать семь лет принадлежат времени Иисуса Навина, следующие триста двадцать девять лет — периоду Судей, а с того времени, как начали править цари, прошло триста шестьдесят два года. И в то время в Иудее был царь, и имя его было Ахаз, или, как полагают другие, преемник его Езекия, о котором известно, что этот прекраснейший и благочестивейший царь царствовал во время Ромула. В той же части еврейского народа, которая называлась Израилем, начинал царствовать тогда Осия.

Глава XXIII

В то же самое время, как полагают некоторые, давала свои предсказания Эритрейская сивилла. По свидетельству Варрона, сивилл было много, а не одна. Но Эритрейская сивилла написала нечто, ясно касающееся Христа, что прежде читали и мы на латинском языке, изложенное в плохих латинских стихах каким-то, как впоследствии мы узнали, неискусным переводчиком. Ибо Флакциан, муж знаменитейший, бывший даже проконсулом, человек весьма красноречивый и многомудрый, когда мы разговаривали с ним о Христе, показал нам греческий кодекс, говоря, что это — предсказание Эритрейской сивиллы, и указал в нем одно такое место, в котором начальные буквы

стихов расположены в таком порядке, что из них составляется фраза: Ἰησοῦς Χριστοῦ Θεοῦ Υἱοῦ Σωτηρ, т. е. по-латыни Jesus Christus Dei Filius Salcator*. Эти стихи, начальные буквы которых имеют такой, как мы сказали, смысл, содержат в себе, как переводит их некто латинскими, еще и теперь существующими стихами, следующее:

I *Judicii signum tellus sudore madescet.*
H *E coelo Rex adveniet per saecula futurus:*
Σ *Scilicet in carne praesens ut judicet orbem.*
O *Unde Deum cernent incredulus atque fidelis*
Υ *Celsum cum sanctis, aevi jam termino in ipso.*
Σ *Sic animae sum carne aderunt, quas judicat ipse:*
X *Cum jacet incultus densis in vepribus orbis.*
P *Rejicient simulacra viri, cunctam quoque gazam;*
E *Exuret terras ignis, pontumque polumque*
I *Inquirens, tetri portas effringet Averni.*
Σ *Sanctorum sed enim cunctae lux libera carni*
T *Tradetur, sontes aeterna flamma cremabit.*
O *Occultos actus retagens, tunc quisque loquetur*
Σ *Secreta, atque Deus reserabit pectora luci.*
Θ *Tunc erit et luctus, stridebunt dentibus omnes.*
E *Eripitur solis jubar et chorus interit astris.*
O *Volvetur coelum, lunaris splendor obibit.*
Υ *Dejiciet colles, valles extollet ab imo.*
Υ *Non erit in rebus hominum sublime vel altum.*
I *Iam aequantur campis montes, et caerula ponti*
O *Omnia cessabunt, tellus confracta peribit.*
Σ *Sic pariter fontes torrentur, fluminaque igni.*
Σ *Sed tuba tum sonitum tristem demittet ab alto*
Ω *Orbe gemens facinus miserum variosque labores:*
T *Tartaveumque chaos monstrabit terra dehiscens.*
H *Et coram hic Domino reges sistentur ad unum.*
P *Recidet e coelis ignisque et sulphuris amnis.*

* Иисус Христос Сын Божий, Спаситель.

*(Звуки судной трубы раздадутся, и лик земли
потом покроется.*

*Вот, грядет с неба Царь, и навеки Его будет
царствие*

*В коем, в плоти явившись, судить будет мир этот
горестный.*

*В этот час лицезреть будут Бога неправедный
с праведным*

В окруженьи святых, ибо века конец уж приблизился.

*И на суд Его души предстанут, вновь плотью
своею облекшись,*

Ибо мир невозделан лежит, он порос густо тернием.

*Все мужи побросают кумиры, богатство свое
ненаглядное,*

*И огонь, пожирая нещадно и земли и воды,
и к полюсу*

Приближаясь, врата уничтожит аидовы мрачные.

*Всякой плоти святых свет яснейший в то время
откроется*

*А преступников будет сжигать пламя лютое, вечное
Открывая деяния тайные, ибо будут тогда сокровенное*

Говорить; так Бог свету откроет изгибы сердечные.

*По земле всей тогда плач и скрежет зубовный
послышатся,*

*И померкнет сияние солнца, уменьшится звезд всех
мерцание,*

Небо в свиток совется, луна станет мрачно-кровоавою,

И опустятся горы высокие, низкие доли поднимутся,

И в делах человеческих сразу все малым окажется,

*И вершины, и пропасти бездн — все с полями
тогда уравниется.*

Так погибнет земля, прекратится навеки бег времени,

Иссушатся огнем и моря, и ключи, и источники.

*Прозвучит в этот миг трубный звук, столь
печально-возвышенный,*

*Чтоб оплакать злодейства и бедные судьбы
несчастнейших.*

И земля, в прах рассеясь, явит хаос ада бездонного.

*Все цари, что когда-то царили, предстанут
пред Господом.*

*С неба огненный хлынет поток, дождь сернистый,
пылающий).*

В этих латинских стихах, как бы точно они ни передавали греческий текст, там, где по-гречески поставлена буква Υ , нельзя было удержать тот смысл, какой выходит, если соединить буквы, стоящие в начале каждого стиха; потому что нельзя было подыскать латинских слов, которые бы начинались с этой буквы и соответствовали смыслу фразы. Таких стихов три: пятый, восемнадцатый и девятнадцатый. Но если, соединяя буквы, стоящие в начале всех стихов, мы этих трех стихов читать не будем, а вместо них будем помнить Υ , которая именно в этих местах стоит, то получится пять слов: Иисус Христос Сын Божий, Спаситель; но это — если будем читать по-гречески, а не по-латыни.

Всех стихов двадцать семь: это число составляет полный тройной квадрат. Ибо три, умноженные на три, дают девять, а само девять, взятое трижды, подобно тому, как если бы плоской фигуре мы давали высоту, двадцать семь. Если первые буквы этих греческих слов: $\text{I}\eta\sigma\omega\zeta \text{X}\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma \Theta\epsilon\omicron\upsilon \Upsilon\iota\omicron\zeta \Sigma\omega\tau\eta\rho$, что по-латыни значит: Иисус Христос Сын Божий, Спаситель, соединить вместе, то получится слово $\text{I}\chi\theta\upsilon\zeta$, т. е. рыба. Под именем рыбы таинственно разумеется Христос, потому что в бездне настоящей смертности, как бы в глубине вод, Он мог оставаться живым, т. е. безгрешным. Эта сивилла, Эритрейская ли она, или, как думают некоторые, скорее Кумейская, во всех своих стихах, из которых мы привели только маленькую частичку, не высказывает ничего такого, что относилось бы к культу ложных или измышленных богов, и что, напротив, не говорило бы против них и их почитателей; так что и сама она, по-видимому, относилась к числу тех, которые принадлежат к граду Божию.

Приводит и Лактанций в своем сочинении некоторые предсказания сивиллы, не указывая, впрочем, какой именно. Но то, что он приводит порознь, я счел лучшим изложить вместе: так как приводимое им во многих местах и в кратких выражениях представляет собою одну пространную речь. “Он предаст себя потом, — говорит она, — в незаконные руки неверных: оскверненными руками они дадут пощечины Богу и оплюют Его ядови-

тыми извержениями нечистых уст; Он смиренно обнажит святой хребет для ударов. И терпя пощечины, Он будет молчать, дабы никто не знал, какое Он Слово и откуда пришел, чтобы говорить царству мертвых; и увенчается Он терновым венцом. В пищу дадут ему желчь, а для питья поднесут оцет; такую негостеприимную трапезу определяют Ему. Неразумная, ты сама не познала своего Бога, посмеявшегося над умами смертных; но увенчала Его терниями и примешала в питье желчь. Завеса же храма раздерется, и среди дня в течение трех часов будет темная ночь. Он умрет смертью, три дня предаваясь сну, и тогда, выйдя из ада на свет, явится первым Началом воскресения для возвращенных". Эти сивиллины свидетельства Лактанций приводил отрывочно в разных местах своего сочинения, по мере того, как того требовал, как ему казалось, порядок его речи; мы же, со своей стороны, не прерывая их никакими вставками, а излагая в виде одной связной речи, позаботились только разделить их на параграфы, если, впрочем, последующие писатели посчитают нужным удержать их. По другим сведениям Эритрейская сивилла жила не во время Ромула, а во время Троянской войны.

Глава XXIV

Рассказывают, что во времена царствования Ромула жил Фалес Милетский, один из семи мудрецов, которые после поэтов-теологов, из числа коих наиболее знаменитым является Орфей, названы были σοφοί, т. е. мудрецами. В то же время десять колен, получившие при разделении народа Божия имя Израиля, были побеждены халдеями и отведены пленниками в их страну, между тем как в Иудейской земле оставались еще два колена, названные именем Иуды и имевшие столицей Иерусалим. Когда и Ромула после смерти нигде не оказалось, римляне, как это известно всем и каждому, включили и его в число богов. Тогда уже перестали это делать, и если делали после, во времена цезарей, то только из лести, а не вследствие заблуждения. Поэтому Цицерон ставит в великую похвалу Ромулу, что

Этой почести удостоен он не в грубые и невежественные времена, когда люди легко ошибались, а во времена просвещенные и цивилизованные; хотя, впрочем, тогда еще не была ключом и не множилась утонченная и остроумная философская болтовня.

Но если в позднейшее время перестали включать умерших людей в число богов, то не перестали чтить и иметь богами тех, которые были включены в их число древними; увеличили даже соблазн пустого и нечестивого суеверия прибавкою идолов, которых древние не знали; и это — по действию в их сердце нечистых демонов, обольщавших их ложными оракулами до такой степени, что они в угоду своим ложным божествам представляли в гнусных играх баснословные преступления богов, хотя в этот сравнительно более просвещенный век преступления эти уже не измышлялись. После Ромула царствовал Нума. Он счел нужным оградить Рим таким множеством ложных богов, что сам после смерти не удостоился быть включенным в их число; небо представлялось до такой степени переполненным божествами, что ему не могло найтись там места. Сказывают, что во время его царствования в Риме и в начале царствования у евреев нечестивого царя Манассии, убившего, как известно, пророка Исаию, жила сивилла Самосская.

Глава XXV

В царствование у евреев Седекии, а у римлян Тарквиния Древнего, преемника Анка Марция, иудейский народ был отведен в плен Вавилонский, а Иерусалим и храм, построенный Соломоном, разрушены. События эти предсказывали пророки, обличавшие иудеев в их беззаконии и нечестии, особенно Иеремия, который определил даже число лет плена (Иер. XXV, 11). В это время говорят, жил Питтак Митиленский, второй из семи мудрецов. А во время пребывания народа Божия в плену Вавилонском, жили, как пишет Евсевий, и остальные пятеро, которые с вышеупомянутыми Фалесом и Питтаком считаются семью мудрецами. Это Солон Афинский, Хилон

Лакедемонский, Периандр Коринфский, Клеобул Линдский и Биант Приенский. Все они, названные семью мудрецами, приобрели после поэтов-теологов знаменитость тем, что превосходили прочих людей похвальным образом жизни и в кратких изречениях изложили некоторые нравственные правила. Но по отношению к наукам они не оставили потомству ничего достопамятного, за исключением того, что Солон, как утверждают, составил для афинян некоторые законы; Фалес же был физик и оставил после себя сочинения, излагающие его учение. Во времена Иудейского плена процветали физики Анаксимандр, Анаксимен и Ксенофан. Тогда же жил и Пифагор, от которого философы получили свое название.

Глава XXVI

В то время Персидский царь Кир, власть которого простиралась на халдеев и ассирийцев, несколько облегчил плен иудеев и позволил пятидесяти тысячам из них возвратиться для постройки храма. Ими был заложен только фундамент и устроен алтарь. Продолжить постройку они не смогли вследствие неприятельских набегов и дело затянулось до Дария. В течение того же времени совершились и те события, которые описываются в книге Юдифь: книгу эту иудеи благоразумно не приняли в канон Писаний. Во время Дария, царя Персидского, по исполнении семидесяти лет, предсказанных пророком Иеремией, иудеям была возвращена свобода; тогда же правил седьмой царь Рима Тарквиний. По изгнании Тарквиния освободились от царской власти и римляне. До этого времени израильтяне имели пророков; хотя их было и много, но лишь от немногих сохранились канонические писания. Заканчивая предыдущую книгу, я обещал в настоящей сказать кое-что о них: что я считаю теперь своею обязанностью исполнить.

Глава XXVII

Чтобы определить время этих пророков, вернемся несколько назад. В начале книги пророка Осии, который считается первым в ряду двенадцати, написано следующее: “Слово Господне, которое было к Осии, сыну Беериину, во дни Озии, Иоафама, Ахаза, Езекии, царей Иудейских” (Ос. 1, 1). Амос также пишет, что он пророчествовал во дни царя Озии, прибавляя еще и царя Иоафама, который жил в те же дни (Амос. 1, 1). Точно также и Исаия, сын Амоса, или только что упомянутого пророка, или же, как полагают многие, другого Амоса, который, не будучи пророком, назывался тем же именем, в начале своей книги называет тех же самых четырех царей, во дни которых он пророчествовал, каких называет и Осия. Равно и Михей указывает те же самые времена своего пророчествования, только после дней Озии. Ибо он называет последующих трех царей, которых называет и Осия: Иоафама, Ахаза и Езекию (Мих. 1, 1). Все они, как видно из их же книг, пророчествовали вместе в одно и то же время. К ним присоединяются Иона, (пророчествовавший) в царствование того же Озии, и Иоиль, (пророчествовавший) тогда, когда уже царствовал Иоафам, преемник Озии. Но время этих двух пророков мы смогли определить по хроникам, а не по их книгам, так как сами они о своем времени умалчивают. Продолжается этот период времени от Латинского царя Проки или его предшественника Авентина до времени Ромула, царя уже Римского, или даже до первых годов царствования преемника его Нумы Помпилия; ибо до этого времени царствовал в Иудее царь Езекия.

Таким образом, эти, так сказать, ключи пророчества пробились одновременно тогда, когда Ассирийское царство разрушилось, а Римское началось; так что, как в первое время Ассирийского царства жил Авраам, которому даны были яснейшие обетования о благословении в семени его всех народов, так в начале Западного Вавилона, во времена владычества которого имел явиться Христос, в Коем эти обетования исполнились, раздались предсказания пророков не только говоривших, но и писавших в свидетельство

этого великого будущего события. Ибо хотя в израильском народе никогда почти не было недостатка в пророках с того времени, как у него явились цари, но служение их касалось только евреев, а не язычников. Появление же тех более ясных пророческих писаний, которые некогда должны были принести пользу язычникам, должно было начаться с того времени, когда стал строиться город, имевший быть владыкою язычников.

Глава XXVIII

Пророк Осия тем труднее для понимания, чем глубже он говорит. Но нечто из него мы должны взять и объяснить здесь согласно нашему обещанию. “И там, — пишет он, — где говорили им: “вы не Мой народ”, будут говорить им: “вы сыны Бога живого” (Ос. I, 10). Это пророческое свидетельство о призвании народа из язычников, прежде не принадлежавших Богу, в этом смысле поняли и апостолы (Рим. IX, 26). А так как и этот народ языков по духу принадлежит к чадам Авраама и потому правильно называется Израилем, то пророк, продолжая речь, говорит: “И соберутся сыны Иудины и сыны Израилевы вместе и поставят себе одну главу и выйдут из земли” (Ос. I, 11). Если бы мы захотели еще более разъяснить это место, то затемнили бы только смысл пророческой речи. Припомним, однако же, известный краеугольный камень и две стены, одну из иудеев, а другую из язычников (Ефес. II, 14, 15, 20 — 22): первая узнается под именем сынов Иудиных, вторая — под именем сынов Израилевых; и обе вместе опираются на одну и ту же крепость того камня и выходят из земли.

О тех же плотских израильтянах, которые теперь не хотят веровать во Христа, но уверуют впоследствии, т. е. о сынах их (ибо те путем смерти отойдут в свое место), тот же пророк свидетельствует, говоря: “Ибо долгое время сыны Израилевы будут оставаться без царя и без князя и без жертвы, без жертвенника, без ефода и терафима” (Ос. III, 4). Кому не ясно, что иудеи в настоящее время

находятся именно в таком положении? Но послушаем, что прибавляет пророк: “После того обратятся сыны Израилевы и взыщут Господа Бога своего и Давида, царя своего, и будут благоговеть пред Господом и благостью Его в последние дни” (Ос. III, 5). Яснее этого пророчества ничего не может быть, если под именем Давида разуместь Христа, бывшего, как говорит апостол, “от семени Давидова по плоти” (Рим. I, 3). Пророк предсказал еще и будущее воскресение Христа в третий день, как оно должно было быть предсказано на возвышенном пророческом языке: “Оживит нас через два дня, в третий день восставит” (Ос. VI, 3). Согласно с этим апостол говорит нам: “Если вы воскресли со Христом, то ищите горнего” (Кол. III, 1). О подобных предметах пророчествует также и Амос: “Приготовься к сретению Бога твоего, Израиль. Ибо вот Он, Который образует горы и творит ветер и объявляет человеку намерение его” (Амос. IV, 12, 13). И в другом месте: “В тот день Я восстановлю скинию Давидову падшую, заделаю трещины в ней и разрушенное восстановлю, и устрою ее, как в дни древние, чтоб они овладели остатком Едома и всеми народами, между которыми возвестится имя Мое, говорит Господь, творящий все сие” (Амос. IX, 11, 12).

Глава XXIX

Пророк Исаия не принадлежит к числу двенадцати пророков, которые называются малыми, потому что речи их отличает краткость по сравнению с речами больших пророков, называемых так потому, что они написали пространные книги. К числу этих больших пророков принадлежит Исаия, которого я присоединяю к двум вышеприведенным потому, что он пророчествовал в одно с ними время. Обличая грехи, наставляя на путь правды и предсказывая грешному народу грядущие несчастья, Исаия больше, чем другие, пророчествовал о Христе и о Церкви, т. е. о Царе и созданном Им граде; так что некоторые называют его скорее евангелистом, чем про-

роком. Но чтобы не увеличивать объема сочинения, я в настоящем месте из многого приведу лишь одно.

“Вот, раб Мой будет благоуспешен, возвысится и вознесется, и возвеличится. Как многие изумлялись, смотря на Тебя, — столько был обезображен паче всякого человека лик Его, и вид Его — паче сынов человеческих! Так многие народы приведет Он в изумление; цари закроют пред Ним уста свои, ибо они увидят то, о чем не было говорено им, и узнают то, чего не слыхали. Кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня? Ибо Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его. Но Он взял на Себя наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничтожен Богом. Но Он изъявлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказания мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали как овцы, совратились каждый на свою дорогу; и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно, не открывая уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущими его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят; но род Его кто изъяснит? Ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь. Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого, потому что не сделал греха и не было лжи в устах Его. Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его. На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих, и грехи их на Себе понесет. Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу за то, что предал душу Свою на смерть и к злодеям причтен

был, тогда как Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем”. (Ис. LII, 13 — 15; LIII). Это — о Христе.

Теперь послушаем, что пишет он далее о Церкви: “Возвеселись, неплодная, нерождающая; воскликни и возгласи, немучившаяся родами; потому что у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа, говорит Господь. Распространи место шатра твоего, расширь покровы жилищ твоих; не стесняйся, пусти длиннее верви твои и утверди колья твои. Ибо ты распространишься направо и налево, и потомство твое завладеет народами и населит опустошенные города. Не бойся, ибо не будешь постыжена; не смущайся, ибо не будешь в поругании; ты забудешь посрамление юности твоей и не будешь более вспоминать о бесславии вдовства твоего. Ибо твой Творец есть супруг твой; Господь Саваоф — имя Его, и Искупитель твой — Святой Израилев; Богом всей земли назовется Он” (Ис. LIV, 1 — 5), и проч. На этом и остановимся. Кое-что в словах этих требует разъяснения; но, думаю, есть в них достаточно и настолько ясного, что их поневоле должны будут понять даже наши противники.

Глава XXX

Пророк Михей, представляя Христа под образом некоторой великой горы, говорит: “И будет в последние дни: гора Дома Господня поставлена будет во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней народы. И пойдут многие народы и скажут: “придите, и взойдем на гору Господню и в дом Бога Иаковлева, — и Он научит нас путям Своим, и будем ходить по стезям Его; ибо от Сиона выйдет закон и слово Господне — из Иерусалима. И будет Он судить многие народы и обличит многие племена в отдаленных странах” (Мих. IV, 1 — 3). Пророк указывает и место, в котором родится Христос: “И ты, Вифлеем — Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле, и Которого происхождение из

начала, от дней вечных. Посему Он оставит их до времени, доколе не родит имеющая родить; тогда возвратятся к сынам Израиля и оставшиеся братья их. И станет Он и будет пасти в силе Господней, в величии имени Господа Бога Своего, и они будут жить безопасно, ибо тогда Он будет великим до краев земли” (Мих. V, 2 — 4).

Пророк же Иона пророчествовал о Христе не столько словами, сколько некоторым своим страданием, но гораздо яснее, чем если бы провозглашал о его смерти и воскресении словами. Ибо для чего он был поглощен китом и на третий день извержен, если не для того, чтобы знаменовать Христа, на третий день возвратившегося из глубины ада?

Пророчества Иоиля в своем полном составе требуют пространного изложения, чтобы стало ясным, что в них относится ко Христу и Церкви. Однако, я приведу одно его пророчество, которое приведено и апостолами, когда на собравшихся верующих по обетованию Христа сошел Дух Святой (Деян. II, 17, 18). “И будет после того, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения. И также на рабов и на рабынь в те дни излию от Духа Моего” (Иоил. II, 28, 29).

Глава XXXI

Три пророка из числа малых, Авдий, Наум и Аввакум, сами не говорят о времени своего пророчества; не указывается время их пророчествования и в хрониках Евсевия и Иеронима. Правда, Авдия они ставят вместе с Михеем, но не на том месте, где помечены годы, когда, как известно из его же книги, пророчествовал Михей, что, по моему мнению, произошло от ошибки небрежно переписывавших чужие труды. Других же двух упомянутых мы не смогли отыскать в имеющихся у нас списках хроник; но так как в каноне они содержатся, то мы не можем обойти и их. Авдий, по объему своей книги кратчайший из всех пророков, говорит против Идумей, т. е.

народа Исава, отвергнутого первенца из двух сыновей-близнецов Исаака, внуков Авраама. Если допустить, что по способу выражения, по которому часть принимается вместо целого, Идумея поставлена вместо язычников, то можно разуметь о Христе следующие слова пророка: “А на горе Сионе будет спасение, и будет она святынею” (Авд. I, 17); и несколько далее, в самом конце пророчества: “И придут спасители на гору Сион*, чтобы судить гору Исава, — и будет царство Господа” (Авд. I, 21). Ибо ясно, что это исполнилось, когда спасение от горы Сион, т. е. верующие во Христа из Иудеи, под которыми главным образом понимаются апостолы, взошли, чтобы защитить гору Исава. А в чем состояла эта защита, как не в том, что проповеданием евангелия они устроили спасение тех, которые уверовали, дабы избавиться от власти тьмы и вступить в царство Божие? Это заключительными словами и выразил пророк, прибавив: “И будет царство Господа”. Ибо гора Сион означает Иудею, где по предсказанию имело совершиться спасение и святое, т. е. Иисус Христос; под горою же Исава разумеется Идумея, знаменующая языческую церковь, которую, как я объяснил, защищают спасаемые от Сиона, дабы она сделалась царством Господу. Это было темно, пока не сбылось; но кто из верующих не знает, что оно сбылось?

Пророк же Наум, или лучше — сам Бог через него, говорит: “Из дома бога твоего истреблю истуканы и кумиры, приготовлю тебе в нем могилу, потому что ты будешь в нем в презрении. Вот, на горах — стопы благовестника, возвещающего мир: праздной, Иудея, праздники твои, исполняй обеты твои, ибо не будет более приходить по тебе нечестивый: он совсем уничтожен. Поднимается на тебя разрушитель” (Наум. I, 14, 15; II, 1). Кто помнит евангелие, тот догадается, Кто поднялся из преисподней и вдохнул в лицо Иуды, т. е. учеников иудеев, Святого Духа. Те празднества, которые духовно так обновляются, что оберегают от нечестивого, принадлежат Новому завету. Мы также видим, что истуканы и

* У Августина: “И взойдут спасаемые от горы Сион”.

кумиры ложных богов истреблены евангелием и преданы забвению, как бы могиле; и узнаем, таким образом, что пророчество исполнилось и в этом пункте.

А в следующих словах Аввакума о чем ином говорится, как не о грядущем пришествии Христа: “И отвечал мне Господь и сказал: запиши видение и начертай ясно на скрижалях, чтобы читающий легко мог прочесть. Ибо видение относится еще к определенному времени и говорит о конце и не обманет; и хотя бы и замедлило, жди его, ибо непременно сбудется, не отменится” (Аввак. II, 2, 3)?

Глава XXXII

А в своей молитве и песне кому, как Господу Христу, говорит он: “Господи! услышал я слух Твой и убоялся. Господи! соверши дело Твое среди лет” (Аввак. III, 2 и ниже)? Ибо что означает это восклицание, как не невыразимое в словах удивление предугаданному, новому и неожиданному спасению людей? “Среди лет яви его” — что это значит, как не среди двух заветов, или среди двух разбойников, или среди Моисея и Илии, беседовавших с Ним на горе? “Во гневе вспомни о милости”, — что это значит, как не то, что (пророк) представляет в своем лице иудеев, к коим принадлежал по своему происхождению? Смущенные великим гневом, они пригвоздили ко кресту Христа, а Он, помня о милосердии, говорил: “Отче! прости им, ибо не знают, что делают” (Лук. XXIII, 34). “Бог от Фемана грядет и Святой — от горы Фаран”. Выражение “от Фемана” некоторые переводят “с юга” или “из Африки”, чем обозначается полдень, т. е. пламень любви и блеск истины. Тенистую же и чащею покрытую гору (т.е. Фаран) можно объяснять различно; но я охотнее разумел бы под нею возвышенность божественных Писаний, пророчествовавших о Христе. Ибо там много предметов, покрытых тенью и мраком, которые дают упражнение уму исследователя. А приходит Он оттуда, когда там Его находит тот, кто их уразумевает. “Покрыло небеса величие Его, и славою Его наполнилась земля”. Что это, как не

то же, что говорится и в псалме: “Будь превознесен выше небес, Боже, и над всею землею да будет слава Твоя” (Пс. LVI, 6)? “Блеск ее — как солнечный свет”, т. е. слава о Нем просветит верующих. “От руки Его лучи”. Разве это не знак победы крестной? “Пред лицом Его идет язва*, а по стопам Его — жгучий ветер”. Что это значит, как не то, что о Нем предвозвещено было прежде, чем пришел Он сюда, и проповедано после того, как отошел отсюда? “Он стал — и поколебал землю”: не то ли значит, что Он стал, чтобы оказать помощь, что поколеблется земля, чтобы уверовать. “Воззрел — и в трепет привел народы”, т. е. сжалился и обратил народы к покаянию. “Вековые горы распались”, т. е. силою чудес сокрушена гордость надменных. “Первобытные холмы опали”, т. е. уничтожены на время, чтобы быть возвеличенными вечно. “Пути Его — вечные”, т. е. видел подвиг любви, получивший вечную награду.

“Грустными видел я шатры Ефиопские; сотряслись палатки земли Мадиямской”; т. е. народы, уstraшенные внезапной вестью о чудесах Твоих, даже и не входящие в состав Римской империи, войдут в недра народа христианского. “Разве на реки воспылал, Господи, гнев Твой? разве на реки — негодование Твое, или на море — ярость Твоя?” Это сказано потому, что Он пришел теперь не для того, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него (Иоан. III, 17). “Ты взошел на коней Твоих, на колесницы Твои спасительные”; т. е. Тебя понесут евангелисты Твои, Тобою управляемые, и Евангелие Твое — спасение для тех, которые уверуют в Тебя. “Ты обнажил лук Твой по клятвенному обетованию**, данному коленам”, т. е. будешь угрожать судом Своим даже царям земли. “Ты потоками рассек землю”, т. е. тогда польются речи проповедующих о Тебе, откроются для исповедания сердца людей. Что значит: “Увидевши Тебя, вострепетали горы, ринулись воды”, как не то, что будут блаженными, проливая слезы, что проходя здесь и там в лице повсюду благо-

* У Августина: “Пред лицом Его идет слово”.

** У Августина: “Ты обнажил лук Твой на скипетры”.

вестующих о Тебе, Ты разливаешь потоки учения? Что значит: “Бездна дала голос свой”? Не глубина ли человеческого сердца выявила то, что ему представляется?

“Солнце и луна остановились на месте своем”; т. е. Христос вознесся на небо, а Церковь учреждена под управлением Царя своего. “Пред светом летающих стрел Твоих, пред сиянием сверкающих копьев Твоих”; т. е. слова Его понесутся не скрытыми, а явными, ибо Он сказал ученикам своим: “Что говорю вам в темноте, говорите при свете” (Мф. X, 27). “Во гневе шествуешь Ты по земле и в негодовании попираешь народы”; т. е. смиришь людей угрозою, а тех, которые превозносятся, сокрушишь наказаниями. “Ты выступаешь для спасения народа Твоего, для спасения помазанного Твоего. Ты сокрушаешь главу нечестивого дома, обнажая его от основания до верха”. Тут ничего не требует особого объяснения. “Ты с конями Твоими проложил путь по морю, чрез пучину великих вод”; здесь имеются в виду многие народы. Ибо одни не обратились бы из страха, другие не преследовались бы с яростью, если бы не были приведены в смятение все. “Я услышал — и вострепетала внутренность моя; при вести о сем задрожали губы мои, боль проникла в кости мои, и колеблется место подо мною”. Он обратил внимание на то, о чем говорил, и сам утрастился своей речи, которая изливалась у него пророчески и в которой он созерцал будущее. Ибо при смущении многих народов он видел непрерывные скорби Церкви, сознавал себя ее членом и потому говорил как принадлежащий к числу терпеливых в скорби, постоянных в молитве (Рим. XII, 12). “А я, — говорит он, — должен быть спокоен в день бедствия, когда придет на народ мой грабитель его”; т. е. он решительно удаляется от злобного народа, родственного ему по плоти, — народа, который не странствует на сей земле, взыскав горнего отечества.

“Хотя бы не расцвела смоковница и не было плода на виноградных лозах, и маслина изменила, и нива не дала пищи, хотя бы не стало овец в загоне и рогатого скота в стойлах”. Пророку ясно видно, что народ, который убьет Христа, потеряет изобилие духовных богатств,

которые, по пророческому обычаю, представляет под видом земного плодородия. Итак, поскольку народ этот заслужил гнев Божий, ибо не зная правды Божией, захотел установить свою, то далее (пророк) говорит: “И тогда я буду радоваться о Господе и веселиться о Боге спасения моего. Господь Бог — сила моя: Он сделает ноги мои как у оленя и на высоты мои возведет меня!”*, т. е. в той песне, о которой нечто подобное говорится в псалме: “И поставил на камне ноги мои, и утвердил стопы мои; и вложил в уста мои новую песнь — хвалу Богу нашему” (Пс. XXXIX, 3, 4). Итак, тот побеждает в песне Господа, кто поет хвалу Ему, а не самому себе, соответственно выражению: “Хвалящийся хвались Господом” (I Кор. I, 31). Но, на мой взгляд, некоторые кодексы, в коих стоит: “Буду веселиться о Боге Иисусе моем”, излагают это место лучше, чем те, которые, желая это место перевести по-латыни, не поставили самого имени, сам звук которого нам любезен и приятен.

Глава XXXIII

Пророк Иеремия принадлежит к числу больших пророков, как и Исаия, а не малых, как прочие, из писаний которых я уже нечто привел. Он пророчествовал, когда в Иерусалиме царствовал Осия, а у римлян Анк Марций, и когда приближалось уже время Иудейского плена. Продолжал он пророчествование до пятого месяца плена, как мы это видим из его писаний. Рядом с ним мы ставим Софонию, одного из малых. Ибо последний сам говорит, что пророчествовал во дни Осии (Соф. I, 1), хотя и не указывает, до какого времени. Таким образом, Иеремия пророчествовал во времена не только Анка Марция, но и Тарквиния Древнего, который был пятым царем у римлян. Ибо последний уже начал царствовать, когда случился этот плен. Итак, пророчествуя о Христе, Иеремия говорит: “Дыхание жизни нашей, помазанник Господень

* У Августина: “И на высоты мои возведет меня, и одержу победу в песне Его”.

пойман в ямы их” (Плач. IV, 20), указывая в этих кратких словах, что Христос — Господь наш, и что Он пострадал за грехи наши. И в другом месте он также говорит: “Сей Бог наш... явится на земле и будет жить с человеками” (Барух. III, 36 — 38). Некоторые это свидетельство приписывают не Иеремии, а его писцу, который назывался Барухом; но более распространенное мнение считает его Иеремииным.

О Христе говорит пророк еще и в следующих словах: “Вот, наступают дни, говорит Господь, — и восставлю Давиду Отрасль праведную, и воцарится Царь, и будет поступать мудро, и будет производить суд и правду на земле. Во дни Его Иуда спасется и Израиль будет жить безопасно; и вот — имя Его, которым будут называть Его: “Господь — оправдание наше!” (Иер. XXIII, 5, 6). О призвании же язычников, которое должно было последовать и которое мы видим ныне исполнившимся, он говорит так: “К Тебе придут народы от краев земли и скажут: только ложь наследовали наши отцы, пустоту и то, в чем никакой нет пользы” (Иер. XVI, 19). А что его не познают иудеи, которым надлежало убить Его, это пророк дает понять таким образом: “Лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено; кто узнает его?” (Иер. XVII, 9). Иеремии же принадлежит и известное пророчество о Новом завете, Ходатай которого есть Христос, изложенное мною в семнадцатой книге. Ибо это — слова Иеремии: “Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет” (Иер. XXXI, 31), и проч., что там написано.

Что касается пророка Софонии, пророчествовавшего с Иеремией, я приведу здесь следующие его предсказания о Христе: “Итак ждите Меня, говорит Господь, когда Я восстану для опустошения, ибо Мною определено собрать народы, созвать царства” (Соф. VIII, 8). И еще: “Страшен будет для них Господь; ибо истребит всех богов земли, и Ему поклонятся — каждый со своего места — все острова народов” (Соф. II, 11). И несколько ниже: “Тогда опять Я дам народам уста чистые, чтобы все призывали имя Господа и служили Ему единодушно. Из заречных стран

Эфиопии поклонники Мои — дети рассеянных Моих — принесут Мне дары. В тот день ты не будешь срамить себя всякими поступками твоими, какими Ты грешил против Меня, ибо тогда Я удалю из среды твоей тщеславящихся твоею знатностью, и не будешь более превозноситься на святой горе Моей. Но оставляю среди тебя народ смиренный и простой, и они будут уповать на имя Господне. Остатки Израиля не будут делать неправды” (Соф. III, 9 — 13). Это те остатки, о которых находится пророчество в другом месте, приводимое и апостолом: “Хотя бы сыны Израилевы были числом, как песок морской, только остаток спасется” (Ис. X, 22; Рим. IX, 27). Ибо эти остатки израильского народа уверовали во Христа.

Глава XXXIV

Затем, во время самого Вавилонского плена, пророчествовали сначала Даниил и Иезекииль, т. е. два других из числа больших пророков. Из них Даниил определил числом лет само время, в которое имел прийти и пострадать Христос: показывать это путем вычислений было бы долго, да и не раз это делалось другими прежде нас. О власти же Его и славе пророк говорил так: “Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится” (Дан. VII, 13, 14).

Иезекииль, изображая Христа по пророческому обычаю под образом Давида, так как он принял плоть от семени Давида (а по причине этого рабского образа, в котором Он стал человеком, Сын Божий называется также и рабом Божиим), так пророчествует о Нем от лица Бога Отца: “И поставлю над ними одного пастыря, который будет пасти их, раба Моего Давида; он будет пасти их и он будет у них пастырем. И Я, Господь, буду их Богом, и раб Мой Давид будет князем среди них. Я, Господь, сказал

это” (Дан. XXXIV, 23, 24). И в другом месте: “Один Царь будет царем у всех их, и не будут более двумя народами, и уже не будут вперед разделяться на два царства. И не будут уже осквернять себя идолами своими и мерзостями своими, и всякими пороками своими, и освобожу их из всех мест жительства их, где они грешили, и очищу их, — и они будут Моим народом, и Я буду их Богом. А раб Мой Давид будет Царем над ними и Пастырем всех их” (Дан. XXXVII, 22 — 24).

Глава XXXV

Остаются три малых пророка, пророчествовавшие в конце плена, Аггей, Захария и Малахия. Из них Аггей пророчествовал с большею ясностью о Христе и о Церкви в следующих кратких словах: “Так говорит Господь Саваоф: еще раз, — и это будет скоро, — Я потрясу небо и землю, море и сушу, и потрясу все народы, — и придет Желаемый всеми народами” (Агг. II, 6, 7). Это пророчество мы видим отчасти уже исполнившимся, а отчасти надеемся, что оно должно исполниться в конце. Так, свидетельством ангелов и звезд, бывшим при воплощении Христа, Бог потряс небо. Он потряс землю величайшим чудом рождения Его от Девы. Потряс небо и сушу проповедью о Христе и по островам, и по всей земле. Таким образом, мы видели, как подвинулись все народы к вере. А что говорится далее: “Придет Желаемый всеми народами”, — то ожидается еще относительно второго Его пришествия. В самом деле, чтобы быть желанным для ожидающих, Ему надлежало быть прежде возлюбленным для верующих.

Захария о Христе и Церкви говорит: “Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се, Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной... Он возвестит мир народам, и владычество Его будет от моря до моря и от реки до концов земли” (Зах. IX, 9, 10). О том, как случилось, что Христос воспользовался в пути выючным животным этой породы, мы читаем в

Евангелии; там же приводится и само это пророчество в той его части, в какой представлялось в том месте достаточным (Мф. XXI). В другом месте, обращая в пророческом духе свою речь ко Христу о прощении грехов Его кровью, он говорит: “А что до тебя, ради крови завета твоего Я освобожу узников твоих изо рва, в котором нет воды” (Зах. IX, 11). По-разному можно понимать, даже с точки зрения правой веры, что пророк хотел дать понять под этим рвом. По моему мнению, лучше всего понимать под ним в своем роде сухую и бесплодную глубину человеческой бедности, где нет источников правды, но много грязи неправды. Об этом говорится и в псалме: “Извлек меня из страшного рва, из тинистого болота” (Пс. XXXIX, 3).

Малахия, пророчествуя о Церкви, которую мы видим распространенною через Христа, говорит от лица Божия, обращаясь очевиднейшим образом к иудеям: “Нет Моего благоволения к вам, говорит Господь Саваоф, и приношение из рук ваших неблагоугодно Мне. Ибо от востока солнца до запада велико будет имя Мое между народами, и на всяком месте будут приносить фимиам имени Моему, чистую жертву; велико будет имя Мое между народами, говорит Господь Саваоф” (Мал. I, 10, 11). Когда мы видим, что это жертвоприношение совершается уже священством Христовым по чину Мелхиседекову на всяком месте от востока солнца до запада, а жертвоприношения иудеев, которым сказано: “Нет Моего благоволения к вам, говорит Господь Саваоф, и приношение из рук ваших неблагоугодно Мне”, прекратились, чего они сами не могут отрицать, то почему же они ждут еще доселе другого Христа, когда то, о чем читают в пророчестве и что видят уже исполнившимся, могло исполниться только через Христа? Ибо несколько ниже пророк о Нем говорит от лица Бога: “Завет Мой с ним был завет жизни и мира, и Я дал его ему для страха, и он боялся Меня и благоговел пред именем Моим. Закон истины был в устах его, и неправды не обреталось на языке его; и в мире и правде он ходил со Мною и многих отвратил от греха. Ибо уста священника должны хранить ведение, и закона ищут из

уст его, потому что он вестник Господа Саваофа”* (Мал. II, 5 — 7).

Не следует удивляться, что Иисус Христос назван ангелом всемогущего Бога. Как по причине образа раба, в котором Христос явился к людям, Он — раб, так ангел Он ради Евангелия, которое возвестил людям. Если эти два слова перевести с греческого, то и Евангелие значит благая весть, и ангел — вестник. О Нем же пророк говорит и еще: “Вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною, и внезапно придет в храм Свой Господь, Которого вы ищете, и Ангел завета, Которого вы желаете; вот, Он идет, говорит Господь Саваоф. И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится?” (Мал. III, 1, 2). В этом месте пророк предвозвестил и первое и второе пришествия Христа, — первое в словах: “И внезапно придет в храм Свой”, т. е. в плоть свою, о которой Христос сказал в Евангелии: “Разружьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его” (Иоан. II, 19); второе — когда говорит: “Вот, Он идет, говорит Господь Саваоф. И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится?”; этим пророк дал понять, что и иудеи, согласно с Писаниями, которые читают, ищут и желают Христа. Но многие из них, ослепленные в своем сердце прежними своими заслугами, не познали, что Тот, Кого они искали и желали, пришел. А под заветом, о котором пророк упоминает выше и здесь, когда называет (Христа) Ангелом завета, мы должны разуметь, конечно же, завет Новый, в котором содержатся вечные обетования, а не Ветхий, заключающий обетования временные.

Придавая большое значение этим последним обетованиям и служа истинному Богу в надежде на награду такими временными предметами, весьма многие слабые люди смущаются, когда видят, что ими в избытке владеют нечестивые. Поэтому, чтобы показать различие между вечным блаженством Нового завета, которое даруется только добродетельным, от временного благополучия Ветхого, которое весьма часто достается и злым, пророк говорит:

* У Августина: “Потому что он Ангел Господа Вседержителя”.

Дерзостны предо Мною слова ваши, говорит Господь. Вы скажете: “что мы говорим против Тебя?” Вы говорите: “тщетно служение Богу, и что пользы, что мы соблюдали постановления Его и ходили в печальной одежде пред лицом Господа Саваофа? И ныне мы считаем надменных счастливыми: лучше устраивают себя делающие беззакония, и хотя искушают Бога, но остаются целы”. Но боящиеся Бога говорят друг другу: “внимает Господь и слышит это, и пред лицом Его пишется памятная книга о боящихся Господа и чтущих имя Его” (Мал. III, 13 — 16). Под эту книгу разумеется Новый завет. Послушаем, что следует далее: “И они будут Мои, говорит Господь Саваоф, собственностью Моею в тот день, который Я соделаю, и буду миловать их, как милует человек сына своего, служащего ему. И тогда снова увидите различие между праведником и нечестивым, между служащим Богу и неслужащим Ему. Ибо вот, придет день, пылающий как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попалит их грядущий день, говорит Господь Саваоф, так что не оставит у них ни корня, ни ветвей. А для вас, благоговевшие пред именем Моим, взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его, и вы выйдете и разыграете, как тельцы упитанные; и будете попираť нечестивых, ибо они будут прахом под стопами ног ваших в тот день, который Я соделаю, говорит Господь Саваоф” (Мал. III, 17 — 18; IV, 1 — 3). Это — так называемый день суда. О нем, если Бог благоволит, мы скажем в своем месте подробнее.

Глава XXXVI

После этих трех пророков, Аггея, Захарии и Малахии, во времена освобождения народа из рабства Вавилонского писал и Ездра. Он считается скорее историческим писателем, чем пророком; так же точно, как и книга, называемая Есфирь, повествующая во славу Божию о событии, совершившемся незадолго перед этими временами. Можно, пожалуй, признать пророчеством о Христе рассказ Ездры

о возникшем между некоторыми юношами споре о том, что в мире всего сильнее: один говорил, что сильнее всего цари, другой — вино, а третий — женщины, весьма часто повелевавшие и царями; но потом этот же самый третий доказал, что истина побеждает все. Из Евангелия мы знаем, что истина есть Христос. С этого времени иудеи, по восстановлении храма, имели не царей, а князей вплоть до самого Аристовула. Хронология этих князей находится не в тех священных Писаниях, которые называются каноническими, а в других. К числу последних принадлежат и книги Маккавейские, которые признаются каноническими не иудеями, а Церковью, ради тяжких и удивительных страданий некоторых мучеников, которые еще до пришествия Христова во плоти боролись за закон Божий до смерти и претерпели тягчайшие и ужасные бедствия.

Глава XXXVII

Итак, во время наших пророков, Писания которых сделались в последнее время известными почти всем народам, еще не существовало философов языческих. И само это имя, которым они называются, получило начало от Пифагора Самосского, ставшего знаменитым и известным в то время, когда окончился плен иудеев. Следовательно, остальные философы жили гораздо позже пророков. Так, сам Сократ Афинский, — этот учитель всех наиболее тогда прославившихся философов, занимающий в той части философии, которая называется нравственной или практической, первое место, — в хрониках встречается после Ездры. Немного позже родился и Платон, далеко превосходивший всех прочих учеников Сократа. Если мы присоединим к ним даже и старейших по времени, которые еще не назывались именем философов, т. е. семерых мудрецов и тех физиков, которые были последователями Фалеса и подражали ему в исследовании природы: Анаксимандра, Анаксимена и Анаксагора, а также некоторых других, живших прежде, чем Пифагор впервые стал называть себя философом; то и эти не превосходят своей

древностью наших пророков. Ибо о Фалесе, после которого жили остальные, известно, что он стал знаменитым во время царствования Ромула, т. е. тогда, когда из израильских источников образовалась уже целая река пророчеств в тех Писаниях, которые растеклись ныне по всему миру. Таким образом, только теологи-поэты: Орфей, Лин, Мусей и другие, если такие у греков были, — только они одни представляются жившими по времени раньше тех пророков, Писания которых пользуются у нас авторитетом. Но и они не превосходят по времени нашего истинного теолога Моисея, который справедливо проповедал о едином истинном Боге и Писания которого в священном каноне занимают в настоящее время первое место. Поэтому, что касается греков, отдававших предпочтение преимущественно литературным произведениям светского содержания, то у них нет ничего, что могло бы доказать большую древность их мудрости, не говоря уже — большую глубину, по сравнению с нашей религией, в которой заключается истинная мудрость.

Нужно, впрочем, признаться, что если не в Греции, то у варварских народов, а именно в Египте, действительно существовала еще до Моисея некоторая доктрина, называвшаяся их мудростью; иначе не было бы в священных книгах написано, что Моисей научен был всей мудрости египтян (Деян. VII, 22) в то, конечно, время, когда он там родился и дочерью фараона был усыновлен, вскормлен и воспитан как человек знатный. Но и мудрость египтян не могла превосходить древностью мудрость наших пророков: ибо пророком был и Авраам (Быт. XX, 7). Какая же мудрость могла быть у египтян прежде, чем их познакомила с письменами Исида, которую они, когда она умерла, сочли нужным почитать как великую богиню? А Исида была, по преданию, дочерью Инаха, который первым начал царствовать у аргосцев, когда явились на свет уже внуки Авраама.

Глава XXXVIII

Если даже обратимся к временам более древним, то и прежде известного величайшего потопа был у нас патриарх Ной, которого я также назову пророком, потому что и сам ковчег, который он построил и в котором со своими спасся от потопа, был пророчеством о наших временах. А об Енохе, седьмом от Адама, разве не говорится в каноническом послании апостола Иуды, что он пророчествовал (Иуд. I, 14)? Если писания их не получили авторитета ни у иудеев, ни у нас, причиной тому служит крайняя древность, вследствие которой считали нужным относиться к ним с недоверием, чтобы не принять ложного за истинное. И действительно, в обращении имеются писания, которые выдаются за их писания такими людьми, которые верят по своему вкусу и без разбора тому, чему хотят верить. Но чистота канона не приняла их; не потому, чтобы не признавался авторитет тех людей, которые сделались угодными Богу, а потому, что писания эти не считаются принадлежащими им. И не следует удивляться, что писания, обращающиеся с именем такой глубокой древности, считаются подозрительными.

В истории Иудейских и Израильских царей, содержащей в себе повествования о деяниях, относительно которых мы веруем тому же каноническому Писанию, упоминается много такого, что там подробно не излагается, а говорится, что о том можно прочесть в других книгах, написанных пророками, и в иных местах называются даже и сами имена пророков (I Пар. XXIX, 29; II Пар. IX, 29); однако в каноне, принятом народом Божиим, писаний этих мы не встречаем. Признаюсь, этого обстоятельства я не могу объяснить себе иначе, как предположением, что люди эти, которым Дух Святой открывал то, что должно было иметь религиозный авторитет, сами же могли писать одно как люди, из любви к историческим исследованиям, другое — как пророки, по божественному вдохновению; и эти два рода писаний были так различны, что первый, полагали, нужно приписывать как бы им самим, а другой — Богу, говорящему через них, и таким образом,

Первый относился к расширению познания, а второй — к авторитету религии. Под покровом этого авторитета сохраняется и канон до такой степени, что если какие-нибудь писания выдаются даже за писания древних пророков, но в канон не внесены, они не имеют значения даже для расширения знания; потому что неизвестно, принадлежат ли они тем, за чьи выдаются. Они не считаются заслуживающими доверия, и в особенности те из них, в которых читается что-нибудь противное учению канонических книг; так как это служит очевидным доказательством, что книги эти не принадлежат тем пророкам.

Глава XXXIX

Итак, не следует думать, будто бы, как полагают некоторые, посредством того, кто назывался Евром, откуда происходит имя евреев, сохранился и перешел к Аврааму только еврейский язык, а письменность-де еврейская получила начало со времени закона, данного Моисеем; вернее же, через указанное преемство патриархов упомянутый язык сохранился вместе со своей письменностью. Затем Моисей поставил в народе Божиим людей, которые обязаны были заведовать обучением грамотности, когда еще не были знакомы ни с одною буквой божественного закона (Исх. XVIII, 21 — 25). Писание называет их *ὑρασιτατοε-ισαυουεις*, т. е. по-латыни — вводителем письмен или в письменна: так как они некоторым образом вводят письменна в сердца учащихя, или лучше — вводят в письменна тех, кого обучают.

Итак, пусть ни один народ по какому-нибудь зазнайству не хвалится древностью своей мудрости по сравнению с нашими патриархами и пророками, которым присуща была мудрость божественная; ибо оказывается, что и Египет, который обыкновенно ложно и напрасно величается древностью своих наук, по времени не превосходит никакой своею мудростью мудрость наших патриархов. Ведь никто не осмелится утверждать, что египтяне были весьма сведущи в заслуживающих удивления науках раньше, чем

познакомились с грамотой, т. е. раньше, чем явилась к ним Исида и научила их письменам. Самая их достопамятная наука, называемая мудростью, чем иным она была, как не по преимуществу астрономией, которая, как и всякая другая наука подобного рода, обыкновенно имеет значение скорее для упражнения способностей, чем для просвещения ума истинной мудростью? А что касается философии, которая якобы учит чему-то такому, от чего люди делаются блаженными, то этого рода занятия процветали в тех странах во времена Меркурия, прозванного Трисмегистом, т. е. хотя гораздо раньше греческих мудрецов или философов, однако позже Авраама, Исаака, Иакова и Иосифа, даже позже Моисея. Ибо оказывается, что в то время, когда родился Моисей, жил только известный великий астролог Атлас, брат Прометея, дед по матери Меркурия старшего, внуком которого был вышеупомянутый Меркурий Трисмегист.

Глава XL

Итак, напрасно некоторые стараются дать ход нелепешему мнению, будто с того времени, как египтяне владеют знанием звездочетства, насчитывается более ста тысяч лет. В каких это книгах записано такое число египтянами, которые научились письменам под руководством Исиды от силы две тысячи лет назад? Ведь Варрон, который сообщает об этом, не последний авторитет в истории, притом это не противоречит и истине божественных Писаний. Ведь если от первого человека, называемого Адамом, не прошло еще и шести тысяч лет, то не заслуживают ли скорее насмешки, чем опровержения, те, которые относительно летоисчисления стараются убедить в таких своеобразных и столь противоречащих дознанной истине вещах? Ибо какому рассказчику о прошедшем нам надлежит верить, как не тому, который предсказал и будущее, исполнившееся уже на наших глазах? Да и само указанное нами разногласие между историками служит для нас побуждением верить скорее тому из них, который не противоречит

истории, которую мы признаем божественной. Когда граждане нечестивого града, рассеянного всюду по лицу земли, читают ученейших людей, из которых, по-видимому, не следует пренебрегать ничьим авторитетом, то будучи между собою несогласны относительно событий, от нашего времени весьма удаленных, не знают, кому они должны более верить. Но мы, опираясь в истории нашей религии на божественный авторитет, все, что только ему противоречит, не сомневаясь считаем решительно ложным; и как бы там ни рассказывалось обо всем прочем в светских сочинениях, истинно ли остальное, или ложно, оно не даст нам ничего для жизни правильной и блаженной.

Глава ХLI

Но оставим область исторического знания; среди самих философов, от которых мы сделали это отступление к истории, — которые, по-видимому, в своих занятиях о том только и старались, чтобы открыть способ, как следует жить, чтобы достигнуть блаженства, — почему возникли эти разногласия учеников с учителями и соучеников между собой, если не потому, что люди доискивались этого человеческого смыслом и человеческими умозаключениями? Могло, конечно, иметь при этом место и стремление к славе, вследствие которого каждый из них желал казаться мудрее и остроумнее другого, быть не рабом, так сказать, чужого мнения, а изобретателем собственного учения и собственной теории; но допустим, что были между ними некоторые, и даже очень многие такие, которые расходились со своими учителями и соучениками из любви к истине, чтобы отстоять то, что они считали таковою, была ли это действительно истина, или нет; во всяком случае, что делать, куда и на чью сторону склониться человеческому несчастью для достижения блаженства, если им не руководит божественный авторитет?

Между тем, что касается наших авторов, на которых не без основания утверждается и заканчивается канон священных Писаний, то они решительно ни в каком

отношении не противоречат друг другу. Поэтому-то когда они писали, то ненапрасно уверовали, что им или через них говорил Бог, не какие-нибудь немногие болтуны на словопрениях в школах и гимназиях, а столькие и такие ученые и неученые народы. Самих их (авторов Писаний), естественно, должно было быть немного, чтобы от большого количества их не терялась ценность того, что должно быть дорого религиозному чувству; но, однако, и не настолько мало, чтобы согласие их не вызывало удивления. Ибо в толпе философов, даже оставивших в своих литературных работах памятники своих учений, трудно встретить таких, которые бы во всех своих мнениях были между собою согласны. Доказывать это, впрочем, в настоящем сочинении было бы долго.

Однако же, кто из авторов какой-либо секты пользуется в этом демонопочитающем граде в такой степени авторитетом, чтобы остальные, иначе и несогласно с ним мыслящие, не одобрялись? Разве в Афинах не пользовались славой и эпикурейцы, утверждавшие, что боги не заботятся о делах человеческих, и стоики, думавшие, напротив, что дела эти управляются и охраняются богами, помощниками и покровителями? Поэтому я удивляюсь, почему Анаксагор, который говорил, что солнце есть горящий камень, и отрицал, что оно — бог, был обвинен, когда в том же самом городе пользовался славой и жил в полной безопасности Эпикур, не только не веривший тому, чтобы солнце или какая-либо из звезд были богами, но даже утверждавший, что в мире вообще не существует ни Юпитера, ни кого-либо из богов, до которого доходили бы молитвы и просьбы людей. А Аристипп, полагавший высшее благо в чувственном удовольствии, а Антисфен, утверждавший, что блаженным человек бывает доблестью духа, оба славные философы и оба принадлежавшие к школе Сократа, полагавшие, однако же, благо жизни в таких различных и противоположных целях, причем первый даже говорил, что мудрый должен избегать государственных дел, а последний — что должен управлять государством, — разве каждый из них не привлекал там

к себе учеников для обращения в последователей своей секты?

У всех на глазах, в видимом и самом бойком портике, в гимназиях, в садах, в публичных и частных местах спорили толпами, и каждый отстаивал свое мнение: одни утверждали, что мир один, другие — что миров бесчисленное множество; одни — что этот единственный мир имеет начало, другие — что не имеет; одни — что он будет иметь конец, другие — что будет существовать вечно; одни — что он управляется божественным умом, другие — случаем; одни говорили, что души бессмертны, другие — смертны; и из тех, которые признавали души бессмертными, одни доказывали, что они переходят в животных, другие — что этого ни в коем случае не может быть; из тех же, которые называли души смертными, одни говорили, что они погибают вслед за телами, другие — что живут еще и после тел, мало ли, или много, но не вечно; одни конечное благо полагали в теле, другие — в душе, третьи — в том и другом, а некоторые прибавляли к душе и телу и существующее вне их благо; одни полагали, что телесным чувствам всегда следует верить, другие — что не всегда, третьи — что никогда. Какой народ, какой сенат, какая общественная или правительственная власть нечестивого града старались когда-нибудь разобраться в этих и других бесчисленных противоречивых мнениях философов, одни из них одобрить и принять, другие — осудить и отвергнуть? Не терпели ли они, напротив, безо всякого разбору эти бесконечные споры несогласных между собою людей, — споры не о полях и домах или каком-нибудь денежном вопросе, а о таких предметах, которые делают жизнь несчастной или блаженной? Хотя при этом высказывалось и нечто истинное, но с такою же полной свободой говорилась и ложь, так что такой город с полным основанием может носить таинственное имя Вавилона. Ибо Вавилон в переводе значит “смешение”, о чем, помнится, я уже говорил. Для царя этого града, дьявола, решительно все равно, из-за каких противоположных заблуждений спорят между собою те, над которыми он

одинаково властвует по причине их великого и разнообразного нечестия.

Но то племя, тот народ, тот град, то государство, те израильтяне, которым было вверено слово Божие, никогда с таким произволом не смешивали псевдопророков с истинными пророками; но признавали и принимали друг с другом согласных истинных авторов священных Писаний. Они были для них и философами, т. е. любителями мудрости, и мудрецами, и богословами, и пророками, и учителями добродетели и благочестия. Кто мыслил и жил согласно с ними, мыслил и жил не по человеку, а по Богу, Который говорил через них. Если у них запрещено святотатство, его запретил Бог. Если было сказано: “Почитай отца твоего и мать твою”, то это заповедал Бог. Если сказано: “Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради” (Исх. XX, 12 — 15), и прочее в том же роде, то изречено это было не человеческими, а божественными устами. Все, что некоторые философы среди лжи, которую они высказывали, могли усмотреть истинного и в чем старались убеждать путем трудных рассуждений, как, например, что настоящий мир сотворен Богом и управляется Его промыслом, равно о честности добродетелей, о любви к отечеству, о верности дружбы, о добрых делах и вообще обо всем, относящемся к добрым нравам, хотя они и не знали, к какой цели и каким образом все это должно направляться, — все это в том граде было заповедано народу пророческими, т. е. божественными, хотя и через людей, устами, а не втолковано путем словопрений, чтобы всякий, кто получал о тех предметах познание, страшился презирать не человеческий разум, а слово Божие.

Глава XLII

Эти священные книги пожелал знать и иметь один из египетских царей Птолемеев. После удивительного, но кратковременного правления Александра Македонского (называемого также Великим), во время которого он отчасти силой, т. е. войском, а отчасти и страхом покорил всю

Азию, даже почти весь мир, завоевав в своих походах в числе других царств Востока и Иудею, его сподвижники не разделили полюбовно между собой его громаднейшую монархию, чтобы овладеть ею, а скорее разорвали, чтобы все опустошать войнами. Тогда Египет стал иметь царями Птолемеев. Первый из Птолемеев, сын Лага, перевел в Египет из Иудеи многих пленников. Преемник его, другой Птолемей, называемый Филадельфом, всем, которых тот привел пленниками, даровал свободу; сверх того, он послал царские дары в храм Божий и просил у тогдашнего первосвященника Елезара сообщить ему Писания, которые, как слышал он из носившейся молвы, считались действительно божественными и которые он желал иметь в своей, тогда составлявшейся им, знаменитейшей библиотеке. Когда первосвященник Елезар прислал ему священные книги на еврейском языке, он попросил переводчиков; к нему и посланы были семьдесят два человека, по шесть от каждого из двенадцати колен, — люди весьма сведущие в том и другом языках, т. е. еврейском и греческом.

Перевод их принято называть переводом Семидесяти. Предание говорит, что в их словах было такое удивительное и поразившее всех согласие, что хотя за своею работой они сидели отдельно один от другого (таким путем Птолемей захотел проверить их добросовестность), однако между ними не оказалось различия ни в каком-либо слове, имевшем у них одинаковый смысл и одинаковое значение, ни в расположении слов; но как если бы переводчик был один, так переведенное ими всеми было тождественно; ибо во всех них на самом деле действовал один и тот же Дух. Такой удивительный дар Божий был сообщен им для того, чтобы придать этим еще больший авторитет Писаниям, не человеческим, а божественным, какими они и были, — авторитет, который должен был принести пользу будущим верующим из язычников, что мы и видим уже исполнившимся.

Глава XLIII

Хотя были и другие переводчики, переводившие священные Писания с еврейского языка на греческий, как-то: Акила, Симмах и Феодотион; хотя существует и еще перевод, автор которого неизвестен и потому он без указания переводчика называется просто пятым изданием; однако, перевод Семидесяти принят Церковью так, как если бы он был единственным, и находится в употреблении у греческих христианских народов, из которых весьма многие даже не знают, существует ли еще какой-либо другой. С перевода Семидесяти сделан и латинский перевод, используемый латинскими церквями. Еще в наше время жил пресвитер Иероним, человек ученейший, сведущий во всех трех языках, переведший священные Писания на латинский язык не с греческого, а с еврейского. Но несмотря на то, что иудеи признают его ученый перевод правильным, а перевод Семидесяти во многих местах неточным, однако церкви Христовы полагают, что никого не следует предпочитать авторитету стольких людей, избранных для этого дела тогдашним первосвященником Елеазаром, на том основании, что если бы даже и не проявился в них единый и несомненно божественный Дух, а ученые Семьдесят по человеческому обыкновению договорились между собою относительно тех или иных слов перевода, чтобы употребить такие, которые принимались бы всеми, то и в таком случае им не следует предпочитать одного, кто бы он ни был. Но коль скоро мы видим в них такой ясный знак боговдохновенности, то как бы любой другой переводчик Писаний с еврейского языка на какой-нибудь другой ни был точен, согласен ли он с Семьюдесятью или нет, за Семьюдесятью мы должны признать пророческое превосходство. Ибо тот же самый Дух, который был в пророках, когда они составляли Писание, тот же Дух был и в Семидесяти, когда они его переводили.

Этот Дух по божественному авторитету мог, конечно, говорить и нечто иное, подобно тому, как известный пророк говорил и то, и другое, потому что то и другое

говори́л тот же самый Дух; мог говорить и то же самое иначе, так что людям, хорошо понимающим, виден был, хотя и не под одинаковыми словами, тот же самый смысл; мог, наконец, иное опускать, а другое добавлять, чтобы и из этого было видно, что это было делом не рабского труда человека, каким должен был быть перевод буквальный, а делом власти божественной, которая наполнила и направляла ум переводчика. Некоторые, впрочем, полагали, что греческие кодексы перевода Семидесяти следовало исправлять по еврейским кодексам, однако опустить то, чего еврейские кодексы не имеют, а Семьдесят имеют, не решились, а только вставили то, что еврейские кодексы имеют, а Семьдесят не имеют, и эти вставки отметили в начале стихов известного рода знаками наподобие звезд, называемыми поэтому звездочками. То же, чего наоборот — еврейские кодексы не имеют, а Семьдесят имеют, обозначили, и тоже в начале стихов, черточками, подобно тому, как пишутся унции. С такими значками распространены повсюду и многие латинские кодексы. Но все то, что не опущено или прибавлено, а иначе сказано, и придает или другой смысл, не несовместимый, однако же, с тем, или тот же самый, но выраженный иным образом, — то может открываться только при сличении тех и других кодексов.

Итак, если в Писании мы должны, как и следует, видеть лишь то, что через людей говорил Дух Божий, то все, что в еврейских кодексах есть, а у Семидесяти нет, все это Дух Божий благоволил сказать не через них, а через пророков. Все же, что есть у Семидесяти и чего нет в еврейских кодексах, тот же самый Дух предпочел высказать через них, а не через пророков, показывая таким образом, что те и другие были пророками. Ибо точно также одно изрек он через Исаию, другое — через Иеремию, третье — через иного какого-либо пророка, или одно и то же, но иначе, через того или другого, как было Ему угодно. Все, что находится у пророков и у Семидесяти, изрек через тех и других один и тот же Дух, но так, что те предшествовали, пророчествуя, а эти следовали за ними, пророчески их объясняя; ибо как в тех, говоривших

истинное и между собою согласное, обитал один и тот же Дух мира, так и в этих, переводивших отдельно друг от друга, как бы едиными устами проявился тот же самый единый Дух.

Глава XLIV

Но кто-нибудь скажет: “Откуда я могу знать, сказал ли пророк Иона ниневитянам: “Еще три дня, — и Ниневия будет разрушена”, или: “Еще сорок дней” (Ион. III, 4)?” Действительно, кто не согласится, что пророк, который был послан устрашить город угрозой неминуемой гибели, не мог сказать в одно и то же время то и другое? Если гибель угрожала на третий день, то никак не на сороковой, а если на сороковой, то не на третий. Итак, если меня спросят, что все-таки сказал Иона, я отвечу, что скорее то, что читается в еврейском тексте, т. е.: “Еще сорок дней, — и Ниневия будет разрушена”. Ибо Семьдесят, переводившие гораздо позднее, могли сказать иное, относящееся, однако, к тому же предмету и имеющее тот же самый смысл, но заставляющее читателя, при сохранении уважения к тому и другому авторитету, обратиться от истории к исследованию того, для обозначения чего и написана эта история. Хотя события эти совершались в городе Ниневии, но знаменовали собою нечто такое, что превышает меру этого города; подобно тому, как сам пророк находился три дня во чреве кита, но знаменовал собою другого, имевшего быть три дня в глубине ада, Того, Кто есть Господь всех пророков. Поэтому, если под тем городом справедливо разумеют пророчески изображенную церковь язычников, сокрушенную покаянием, чтобы не быть уже такою, какою была; то так как в языческой церкви, образом которой была Ниневия, совершено это Христом, то под сорока и тремя днями обозначается тот же Христос; под сорока потому, что Он в продолжении сорока дней беседовал со своими учениками после воскресения и потом вознесся на небо; под тремя потому, что в третий день Он воскрес.

Читателя, мысль которого не желает подняться выше исторического факта, Семьдесят переводчиков, они же — и пророки, как бы пробуждают ото сна к созерцанию пророческой высоты и как бы говорят ему: “В сорок дней ищи Того, в Ком можешь найти и три дня: первое усмотришь в вознесении, последнее — в воскресении Его”. Таким образом, тем и другим числом могло даваться совершенно согласное предуказание; причем то — через пророка Иону, а это — через пророчество Семидесяти переводчиков, но говорил один и тот же Дух. Стараюсь быть кратким, и потому не привожу в доказательство многих других мест, в которых Семьдесят переводчиков представляются отклоняющимися от еврейского подлинника, но, правильно понятые, оказываются с ним согласными. Поэтому, следуя по мере сил примеру апостолов, которые приводили пророческие свидетельства из того и другого, т. е. и из еврейских кодексов, и из Семидесяти, я со своей стороны посчитал нужным пользоваться авторитетом тех и других, так как авторитет обоих одинаков и божественен. Но продолжим, как умеем, свою речь о том, что еще остается.

Глава XLV

После того, как народ Иудейский перестал иметь пророков, он оказался, несомненно, худшим, причем именно в то время, когда, с возобновлением своего храма после Вавилонского плена, надеялся видеть себя лучшим. Ибо в этом смысле тот плотский народ понял то, что предсказано было пророком Аггеем: “Слава сего последнего храма будет больше, нежели первого” (Агг. II, 9). Но что речь шла о Новом завете, это пророк показал несколько выше, где высказывается ясное обетование о Христе: “И потрясу все народы, — и придет Желаемый всеми народами” (Агг. II, 7). Этому месту Семьдесят переводчиков по пророческому авторитету придали другой смысл, применимый скорее к телу, т. е. к Церкви, чем к главе, т. е. Христу: “Придут избранные Господу от всех языков”,

т. е. о которых сам Иисус говорит в Евангелии: “Много званых, а мало избранных” (Мф. XXII, 14). Из таких избранных от язычников, как из живых камней, Новым заветом создается дом Божий гораздо славнейший, чем каким был тот храм, построенный Соломоном и возобновленный после плена. Поэтому-то с того времени народ Иудейский и пророков не имел, и подвергся многим бедствиям со стороны чужеземных царей и даже со стороны самих римлян, чтобы не думал, что пророчество Аггея исполнилось этим возобновлением храма.

Ибо спустя немного времени он был покорен прибывшим туда Александром; хотя при этом не произведено было никакого опустошения, так как они не осмелились ему сопротивляться и потому, покорившись безо всякой борьбы, снискали его благосклонность: все же слава этого храма была уже не такой, какой она была во времена свободной власти их царей. Правда, Александр принес жертвы в храме Божием, но не потому, что обратился к почитанию Бога с истинным благочестием, а потому, что с нечестивой суетностью полагал, что Его следует почитать вместе с ложными богами. Затем Птолемей, сын Лага, как мною уже было упомянуто выше, после смерти Александра вывел из Иудеи в Египет пленников, которых весьма благосклонно отпустил оттуда его преемник Птолемей Филадельф; благодаря последнему мы и имеем Писания Семидесяти переводчиков. Потом Иудея потрясалась войнами, описанными в Маккавейских книгах. После того она досталась царю Александрийскому Птолемею, называемому Епифаном; затем Антиохом, царем Сирийским, посредством многих и жестоких притеснений иудеи принуждены были к почитанию идолов, а их храм был осквернен святотатственными суевериями язычников. Впрочем, вождь их, доблестный Иуда, называемый также Маккавеем, после изгнания полководцев Антиоха очистил храм от всякой идолопоклоннической скверны.

Несколько позже первосвященником в результате интриг стал некто Алким, не происходивший из священнического рода, что было незаконно. Затем, спустя почти пятьдесят лет, в продолжение которых иудеи не пользовались миром,

хотя и жили до некоторой степени благополучно, Аристовул, первый надев диадему, сделался у них царем и первосвященником. Ибо до него, со времени возвращения из Вавилонского плена и восстановления храма, у них были не цари, а вожди или князья. Впрочем, и царь может быть назван и князем от первенства власти, и вождем, поскольку он предводительствует войском; но не всякие князья и вожди могут быть названы в то же время и царями, каким был тот Аристовул. Преемником его был Александр, тоже царь и первосвященник, который, говорят, управлял своими подданными весьма жестоко. После него у иудеев царствовала его жена Александра, со времени которой последовали для иудеев одно за другим еще более тяжкие бедствия. Ибо сыновья ее, Аристовул и Гиркан, ведя между собою борьбу за власть, призвали в Израиль римские силы; точнее, Гиркан попросил у них помощи против своего брата.

Рим покорил уже тогда Африку и Грецию и, широко распространяя свою власть по другим частям света, но как бы не будучи в силах поддерживать сам себя, так сказать, изнемогал от собственного своего величия. Он дошел до сильных внутренних мятежей, затем до союзнических, а вскоре и гражданских войн, и до такой степени обессилил и истощил себя, что перед ним предстала необходимость изменить государственный строй, чтобы стать под управление царей. Итак, знаменитейший правитель римского народа Помпей, вступив с войском в Иудею, взял город, отворил храм (но не с молитвенной набожностью, а по праву победителя, и вошел в него не как благочестивый почитатель, а как поругатель святыни) и проник во святая святых, куда входить не дозволялось никому, кроме первосвященника; затем, утвердив Гиркана в первосвященническом сане и поставив над побежденным народом надзирателем или, как тогда называли, прокуратором, Антипатра, увел с собою Аристовула в оковах. С того времени иудеи стали данниками Рима. Затем Кассий ограбил и сам храм. Наконец, несколько лет спустя, иудеи подверглись наказанию иметь царем чужестранца Ирода, в царствование которого родился Хрис-

гос. Ибо наступила уже полнота времен, определенная пророческим Духом через патриарха Иакова: “Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов” (Быт. XLIX, 10).

Итак, иудеи не переставали иметь князей из иудеев до Ирода, в лице которого они получили себе первого чужеземного царя. Но наступило уже время прийти Тому, Кому было отложено данное Новому завету обетование, что Он будет чаянием народов. Чаять же Его грядущего, как чают ныне, что Он придет для совершения суда в блеске славы, народы не могли бы, если бы прежде не уверовали в Него, пришедшего для принятия суда в унижении терпения.

Глава XLVI

Итак, когда в Иудее царствовал Ирод, а у римлян, с изменением государственного строя, императором был Август Цезарь, с которым в мире настали времена спокойствия, согласно предшествовавшему пророчеству (Мих. V, 2), в Вифлееме Иудейском родился Христос, как человек видимый — от человека Девы, а как Бог сокровенный — от Бога Отца. Ибо пророк предсказывал: “Се, Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог” (Ис. VII, 14; Мф. 1, 23; Лук. 1, 31). В доказательство Своей божественности Он совершил много чудес; о некоторых из них, насколько это представлялось достаточным для проповедания о Нем, повествует Евангельское писание. Первое из них то, что Он таким чудесным образом родился, а последнее — что со Своим воскресшим из мертвых телом вознесся на небо.

Иудеи же, которые Его убили и не захотели в Него уверовать, потому что Ему надлежало умереть и воскреснуть, разгромленные самым бедственным образом Римом, с корнем вырванные из своего царства, где над ними уже господствовали чужеземцы, и рассеянные по всему лицу земли (ибо они есть везде), служат для нас через свои

Писания свидетельством, что пророчество о Христе — это не наша выдумка. Весьма многие из них, вникая в смысл этих пророчеств, и прежде страдания, а особенно после воскресения Христа уверовали в Него; это те, о которых предсказано: “Ибо, хотя бы народа у тебя, Израиль, было столько, сколько песку морского, только остаток его обратится” (Ис. X, 22). Но прочие остаются ослепленными; о них предсказано: “Да будет трапеза их сетью им, и мирное пиршество их — западнею. Да помрачатся глаза их, чтоб им не видеть, и чресла их расслабь навсегда” (Пс. LXVIII, 23, 24).

Таким образом, в то время, как нашим писаниям иудеи не верят, на них исполняются их собственные, которые они читают слепыми глазами. Или, быть может, кто-нибудь скажет, что христиане выдумали те пророчества о Христе, которые выдаются от имени сивиллы или кого-нибудь другого, если есть действительно пророчества, не принадлежащие народу Израильскому? Но для нас достаточно и тех, какие содержатся в кодексах наших противников. Мы убеждены, что они и рассеяны среди всех народов, где только Христова Церковь распространяется, ради свидетельства об этих пророчествах, — свидетельства, которое они дают нам вопреки своей воле, имея и сохраняя те же самые кодексы. Ибо в псалмах, которые и они сами читают, предпослано относительно этого пророчество в словах: “Бог мой, милующий меня, предварит меня; Бог даст мне смотреть на врагов моих. Не умерщвляй их, чтобы не забыл народ мой; расточи их силою Твоею” (Пс. LVIII, 11, 12). Таким образом, Бог явил Церкви на врагах ее иудеях благодать Своего милосердия, потому что, как говорит апостол, их падение есть спасение язычников (Рим. XI, 11). И Он их не убивает, т. е. не теряет в них того, что они суть иудеи, хотя и побеждены и угнетены римлянами, с той именно целью, чтобы, не забывая закона Божия, они были свидетельством о том, о чем говорим мы. Поэтому мало было сказать: “Не умерщвляй их”; но еще и прибавлено: “Расточи их”, ибо если бы иудеи с этим свидетельством Писаний оставались только в своей земле, а не были рассеяны повсюду, Церковь, которая

распространена повсюду, не могла бы иметь их среди всех народов свидетелями тех пророчеств, которые были изречены о Христе.

Глава XLVII

В дополнение мы готовы упомянуть о всяком иноземце, т. е. не принадлежащем по своему происхождению к Израилю и в канон священных Писаний этим народом не принятом, у которого читается какое-либо пророчество о Христе, если весть о том дошла или дойдет до нашего сведения. Это не потому, что в случае отсутствия такого иноземца, в нем ощущалась бы необходимость, а потому, что нет никакой несообразности думать, что и в среде других народов были люди, которым было открыто это таинство и которые даже побуждены были проповедовать о нем — были или причастны той же самой благодати, или были чужды ей, но научены злыми ангелами, которые, как известно, исповедали Христа пришедшего, не познанного иудеями. И сами иудеи, полагаю, не осмелятся утверждать, что с того времени, как появилась отрасль Израиля по отвержении его старшего брата, никто кроме израильтян не имел доступа к Богу. Правда, народа, который назывался бы народом Божиим, другого не было никакого; но что и среди других народов были люди, принадлежавшие не к земному, а к небесному граду, к числу истинных израильтян, граждан горнего отечества, этого иудеи отрицать не могут. Если они станут отрицать это, их весьма легко обличить указанием на святого и удивительного мужа Иова, который не был ни туземцем, ни даже прозелитом, т. е. пришлецем Израильского народа, а происходил от народа Идумейского, в среде которого родился и умер; божественное Писание так восхваляет его, что становится ясно: ни один из его современников не был равен ему в том, что касалось праведности и благочестия (Иов. I; Иез. XIV, 20).

Хотя указаний на время его жизни мы в хрониках и не находим, но из его книги, которую израильтяне ради

его праведности включили в канон, заключаем, что он жил на три поколения позже Израиля. Я не сомневаюсь, что так было устроено божественным промыслом с той целью, чтобы мы знали, что и среди других народов могли быть люди, которые жили по Богу и угодили Ему, принадлежа к небесному Иерусалиму. А быть таким мог, как следует думать, лишь тот, кому от Бога открыт был единый Ходатай Бога и человеков Человек Христос Иисус, о будущем пришествии Которого во плоти древним святым предсказывалось так же, как возведено нам о совершившемся, чтобы одна и та же вера вела через Него всех предопределенных к Богу в град Божий, в дом Божий, в храм Божий. Но всякие пророчества о благодати Божией через Христа Иисуса, изреченные другими, могут считаться вымышленными христианами. Поэтому, чтобы убедить кого-либо из чужих, если бы они стали рассуждать об этом предмете, и сделать их нашими, буде они окажутся здравомыслящими, самое верное средство — это приводить те божественные пророчества о Христе, которые содержатся в кодексах иудеев, с удалением которых из их отечества и рассеяньем по всему миру ради свидетельства об этом возросла повсюду Церковь Христова.

Глава XLVIII

Этот дом Божий гораздо славнее, чем тот, первый, который был построен из дерева, камня и других драгоценных материалов и металлов. Таким образом, пророчество Аггея исполнилось не в восстановлении того храма. Ибо со времени своего возобновления храм тот никогда не имел такой славы, какую имел он во времена Соломона; напротив того, как оказывается, слава того храма, сперва вследствие прекращения пророчеств, а затем и вследствие великих бедствий самого народа, умалилась до окончательного его разрушения, что сделано было римлянами, как показывает это сказанное нами выше. Между тем этот, принадлежащий Новому завету дом Божий настолько во всех отношениях славнее, насколько лучше те живые

камни, верующие и возрожденные, из которых он создается. Под видом же восстановления того храма он изображается потому, что и само обновление этого здания на пророческом языке означает другой завет, называемый Новым.

Таким образом, в словах, которые Бог изрек в упомянутом пророчестве: “И на месте сем Я дам мир” (Агг. II, 9), под местом означающим нужно разуметь место означаемое; а так как тем возобновленным местом обозначается Церковь, которая должна была быть создана Христом, то слова: “И на месте сем Я дам мир” нужно понимать так: “Дам мир в том месте, которое этим местом означается”. Ибо все означающее представляется некоторым образом олицетворением тех предметов, которые оно обозначает, как, например, в словах апостола: “Камень же был Христос” (I Кор. X, 4); потому что камень тот, о котором это сказано, несомненно означал Христа. Итак, слава этого новозаветного дома более, чем слава дома прежнего, ветхозаветного, а явится она большею тогда, когда он будет освящен. Тогда “придет Желаемый всеми народами” (Агг. II, 8), как читается в еврейском (кодексе). Ибо до Своего пришествия Он еще не был желанным всеми народами: кого они должны были желать, они еще не знали, еще не веровали в Него. Тогда, по переводу Семидесяти (этот смысл их перевода тоже пророческий), “придут избранные” Господом “от всех народов”. Ибо тогда действительно придут только избранные, о которых говорит апостол: “Он избрал нас в Нем прежде создания мира” (Еф. I, 4). Ведь и сам Спаситель, сказав: “Много званых, а мало избранных” (Мф. XXII, 14), желал этим показать, что тот дом, который не будет уже бояться никакого разрушения, создается не из тех, которые, будучи призваны, чтут Его так, что бывают извергнутыми, а из избранных. В настоящее же время, когда в Церкви остаются еще и те, которых Он отделит, как бы провеяв на току, слава этого дома не является еще такою, какою она явится тогда, когда всякий, кто пребудет в нем, пребудет вечно.

Глава XLIX

Итак, в этом злобном веке, в эти несчастные дни, когда Церковь достигает будущего величия путем настоящего уничтожения и воспитывается побуждениями страхов, муками скорбей, тягостью подвигов, опасностью искушений, находя радость только в надежде, если радуется правильно, — к добрым примешиваются многие отверженные: те и другие соединяются как бы в евангельском неводе (Мф. XIII, 47) и плавают в настоящем мире, как в море, безразлично захваченные этими сетями, пока не достигнут берега, где злые отделятся от добрых, и в добрых, как в Своем храме, “будет Бог все во всем” (I Кор. XV, 28). Поэтому мы признаем исполнившимся ныне Его слово, которое изрек Он в псалмах: “О чудесах и помышлениях Твоих о нас... хотел бы я проповедывать и говорить: но они превышают число” (Пс. XXXIX, 6). Это и происходит с того времени, как сначала устами Своего предтечи, Иоанна, а потом и собственными Он возвестил, говоря: “Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное” (Мф. III, 2; IV, 17).

Он избрал в ученики, которых назвал апостолами (Лук. VI, 13), людей низкорожденных, незнатных, неученых, чтобы все, что только было в них и делалось ими великого, всем тем был и все это делал в них Он сам. В числе их Он имел одного, пользуясь злобой которого добрым образом и планы относительно Своих страданий исполнил, и Церкви Своей дал пример терпимости в отношении к злым. Посеяв семя святого Евангелия, насколько должен был сделать это Своим телесным присутствием, Он пострадал, умер, воскрес, показав страданием, что должны мы переносить за истину, а воскресением — на что должны мы надеяться в вечности, став причастными возвышенного таинства пролитой крови Его в отпущение грехов. Он сорок дней беседовал на земле со Своими учениками, на их глазах вознесся на небо и через десять дней послал обещанного Святого Духа. Когда Дух Святой сходил на верующих, совершилось величайшее и весьма уместное знамение: каждый из них начал говорить языками всех народов,

знаменуя, таким образом, единство католической Церкви, долженствующей распространиться среди всех народов и говорить на всех языках.

Глава L

После этого, согласно с пророчеством: “От Сиона выйдет закон, и слово Господне — из Иерусалима” (Ис. II, 3), и согласно с предсказаниями самого Господа Христа, когда Он Своим изумленным ученикам отверз “ум к разумению Писаний и сказал им: так написано и так надлежало пострадать Христу и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима” (Лук. XXIV, 45 — 47), и когда опять, на их вопрос о времени Его второго пришествия, Он сказал: “Не ваше дело знать времена и сроки, которые Отец положил в Своей власти; но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой, и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли” (Деян. I, 7, 8); — Церковь сперва вышла за пределы Иерусалима, когда явились весьма многие верующие в Иудее и Самарии, распространилась и среди других народов благодаря проповедникам Евангелия, которых, как светильники, Он подготовил словом и возжег Духом Святым. Он говорил им: “Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить” (Мф. X, 28). Чтобы не охладил их страх, они пламенели огнем любви. Потом, как через них же, которые и до страдания и по воскресении видели и слышали Его, так, после их смерти, и через их преемников Евангелие было проповедано всему миру среди жестоких преследований, различных мучений и избиений мучеников, подтверждаемое божественными знаменами, чудесами, различными силами и дарами Святого Духа; так что языческие народы, уверовав в Того, Кто был распят ради их искупления, стали почитать с христианской любовью кровь мучеников, которую с дьявольскою злобой пролили. Да и сами цари, законами коих опустошалась Церковь, спасительно покорились име-

ни, которое старались с ожесточением стереть с лица земли, и начали преследовать ложных богов, из-за которых прежде преследовались почитатели истинного Бога.

Глава LI

Но диавол, видя, что храмы демонов пустеют и человеческий род льнет к имени Освободителя и Посредника, воздвиг еретиков, которые, прикрываясь именем христиан, противодействуют христианскому учению; как будто бы в граде Божиим их могут терпеть спокойно, не принимая против них никаких мер, подобно тому, как град смещения терпит у себя философов, проповедующих различные и противоположные мнения! И вот те, которые в Церкви Христовой мыслят что-нибудь вредное и превратное, когда принятым к направлению их на здравый и правильный образ мыслей мерам упорно сопротивляются и не хотят исправить своих зловредных и пагубных учений, делаются еретиками и, выходя из Церкви, пополняют ряды дающих ей занятие врагов.

Таким образом, своим злом они приносят истинным членам Церкви Христовой даже пользу, потому что Бог и зло употребляет во благо и любящим Бога все содействует ко благу (Рим. VIII, 28). Ибо все враги Церкви, каким бы заблуждением и какою бы злобою они ни были ослеплены и развращены, если получают власть вредить ей телесно, упражняют ее терпение, а если являются ей противниками только по своему образу мыслей, упражняют ее мудрость; а так как и враги должны быть любимы, то дают упражнение и ее благорасположению, или даже благотворительности, действуют ли в отношении к ним убеждающим словом учения, или грозою дисциплины. Поэтому диавол, князь нечестивого града, выдвигая свои орудия против странствующего в настоящем мире града Божия, не в силах ничем ему повредить. Божественный промысел посылает этому граду и благоденствие в утешение, чтобы несчастья не сокрушили его, и несчастья в упражнение, чтобы благоденствие не испортило его; то и

другое уравновешивается взаимно так, что именно из этого града, а не откуда-либо еще, мы должны считать идущим известный возглас псалма: “При умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои услаждают душу мою” (Пс. ХСIII, 19). Отсюда же и слова апостола: “Утешайтесь надеждою; в скорби будьте терпеливы” (Рим. XII, 12).

Ибо и сказанное тем же учителем: “Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы” (II Тим. III, 12), может быть приложимо ко всяким временам. Потому что хотя известное время, когда внешние враги не свирепствуют, и кажется спокойным, и даже таковым и является на самом деле и доставляет великое утешение, особенно слабым; однако же и тогда есть, и даже очень много внутри таких, которые своими развращенными нравами терзают чувства людей, живущих благочестиво. Ибо через них хулятся и христианское католическое имя. А чем оно дороже для желающих благочестиво жить во Христе, тем более скорбят они о том, что по вине дурных домашних оно не настолько возлюблено, насколько того желают души благочестивых. Да и сами еретики, так как представляются имеющими имя, таинства Писания и исповедание христианские, причиняют великую скорбь сердцам благочестивых; потому что, с одной стороны, многие желающие быть христианами делаются по необходимости нерешительными ввиду их разномыслий, а с другой — многие злоречивые находят в них основание хулить христианское имя; ибо и они называются христианами.

При существовании этих и им подобных развращенных нравов и заблуждений, желающие жить благочестиво во Христе терпят гонения, хотя тела их и не подвергаются нападениям и мучениям. Гонения эти они претерпевают не на теле, а в сердце. Поэтому сказано: “При умножении скорбей моих в сердце моем”, а не “в теле моем”. Но с другой стороны, поелику обетования Божии мыслятся непреложными, и поелику апостол говорит: “Познал Господь Своих; ибо, кого Он предузнал, тем и предопределил (быть) подобными образу Сына Своего” (II Тим. II, 19; Рим. VIII, 29); и никто из них не может погибнуть: то

В псалме том говорится далее: “Утешения Твои услаждают душу мою”. Да и сама эта скорбь, являющаяся в сердцах людей благочестивых, стесняющихся нравами христиан злых или ложных, приносит пользу скорбящим; потому что источником ее служит любовь, в силу которой они не хотят ни того, чтобы те сами погибли, ни того, чтобы мешали спасению других. Наконец, великим утешением служит и их исправление, которое переполняет души благочестивых людей столь же великой радостью, сколь великими скорбями огорчала их гибель. Так в этом веке, в эти злополучные дни, не только со времени телесного присутствия Христа и Его апостолов, но с самого Авеля, первого праведника, убитого нечестивым братом, и до самого конца настоящего века Церковь распространяется, совершая свое странствование среди гонений от мира и утешений от Бога.

Глава III

Поэтому я не считаю правильным говорить или верить, как это казалось или кажется некоторым, будто Церковь до времени антихриста не будет испытывать больше гонений, кроме того числа их, т. е. десяти, какие уже испытывала, так что одиннадцатым и последним будет якобы гонение от антихриста. Ибо первым гонением считают то, которое было от Нерона, второе — от Домициана, третье — от Траяна, четвертое — от Антонина, пятое — от Севера, шестое — от Максимиана, седьмое — от Декия, восьмое — от Валериана, девятое — от Аврелиана, десятое — от Диоклетиана и Максимилиана. Так как египетских казней, прежде чем народ Божий начал выходить из Египта, было десять, то полагают, что их нужно разуместь в том смысле, что последнее гонение антихриста будет соответствовать одиннадцатой казни, когда египтяне, враждебно гнавшиеся за евреями, погибли в Красном море, между тем как народ Божий переходил через него посуху. Но я не думаю, чтобы те события в Египте пророчески прообразовывали гонения; хотя думающие так с кажущейся

тонкостью и остроумием сопоставляют каждую казнь с каждым из гонений, но не по пророческому Духу, а по догадке человеческого ума, который иногда доходит до истины, но нередко и обманывается.

В самом деле, что скажут думающие так о том гонении, во время которого распят был сам Господь? В какое число его включают? Или же они полагают, что это следует исключить; потому что нужно-де считать те, которые относятся к телу, а не то, которое было направлено против самой Главы, когда была убита эта Глава? А что они скажут о том гонении, которое после вознесения Христа на небо производилось в Иерусалиме, когда блаженный Стефан был побит камнями; когда Иаков, брат Иоанна, был усечен мечом; когда апостол Петр был осужден на казнь и заключен в темницу, откуда его освободил ангел; когда братья бежали из Иерусалима; когда Савл, сделавшийся впоследствии апостолом Павлом, опустошал Церковь; когда и сам он, уже проповедуя ту самую веру, которую гнал, претерпел то, что делал сам, и в Иудее, и среди других народов, где с пламенной ревностью проповедал Христа? Почему же они думают, что следует начинать с Нерона, когда ко времени Нерона Церковь возросла среди жесточайших гонений, о которых говорить подробно было бы слишком долго? Если же полагают, что нужно принимать в расчет гонения, произведенные царями, то ведь Ирод, который после вознесения Господа на небо воздвиг самое жестокое гонение, был также царем.

Затем, что ответят они нам об Юлиане, которого также не причисляют к десяти? Разве он не гнал Церковь, — он, запретивший христианам учить и учиться свободным наукам? При нем Валентиан старший, бывший после него третьим императором, явился исповедником христианской веры и лишен был за это военной должности. Умолчу о том, что сделал бы он в Антиохии, если бы один вернейший и мужественнейший юноша, который из числа многих, схваченных для пыток, был первым в продолжении целого дня подвергнут истязаниям, певший псалмы под орудиями пыток и в страданиях, не привел его в ужас своею изумительной твердостью и спокойствием и не возбудил

в нем страха, что остальные заставят его оказаться в еще более постыдном положении. Наконец, на нашей уже памяти брат вышеупомянутого Валентиана, арианин Валент, разве не произвел опустошения в католической Церкви жестоким гонением в восточных странах?

Далее, разумно ли не принимать в соображение того обстоятельства, что Церковь, повсюду плодоносящая и возрастающая, может у некоторых народов терпеть от царей гонения, когда у других народов не терпит? Или, быть может, не следует считать гонением то, что царь готов преследовал в Готии христиан с удивительной жестокостью в то время, когда там были одни православные, из которых весьма многие увенчались мученичеством, как об этом мы слышали от некоторых из братьев, которые тогда были еще детьми и отчетливо вспоминали, что сами видели это? А недавно в Персии? Разве не свирепствовало там на христиан гонение (если оно не продолжается и сейчас) в такой степени, что некоторые, бежавшие оттуда, прибыли даже в римские города? Размышляя об этих и им подобных обстоятельствах, я думаю, что не следует ограничивать известным числом гонения, которыми должна испытываться Церковь. Но с другой стороны, не менее безрассудно и утверждать, что будут и еще от царей какие-нибудь гонения, кроме того последнего, относительно которого не сомневается ни один христианин. Поэтому оставим вопрос открытым и только заметим, что утверждать что-либо одно из двух было бы делом смелым и даже дерзким.

Глава LIII

Упомянутое последнее гонение, которое имеет быть от антихриста, прекратит Своим явлением сам Иисус. Ибо написано, что Он “убьет (беззаконника) духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего” (II Фес. II, 8). Часто спрашивают: “Когда это будет?” Вопрос совершенно неуместный! Если бы нам нужно было знать об этом, то кому лучше, как не Самому учителю Богу, сообщить об этом вопрошавшим Его ученикам? А они не молчали тогда

пред Ним, но спрашивали Его, говоря: “Не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю? Он же сказал им: не ваше дело знать времена и сроки, которые Отец положил в Своей власти” (Деян. I, 6, 7). Не о часе, конечно, или дне, или годе, а о времени спрашивали они, когда получили этот ответ. Таким образом, мы напрасно стали бы рассчитывать и определять годы, которые остаются еще настоящему веку, коль скоро из уст Истины слышим, что знать это — не наше дело. Некоторые, впрочем, говорили, что от вознесения Господа до Его последнего пришествия может пройти четыреста, другие — пятьсот, иные даже и тысяча лет. А на чем каждый из них обосновывает свое мнение, выяснять и долго, и нет необходимости. Они руководствуются человеческими догадками, а не указывают что-либо несомненное из авторитета канонического Писания. Всем им, гадающим на пальцах, развязывает пальцы и велит успокоиться Тот, Кто говорит: “Не ваше дело знать времена и сроки, которые Отец положил в Своей власти”.

Но поелику это изречение евангельское, то нет ничего удивительного в том, что оно не воспрепятствовало почитателям многих и ложных богов измыслить на основании ответов демонов, которых они считают богами, будто определено то время, в продолжении которого будет существовать христианская религия. Ибо когда они увидели, что не могут уничтожить ее столькими и такими гонениями, а напротив, в них-то она по преимуществу и достигает удивительного возрастания, то выдумали невесть какие греческие стихи, якобы свыше изреченные кому-то из спрашивавших оракула; в этих стихах они представляют Христа неповинным в преступлении этого якобы святотатства, но прибавляют, что Петр при помощи волхвований устроил так, чтобы в продолжении трехсот шестидесяти пяти лет почиталось имя Христа, но затем, по исполнении этого числа лет, это почитание немедленно прекратится.

О, смысл людей ученых! О, просвещенные умы, способные верить о Христе таким вещам, которых вы не хотите видеть в самом Христе, — будто ученик Его Петр не научился у Него магическому искусству, а при Его

невинности был, однако же, Его чародеем и захотел, чтобы имя учителя почиталось больше, чем его собственное, благодаря его магическому искусству, его великим трудам, его опасностям и, наконец, его пролитой крови! Если Петр-чародей сделал так, чтобы мир возлюбил Христа, то что же сделал невинный Христос, чтобы так возлюбил Его Петр? Пусть они сами себе ответят на это вопрос и пусть, если могут, поймут, что то было делом сверхъестественной благодати, что мир возлюбил Христа ради приобретения от Него вечной жизни, и возлюбил даже до принятия за Него временной смерти. Да и что же это за боги, которые могут предсказывать подобные вещи, но не могут их устранять, подчинившись одному чародею и одному магическому злодеянию, при совершении которого, как рассказывают, однопольный мальчик был убит, растерзан на части и погребен по непотребному обряду, — подчинившись до такой степени, что позволили в течение столь продолжительного времени распространяться враждебной им секте, преодолеть ей не упорством, а терпением ужасные жестокости многочисленных гонений и ниспровергнуть их идола, храмы, культ и оракулов? Наконец, что это за бог, — не наш, конечно, а их, — который прельстился таким злодеянием или вынужден был покровительствовать таким вещам? Ведь по сказанию тех стихов, Петр магическим искусством предназначал все это не какому-нибудь демону, а Богу. Такого бога имеют они, каким не представляют Христа.

Глава LIV

Я мог бы привести много и другого подобного, если бы не прошел уже тот самый год, который определило придуманное гадание и которому поверила обманутая суетность. Но поелику с того времени, как почитание имени Христа установилось через присутствие Его во плоти и через Его апостолов, уже несколько лет тому назад исполнилось триста шестьдесят пять лет; то зачем нам искать других данных для доказательства лживости этого? Не

станем полагать начало христианской религии с рождения Христова, потому что, будучи младенцем и отроком, Он не имел учеников; хотя когда Он начал иметь их, тогда, без всякого сомнения, сделались через Его плотское присутствие известными учение и христианская религия, т. е. после того, как Он крестился от Иоанна в реке Иордан. По этой причине о Нем и было пророчество: “Он будет обладать от моря до моря и от реки до концов земли” (Пс. LXXI, 8). Но так как прежде Его страдания и воскресения вера не была еще предназначенною для всех, так как предназначение это получила в воскресение Христа (ибо именно так говорит апостол Павел афинянам: “Оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться; ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых” (Деян. XVII, 30, 31)): то воскресение Христа лучше всего взять за исходный пункт в решении этого вопроса, особенно потому, что тогда же дарован был и Дух Святой, как и надлежало Ему по воскресении Христа быть данным в том граде, от которого долженствовал начаться второй закон, т. е. Новый завет. Ибо первый закон, называемый Ветхим заветом, был дан с горы Синай через Моисея. О том же, которому надлежало быть данным через Христа, предсказано: “От Сиона выйдет закон, и слово Господне — из Иерусалима” (Ис. II, 3). Поэтому и Сам Он сказал, что покаяние должно быть проповедано всем народам, начиная от Иерусалима (Лук. XXIV, 47).

Итак, в Иерусалиме началось почитание этого имени, состоящее в вере в распятого и воскресшего Христа Иисуса. Там вспыхнула эта вера таким горячим пламенем, что несколько тысяч людей, обратившихся с удивительной живостью к имени Христа, распродав свои имущества для раздачи бедным, приняли, движимые святой решимостью и пламеннейшей любовью, добровольную бедность и приготовились среди свирепствующих и жаждущих крови иудеев бороться за истину до смерти, но не вооруженною силой, а препобеждающим терпением. Если все это совершилось без всякого магического искусства, то почему

не хотят верить, что и во всем мире могло это совершиться тою же божественною силой, какую совершилось здесь? Если же обращение к почитанию имени Христа в Иерусалиме такого множества людей после того, как еще большее множество или пригвоздило Его к кресту, когда Он был схвачен, или смеялось над Ним, когда Он был пригвожден, было действием волхвования Петра, то с этого самого года и нужно начинать отсчет тех пресловутых трехсот шестидесяти пяти лет.

Христос умер в консульство двух Геминов, в восьмой день апрельских календ. Воскрес же Он на третий день, как удостоверяют свидетельством самих своих чувств апостолы. Потом, спустя сорок дней, вознесся на небо, а через десять дней, т. е. на пятидесятый день после Своего воскресения, ниспослал Святого Духа. Тогда, вследствие проповеди апостолов, уверовало три тысячи человек. Итак, именно тогда-то и началось почитание Его имени, как мы веруем и как свидетельствует истина, действующею силой Святого Духа, а по измышлению или мнению нечестивой суетности — магическим искусством Петра. Немного после, вследствие совершившегося чуда, — когда один нищий, от чрева матери бывший до такой степени хромым, что его носили другие и полагали при дверях храма, где он просил милостыню, по слову Петра получил исцеление во имя Иисуса Христа, — уверовали пять тысяч человек; и затем Церковь начала возрастать вследствие новых и новых приливов верующих. Таким образом, определяется даже и сам день, с которого начинается тот год: это день, когда послан был Дух Святой, т. е. майские иды. Пересчитывая последующие консульства, мы найдем, что триста шестьдесят пять лет исполнились в те же майские иды в консульство Гонория и Евтихиана.

Что могло происходить в следующий за тем год в консульство Манлия Феодора в других странах, когда по смыслу того оракула демонов или выдумки людей христианская религия уже не должна была существовать, нам не было нужды выяснять. Но нам известно, например, что в знаменитейшем и главном африканском городе Карфагене комиты императора Гонория, Гауценций и Ио-

ий, в четырнадцатый день апрельских календ разрушили драмы богов и сокрушили идолов. Кто не видит, насколько с того времени и доселе, т. е. почти в продолжении тридцати лет, возросло почитание имени Христа, в особенности после того, как христианами сделались многие из тех, которые потеряли доверие к упомянутому прорицанию и нашли его, когда исполнилось то число лет, пустым и заслуживающим осмеяния? Итак, мы, будучи и называясь христианами, веруем не в Петра, но в Того, в Кого веровал и Петр; мы назидаемся проповедью Петра о Христе, а не очарованы его волшебствами; не колдовством его прельщены, а укреплены его благодеяниями. Тот самый Христос, наставник Петра в учении, ведущем к вечной жизни, есть и наш наставник.

Но закончим, наконец, настоящую книгу, в которой мы доселе рассуждали и, как нам кажется, достаточно ясно показали, каков смертный исход двух градусов, небесного и земного, с начала и до конца перемешанных между собою. Из них земной град творил себе, каких хотел, ложных богов или из чего ни попадя, или даже из людей, и этим богам служил жертвоприношениями; а небесный, но странствующий на земле град не создавал ложных богов, но сам был создан истинным Богом, истинным жертвоприношением Которому сам же и служил. Оба они, однако же, при различной вере, надежде и любви или пользуются одинаковым временным благополучием, или одинаково удручаются временными несчастьями, пока не будут отделены один от другого на последнем суде и каждый не получит свой конец, которому не будет конца. К рассуждению об этих концах того и другого града мы сейчас и перейдем.

КНИГА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Глава I

Мне предстоит теперь говорить о должных концах обоих градов — земного и небесного. Но сперва, насколько это необходимо для завершения настоящего сочинения, я считаю необходимым изложить те аргументы смертных, которыми они старались в несчастьях этой жизни создать сами для себя блаженство, чтобы на основании не только божественного авторитета, но и соображений разума, какие мы можем прибавить к нему ради неверных, уяснить отличие от их пустых мечтаний нашей надежды, которую дал нам Бог, и самого исполнения ее, т. е. истинного блаженства, которое Бог даст. Ибо о конце благ и зол философы много и на разный манер судили между собою; с величайшим усилием разбирая этот вопрос, они старались открыть, что делает человека блаженным. Конец нашего блага есть то, ради чего должно быть желательно все остальное, само же оно желательно ради его самого; а конец зла — то, ради чего следует избегать прочего, само же оно должно быть избегаемо ради его самого. Поэтому концом блага мы называем в настоящее время не то, чем благо оканчивается, чтобы прекратить свое существование, а то, чем оно доводится до совершенства, чтобы сделаться полным; концом же зла не то, когда оно перестает существовать, а то, к чему оно своим вредом приводит.

Итак, концы эти суть высочайшее благо и высочайшее зло. Над открытием их и достижением в настоящей жизни высочайшего блага и избежанием высочайшего зла, как я сказал, много трудились те, которые в суетности этого века поставили задачей своей жизни изучение мудрости. Заблуждались они различным образом. Тем не менее, положенный самою природой предел не дозволил им настолько уклониться от пути истины, чтобы одни из них не полагали конца благ и зол в душе, другие — в теле, иные же в том и другом месте. В этом тройственном и как бы общем делении сект, подвергнув вопрос внима-

тельному и строгому исследованию, Марк Варрон в книге о философии усмотрел такое различие учений, что весьма легко довел число сект до двухсот восьмидесяти восьми, — не таких (сект), которые непременно были, но таких, которые могли бы быть при добавлении некоторых различий. Чтобы показать это кратко, я должен начать с того, на что обратил внимание он сам и что изложил в упомянутой книге.

Есть четыре вещи, к которым люди стремятся как бы по природе, без учителя, без всякого с чьей-либо стороны наставления, без рачительности или искусства жить, которое называется добродетелью и которому, несомненно, учатся, а именно: похоть (*voluptas*), которая приятно возбуждает телесное чувство; покой в такой мере, чтобы кто-нибудь не испытывал никакого неприятного телесного ощущения; или то и другое вместе (Эпикур называет их одним именем похоти); или начала природы (*prima naturae*), к которым относится как указанное, так и другое, в теле ли то, как, например, свежесть членов, здоровье и неповрежденность, или в душе, каково все, малое или великое, обнаруживающееся в людях в качестве врожденных свойств. Эти четыре, т. е. похоть, покой, то и другое вместе и начала природы, существуют в нас так, что или к добродетели, которую впоследствии внушает наука, следует стремиться ради них, или к ним ради добродетели, или к тем и этой вместе ради них самих. Отсюда возникает двенадцать сект, так как каждая из них таким образом распадается на три. Когда я покажу это на одной, нетрудно будет открыть то же самое и в остальных.

Итак, когда телесная похоть или подчиняется телесной добродетели, или получает над нею преимущество, или уравнивается в значении, она дает три различия сект. Подчиняется она добродетели, когда употребляется на нужды добродетели. К обязанностям добродетели относится, например, жить для отечества и рожать сыновей; ни то, ни другое не может быть без телесной похоти. Без нее не принимаются пища и питье, чтобы жить; без нее не бывает и совокупления для распространения рода. Когда же она ставится выше добродетели, то бывает желательна

ради себя самой, а добродетель считается заслуживающей усвоения ради нее, т. е. последняя служит лишь к тому, чтобы удовлетворять и сохранять телесную похоть. Уродлива, конечно, такая жизнь, так как добродетель при этом является рабою госпожи-похоти; да и не может добродетель никоим образом называться при этом добродетелью; тем не менее, и это отвратительное безобразие имело некоторых философов своими покровителями и защитниками. Похоть, далее, ставится рядом с добродетелью, когда ни одна из них не бывает желательна ради другой, а обе бывают желательны ради них же самих. Соответственно этому, как похоть, смотря по тому, подчиняется ли она добродетели, или получает над нею преимущество, или уравнивается в значении, дает образование трем сектам, так и покой, так и то и другое вместе, и начала природы представляются образующими по три других секты. Ибо при наличии в складе человеческих мыслей они иногда подчиняются добродетели, иногда ставятся выше ее, иногда приравниваются ей, и таким образом число сект доводится до двенадцати.

Но число это удваивается, коль скоро прибавляется одно различие, заимствованное из социальной жизни, потому что избирая ту или другую из указанных двенадцати сект, каждый делает это или исключительно ради себя самого, или ради и члена общества, которому он должен желать того же, что и себе самому. Вследствие этого является двенадцать таких, которые полагают, что следует держаться одного какого-нибудь образа мыслей, имея в виду только себя самих, и двенадцать таких, которые останавливаются на том или другом роде философствования, имея в виду не только себя, но и других, которым желают тех же благ, что и себе.

В свою очередь, и эти двадцать четыре секты удваиваются и образуют сорок восемь, коль скоро прибавляется различие, вносимое новыми академиками. Ибо всякую из этих двадцати четырех сект один может содержать и защищать как несомненно верную, подобно тому, как стойки защищали учение, что благо человека, делающее его блаженным, состоит единственно в душевной добро-

детели; а другой может отстаивать как не очевидно известную, подобно тому, как новые академики защищали то, что им хотя и не было очевидно известно, однако же казалось истинopodobным. Итак, двадцать четыре секты образуются из тех, которые считают обязательным для себя следовать им как несомненно верным в силу (признанной ими) истины, а другие двадцать четыре — из тех, которые считают их для себя обязательными, хотя они и не очевидно известны, в силу подобия истине.

Затем, поскольку каждой из этих сорока восьми сект один может следовать, держась обычаев прочих философов, а другой — киников, то от этой новой особенности секты также удваиваются и получается их всего девяносто шесть. Наконец, следуя какой-нибудь одной из указанных сект, люди могут избирать для себя или жизнь, свободную от житейских дел, какую хотели и в состоянии были вести те, которые посвящали свое время только ученым занятиям; или жизнь деятельную, какую вели те, которые, хотя и занимались философией, тем не менее принимали самое горячее участие в государственном управлении и в ведении человеческих дел; или, наконец, жизнь, образованную из того и другого ее родов, какую проводили те, которые распределяли свое время попеременно между спокойным занятием наукой и необходимою деятельностью: эти отличия утраивают упомянутое число сект и доводят его до двухсот восьмидесяти восьми.

Это я изложил, насколько мог кратко и ясно, из книги Варрона, передавая его мысли своими словами. А как он, отвергнув остальные секты, избирает одну, а именно — древних академиков, которые, получив начало от Платона, вплоть до Полемона, который после Платона четвертым заведовал школой, носившей название Академии, имели по его представлению действительные убеждения; как он отличает их в этом отношении от академиков новых, для которых ничего не кажется достоверным, и род философии которых он начинает от Архезилая, преемника Полемона; и как он полагает, что эта секта, т. е. древние академики, далека как от колебаний, так и от всякого

рода ошибок, — передавать это во всех подробностях было бы слишком долго. Но и умолчать об этом нельзя.

Итак, он устраняет сперва все те различия, которые размножают число сект; устранить их он считает нужным потому, что не в них конец блага. Он полагает, что не следует считать отдельно существующей такую философскую секту, которая отличается от остальных не тем, что иначе учит о конце благ и зол. Ведь если единственным побуждением для человека философствовать служит достижение блаженства, а то, что делает блаженным, есть именно конец блага; и следовательно, нет другой материи для философствования, кроме конца блага; то секта, не имеющая своим предметом известный конец блага, не должна и называться философскою сектой. Поэтому, когда стоит вопрос о социальной жизни: должен ли мудрый относиться к ней так, чтобы высочайшего блага, которое делает человека блаженным, желать и добиваться столько же для своего друга, сколько и для себя самого, или то, что делает, делать только для собственного блаженства, — то вопрос здесь ставится не о самом высочайшем благе, а о принятии или непринятии к участию в нем союзника, причем не ради принимающего, а ради того же союзника, чтобы радоваться его благам так же, как своим собственным. Точно так же, когда ставится вопрос о новых академиках, сомневающихся во всем: так ли смотреть на вещи, составляющие предмет философии, как смотрят они, или мы должны считать их достоверными, как полагают другие философы, — вопрос ставится не о том, к чему следует стремиться, как к концу блага, а о том, следует или не следует сомневаться в действительности самого блага, составляющего предмет стремления, то есть, говоря яснее, следует ли стремиться к нему так, чтобы стремящийся считал его истинным, или так, чтобы стремящийся считал его кажущимся ему истинным, хотя бы оно могло быть и ложным; в том и другом случае предмет стремления будет одно и то же благо. Да и в том различии, которое привносится от образа жизни и обычаев киников, не ставится вопрос о том, в чем конец блага, а о том, следует ли этого образа жизни и обычаев держаться тому,

кто стремится к истинному благу, чтобы он ни избирал и к чему бы ни стремился как к истинному благу. И в самом деле, были люди, которые, хотя и принимали за конечные для себя блага различные предметы: одни добродетель, другие похоть, — однако держались одного и того же образа жизни и обычаев, по которым носили название киников. Таким образом то, что единственно отличает философов-киников от остальных, вовсе не имеет значения при выборе и достижении блага, которое делало бы их блаженными. Имей оно при этом какое-нибудь значение, образ жизни, без всякого сомнения, невольно приводил бы к известному концу, а иной образ жизни не позволял бы достигать этого конца.

Глава II

И относительно упомянутых выше трех родов жизни: одного не бездеятельного в строгом смысле (слова), а посвященного созерцанию или изысканию истины; другого деятельного, посвященного ведению дел человеческих; и третьего, образованного из того и другого родов, — и относительно этого, когда ставится вопрос, что из этого предпочтительней, спора о конце блага не бывает, а все сводится к тому, что из этих трех затрудняет или облегчает достижение конца блага. Ибо конец блага, коль скоро кто-либо достигает его, сразу же делает человека блаженным. В ученом же досуге, равно как и в публичной деятельности или в чередовании того и другой, никто сразу не становится блаженным. Многие могут вести тот или другой из указанных трех родов жизни, и в то же время заблуждаться в стремлении к конечному благу, делающему человека блаженным.

Итак, одно дело вопрос о конце благ и конце зол, дающий начало отдельным философским сектам, и совсем другое — вопросы об общественной жизни, о сомнениях академиков, об одежде и образе жизни киников, о трех родах жизни — созерцательном, деятельном и образованном из того и другого; ни в одном из этих последних

не идет речь о конце благ и зол. А так как Марк Варрон путем прибавления этих четырех различий, т. е. заимствованных из общественной жизни, от новых академиков, от киников и от указанных трех родов жизни, довел число сект до двухсот восьмидесяти восьми, то (хотя подобным же образом можно было бы прибавить к ним и еще какие-либо другие) устранив их все, как не относящиеся к вопросу об искомом высочайшем благе и потому не представляющие из себя сект и не могущие носить названия последних, Варрон возвращается к тем двенадцати, которые ставят вопрос о том, что такое благо человека, с достижением которого он делается блаженным, чтобы из числа их указать одну истинную, а прочие отнести к ложным.

Действительно, с устранением известного троякого рода жизни, число сект уменьшается на две трети и их остается девяносто шесть. С устранением же различия, заимствованного от киников, число уменьшается еще наполовину и остается сорок восемь. Отбросим затем добавленное от новых академиков, еще раз получится в остатке половина, т. е. двадцать четыре. Подобным же образом отбрасывается различие, привносимое из социальной жизни, и остается двенадцать сект, которые тем отличием удваивались, обращаясь в двадцать четыре. Относительно этих двенадцати уже нельзя ничего сказать, почему бы не следовало считать их сектами. В них, действительно, вопрос идет ни о чем другом, как о конце благ и зол. Раз конечные блага найдены, противоположное им само собою представляет конец зол.

Но чтобы образовались эти двенадцать сект, были угроены известные четыре: похоть, покой, то и другое вместе и начала природы, которые Варрон называет первородным (primigenia)*. Ибо когда эти четыре вещи, каждая отдельно, то подчиняются добродетели, так что представляются желательными не ради самих себя, а для служения добродетели; то предпочитают ей, так что добродетель считается необходимой не ради нее самой, а

* Cic., lib. II. de Finibus.

для достижения и сохранения тех; то уравниваются, так что и добродетель и они полагаются одинаково желательными ради них самих; — они утраивают свое четверное число и доходят до двенадцати сект. Но из четырех этих вещей Варрон устраняет три, а именно: похоть, покой и совместно то и другое не потому, чтобы не одобрял их, а потому, что первородное природы совмещает в себе и похоть, и покой. Зачем, в самом деле, из этих двух делать какие-то три (разумею две, когда предмет стремления называются отдельно похоть или покой, и третью — когда то и другое вместе), если начала природы содержат в себе кроме этого и многое другое? Итак, Варрон решил подвергнуть тщательному исследованию три секты, чтобы определить, какая из них должна считаться более предпочтительной. Ибо истинный разум допускает существование только одной истинной, находится ли она в числе этих трех, или где-либо помимо их, как это увидим после. Покажем теперь с возможной краткостью и ясностью, как Варрон из этих трех сект выбирает одну. Припомним, что эти три секты образуются когда или начала природы бывают предметом стремления ради добродетели, или добродетель ради начал природы, или то и другое, т. е. добродетель и начала природы, ради них самих.

Глава III

Итак, что из этих трех истинно и должно быть обращено в правило жизни, Варрон старается доказать следующим образом. Во-первых, поскольку в философии предмет исследования составляет высочайшее благо не дерева или животного, и не Божие, а человеческое, то он полагает, что следует определить, что такое сам человек. В природе человека он различает нечто двойственное, тело и душу, и из этих двух не сомневается признать во всех отношениях лучшей и превосходнейшей душу; но ставит вопрос: одна ли душа составляет человека, так что тело служит ей как конь всаднику? Всадника ведь составляет не человек и конь, а один человек; хотя потому человек и называется

садником, что имеет известное отношение к коню. Или человека составляет одно тело, имеющее известное отношение к душе, как стакан к напитку: ибо не сосуд и вместе с ним напиток, который содержится в сосуде, называется стаканом, но только один сосуд; хотя он и называется так потому, что приспособлен к содержанию напитка. Или же человека образует и не одна душа, и не одно тело, а то и другое вместе, так что одна душа или одно тело составляют только его часть, сам же он весь, чтобы быть человеком, состоит из той и другого; подобно тому, как двух запряженных вместе коней мы называем парюю, из которых как правый, так и левый составляют часть пары, но парой из них мы называем не одного, в каком бы отношении к другому он ни находился, а обоих вместе.

Из этих трех Варрон избирает последнее, третье, и полагает, что человека составляет не одна душа и не одно тело, а то и другое вместе. Поэтому он утверждает, что и высочайшее благо человека, делающее его блаженным, состоит из благ того и другого, т. е. души и тела. А потому думает, что начала природы должны быть желательны ради самих себя, так же как и добродетель, которую придает наука в качестве искусства жизни, но которая из благ душевных представляет собою превосходнейшее благо. Ибо добродетель эта, т. е. искусство жить, приняв начала природы, бывшие без нее и существовавшие и тогда, когда науки при них еще не было, обращает в предмет своего стремления как их, так и саму себя; всеми ими и собою она пользуется вместе так, что всех любит и во всех находит удовольствие, большее или меньшее, смотря по сравнительно большему или меньшему значению каждого; но находя удовольствие во всех, порою меньшим по значению, если того требует необходимость, пренебрегает ради достижения большего. Ни одного, однако же, из всех возможных душевных и телесных благ добродетель не предпочитает самой себе. Она пользуется надлежащим образом и собою, и остальными благами, делающими человека блаженным. Но где ее нет, там хотя бы и было много благ, но блага эти не во благо тому,

чи они; а потому и не должны называться благами того, кому по худому употреблению их они не могут приносить пользы.

Итак, та человеческая жизнь, которая наслаждается добродетелью и другими душевными и телесными благами, без которых добродетель существовать не может, называется блаженной; если наслаждается и другими, несколькими или многими, без которых добродетель существовать может, — она еще блаженнее; а если совершенно всеми, так что решительно нет недостатка ни в одном из благ как душевных, так и телесных, — она блаженнейшая. Ибо жизнь не то, что добродетель, а только жизнь мудрая; и однако же какая-нибудь жизнь может быть безо всякой добродетели, добродетель же без какой-нибудь жизни быть не может. То же я могу сказать и о памяти, и о разуме, и о многом другом подобном. Хотя они существуют и до науки, но без них не может быть никакой науки; следовательно, (не может быть) и добродетели, которая во всяком случае изучается. Но быстро бегать, быть красивым телом, иметь большие физические силы и т. п. — это такие качества, что добродетель может существовать без них, так же как и они без добродетели; тем не менее и они — блага; и после тех (которые упомянуты выше) добродетель ради себя же самой любит и эти, пользуется ими и находит в них удовольствие, как это прилично добродетели!

Прибавляют, что эта блаженная жизнь есть также и общественная, потому что (живущий такой жизнью) блага друзей ради самих же этих благ любит так же, как и собственные, а друзьям ради них же желает того же, что и себе, находятся ли они в его же доме, как супруга, дети или кто-либо из домашних; или в том месте, где дом, например, в городе, каковы все так называемые сограждане; или во всей империи, как разные племена, соединенные с ним человеческим союзом; или в мире вообще, под которым разумеются небо и земля, как те, кого они называют богами и представляют друзьями человека мудрого, те, кого мы точнее называем ангелами. При этом отрицают всякое сомнение относительно конца

Благ и зол и утверждают, что именно в этом и заключается различие между ними и новыми академиками, и что они не придают никакого значения тому, философствует ли кто в этом направлении, признаваемом ими за истинное, придерживаясь обычаев и образа жизни киников или каких-либо других (философов). Наконец, *из трех вышеупомянутых родов жизни: чуждого деятельности, деятельного и образующегося из того и другого, они высказывают предпочтение третьему. Так думали и учили древние академики: Варрон утверждает это со слов Антиоха, бывшего учителем Цицерона и его, хотя Цицерон представляет Антиоха скорее стойком, чем древним академиком. Но что до этого нам, для которых гораздо важнее рассмотреть само дело, чем знать, кто и чему придавал особое значение относительно людей.

Глава IV

Если бы спросили нас, что на каждый из рассматриваемых вопросов ответит град Божий, и прежде всего — что думает он о конце благ и зол, то он ответит, что высочайшее благо есть вечная жизнь, а величайшее зло — вечная смерть; для приобретения первой и избежания последней нам следует жить праведно. Поэтому написано: “Праведный верою жив будет” (Аввак. II, 4; Рим. I, 17; Гал. III, 12; Евр. X, 38). Так как блага своего мы еще не видели, то и нужно, чтобы искали его верой; да и сама праведная жизнь для нас не по нашим силам, если по нашей вере и молитвам не поможет нам Тот, Кто дал нам саму веру, в силу которой мы веруем, что Он должен нам помочь. Те же, которые думали, что конец благ и зол лежит в настоящей жизни, полагая высочайшее благо или в теле, или в душе, или в том и другой вместе, а говоря честнее: или в похоти, или в добродетели, или в той и другой вместе; или в покое, или в добродетели, или в том и другой вместе; или совместно в похоти, в покое и в добродетели; или в началах природы, в добродетели и вместе в тех и другой, — те по удивительному

пустомыслию хотели быть блаженными здесь и сами собою. Смеется над ними истина через пророка, который говорит: “Господь знает мысли человеческие, что они суетны” (Пс. ХСIII, 11), или как привел это свидетельство апостол Павел: “Господь знает умствования мудрецов, что они суетны” (I Кор. III, 20).

Ибо кто в состоянии, каким бы даром красноречия он ни обладал, изобразить несчастья настоящей жизни? Плакал ее Цицерон в утешении по случаю смерти дочери, — оплакивал, как мог; но как велико было то, что он мог? Эти так называемые начала природы: когда, где и каким образом могут сохраняться они в этой жизни столь хорошо, чтобы не подвергаться влиянию непредвиденных случайностей? Какое страдание, противоположное похотливому наслаждению, какое беспокойство, противоположное покою, не может обрушиться на тело мудрого? Отнятие или увечье человеческих членов уничтожает их целостность, уродство — их красоту, болезнь — здоровье, изнурение — силы, вялость или оцепенение — подвижность; что из всего этого не может случиться с телом мудрого? Прямое положение и движение тела, как приличные и соответствующие, считаются в числе начал природы; но что, если какая-нибудь болезнь приведет члены в состояние дрожи? Что, если спинной хребет согнется до того, что руки опустятся до земли, обратив человека некоторым образом в четвероногое животное? Не извратит ли это совершенно положение и движение тела и его красоту? А первородное самой души, так называемые блага ее, между которыми, имея в виду понимание и восприятие истины, прежде всех полагают чувство, если, умалчивая о другом, человек сделался глухим и слепым? А куда девается, где засыпает разум и рассудок, если от какой-нибудь болезни человек впадает в безумие? Когда сумасшедшие говорят или делают множество глупостей, очень часто чуждых и даже противоположных своим добрым намерениям и нравам, мы, слыша о том или видя, едва удерживаемся или даже вовсе не можем удержаться от слез, если серьезно над этим задумаемся. А что скажу я о тех, которые подвергаются нападениям демонов? Где

у них скрыт или зарыт собственный смысл, когда душою и телом их пользуется по своей воле злой дух? И кто уверит, что подобное зло не может приключиться в этой жизни с мудрым? Затем, какого свойства или какого объема восприятие истины в этой плоти, когда, как читаем в правдивой книге Мудрости: “Тленное тело отягощает душу, и земное жилище обременяет многозаботливый ум” (Прем. IX, 15)?

Далее, порыв к действительности или *impetus* (если этим словом правильно выражается по-латыни то, что греки называют *ορμη*), — так как и его числят между начальными благами природы, — разве не он же и представляет собою то, чем управляются жалкие движения безумных и те действия, которые наводят на нас ужас, когда извращается смысл и усыпляется разум?

Затем, сама добродетель, которой нет в числе начал природы, так как она присоединяется к ним после при посредстве науки, — добродетель, усваивающая себе высшее место между человеческими благами, — чем другим она здесь занята, как не непрерывной войною с пороками, не внешними, а внутренними, не чужими, а нашими собственными? В первую очередь это относится к добродетели, которая по-гречески называется *σωφροσύνη*, а по-латыни *temperantia* (воздержание, целомудрие), которою обуздываются телесные похоти, чтобы не располагали души к соумышлению на какие-либо постыдные дела. Это ведь действительный порок, если апостол говорит так: “Плоть желает противного духу”; и пороку этому противодействует добродетель, если он же говорит так: “А дух — противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы” (Гал. V, 17). А что хотим мы творить, когда желаем достигнуть конца высочайшего блага, как не то, чтобы плоть перестала страстно желать противного духу, чтобы в нас не существовало этого порока, которому противится своими желаниями дух? Хотя мы этого и хотим в настоящей жизни, но поелику выполнить этого не в состоянии, с помощью Божией успеваем по крайней мере в том, что похотствующей против духа плоти не уступаем с покорностью со

стороны духа и не допускаем увлечь себя к совершению греха с сочувствием ему со своей стороны. Итак, пока мы находимся в этой внутренней войне, мы должны быть далеки от мысли, будто достигли уже того блаженства, которого желаем достигнуть победой. И есть ли кто-нибудь до такой степени мудрый, что не имел бы решительно никакого столкновения с похотью?

А та добродетель, которая называется благоразумием? Не вся ли ее бдительность направлена на определение различия между добром и злом, чтобы не сделать какой-нибудь ошибки в стремлении к первому и в избегании последнего? А потому и она служит доказательством, что или мы живем во зле, или зло живет в нас. Ибо она учит нас, что зло состоит в сочувствии, а благо — в несочувствии похоти и греху. Само же это зло, которому благоразумие учит несочувствовать, а воздержание дает такую возможность, ни благоразумие, ни воздержание не искореняют, однако, из этой жизни. А справедливость, состоящая в том, чтобы воздать каждому то, что суть его (откуда и в самом человеке проявляется некоторый естественный порядок справедливости, по которому душа подчиняется Богу, плоть — душе, а через это и плоть и душа — Богу), не показывает ли она, что скорее истощает свои силы в этом деле, чем приводит его к благополучному завершению? Ибо душа тем менее подчиняется Богу, чем менее представляет Бога в своих помышлениях; и тем меньше душе подчиняется плоть, чем более желает противного духу. Итак, пока присуща нам эта болезнь, эта язва, эта слабость, каким образом мы можем считать себя здоровыми? А если мы еще нездоровы, каким образом осмелимся называть себя уже блаженными тем конечным блаженством? Да и та добродетель, имя которой мужество, при какой угодно мудрости служит очевиднейшим свидетельством человеческих зол, которые она вынуждена переносить с терпением.

Относительно этих зол философы-стойки с удивительным бесстыдством утверждают, что они не суть зло, признаваясь между тем, что если они будут так велики, что мудрый или будет не в состоянии, или не должен

будет выносить их, то они могут вынудить его самому себе причинить смерть и переселиться из этой жизни. В этих людях, полагающих, что конец блага здесь и что блаженными делаются они сами собою, так велика гордая тупость, что хотя бы их мудрец, каким они представляют его себе в своем удивительном пустомыслии, и ослеп, оглох, онемел, потерял члены, подвергся страданиям, и хотя бы обрушилось на него другое подобное бедствие, которое можно назвать или придумать, чтобы принудить его к самоубийству, они и такую бедственную жизнь не стыдятся называть блаженной. Нечего сказать, блаженная жизнь, которая, чтобы покончить с собою, обращается за помощью к смерти! Если она блаженна, пусть продолжают ее; если же по причине указанных зол от нее убегают, каким образом она блаженна? Или каким образом не суть зло эти бедствия, которые преодолевают благо мужества и это самое мужество заставляют не только уступать себе, но и доходить до такого бессмыслия, чтобы ту же самую жизнь и называть блаженной, и убеждать избегать ее? Кто слеп до такой степени, чтобы не видеть, что если она блаженна, то избегать ее не следует? А если они признают, что ее следует избегать по причине давящего ее гнета слабости, то почему бы им, склонив гордую голову, не признаться, что она вместе с тем и несчастна? Скажите, ради Бога, знаменитый Катон убил себя вследствие терпения или нетерпения? Не сделал бы он этого, если бы терпеливо перенес победу Цезаря. Где же мужество? Оно уступило, оно ослабело, оно до такой степени было побеждено, что он оставил блаженную жизнь, бросил ее, бежал. Или она уже не была блаженной? В таком случае, она была несчастна. Каким же образом эти бедствия не были злом, когда они обратили жизнь в несчастную и заставили избегать ее?

Толковее говорят те, которые признают эти бедствия действительным злом, как перипатетики и древние академики, секту которых защищает Варрон. Но и они держатся странного заблуждения, утверждая, что жизнь все же остается блаженною и при этих бедствиях, хотя бы они были так тяжки, что заставили бы терпящего их

обратиться к самоубийству, чтобы избежать их. “Страдания и телесные муки, — говорит он, — суть действительное зло, и зло тем худшее, чем сильнее они бывают! Чтобы ты освободился от них, нужно бежать из этой жизни”. Из какой же жизни, скажите, ради Бога? Из этой, отвечает, которую гнетут столь великие бедствия. Выходит, таким образом, что она блаженна при этих самых бедствиях, по причине которых, по твоим словам, от нее следует бежать? Или ты называешь ее блаженною потому, что она позволяет тебе освободиться от этих зол посредством смерти? Ведь если бы, в самом деле, какими-нибудь божественными судьбами ты остался при них и не было бы дозволено тебе ни умереть, ни когда-нибудь освободиться от них, ты, конечно, назвал бы тогда подобную жизнь несчастной. В таком случае, она не перестает быть несчастной только лишь потому, что легко оставляется; будь она вечной, ты и сам признал бы ее несчастной. Итак, не следует отрицать несчастья на том основании, что оно кратковременно; или, что еще бессмысленнее, на том основании, что несчастье коротко, называть его даже блаженством.

Велика сила тех зол, которые принуждают человека, по их мнению, даже мудрого, отнимать у самого себя то, что составляет человека. Сами же они говорят, и говорят справедливо, что в своем роде первый и сильнейший голос природы внушает человеку, чтобы он ладил сам с собою, и потому, естественно, избегал смерти; что он друг себе до такой степени, что хочет быть одушевленным существом, хочет жить в этом соединении души и тела и горячо стремится к этому. Велика сила тех зол, которые побеждают это естественное чувство, избегающее смерти всяческим образом, всеми силами и средствами; и побеждает так, что избегаемое становится предметом желания, домогательства, и если не случится откуда-нибудь со стороны, наносится самому себе самим же человеком. Велика сила тех зол, которые делают мужество человекоубийцей; если, впрочем, следует называть мужеством то, что побеждается злом до такой степени, что человека, которого в качестве добродетели приняло для управления и охранения, не только не в состоянии уберечь посредством терпения, но

даже само вынуждает убить. Правда, мудрый должен терпеливо перенести и смерть, но такую, которая случится со стороны. Если же, по их мнению, он может быть вынужден нанести ее себе сам, то они во всяком случае должны сознаться, что то не только зло, но и невыносимое зло, что вынуждает его решиться на это.

Итак, жизнь, которая подавляется гнетом столь великих и тяжких зол или подвержена их случайностям, ни в каком отношении не называлась бы блаженной, если бы говорящие это люди, как уступают они несчастью, когда, побежденные отягощающими бедствиями, сами себе наносят смерть, так же точно соблаговолили бы сделать уступку истине, побеждаемые несомненными доводами при рассуждениях о блаженной жизни; они и не думали бы, что им возможно достигнуть конца высочайшего блага в этой смертности, где сами добродетели, в сравнении с которыми действительно ничего здесь не оказывается в человеке лучшего и полезнейшего, сколько служат великим пособием против угрожающих опасностей, столько и являются несомненным свидетельством бедствий.

Но если добродетели суть добродетели истинные, возможные лишь в тех, кому присуще истинное благочестие, — они не станут обещать, что могут сделать то, что люди, которым они присущи, не будут терпеть никаких бедствий; истинные добродетели не лживы, чтобы обещать это; они скажут открыто, что жизнь человеческая, которую столько и таких зол настоящего века вынуждают быть несчастной, блаженна, равно как и невредима, надеждою будущего века. Ибо как ей быть блаженной, когда она еще и не невредима? Поэтому и апостол Павел не о людях неблагодарных, нетерпеливых, невоздержанных и неправедных, а о тех, которые жили по истинному благочестию и потому имели, какие у них были, добродетели истинные, говорит: “Мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо, если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении” (Рим. VIII, 24, 25). Таким образом, как надеждою мы спасены, так надеждою же облаженствованы; и как спасением, так и блаженством

мы не обладаем уже, как настоящими, а ожидаем их, как будущие; а это и есть “в терпении”, потому что мы находимся в бедствиях, которые должны переносить терпеливо, пока не достигнем тех благ, где будет все, что будет доставлять нам несказанное удовольствие, и не будет уже ничего, что мы должны будем переносить. Те философы не хотят верить этому блаженству, так как не видят его; а усиливаются сколько гордою, столько же и лживою добродетелью создать для себя здесь фальшивое (блаженство).

Глава V

А что они представляют жизнь мудрого жизнью общественной, то мы, со своей стороны, даем этой мысли еще более широкое развитие. Ибо этот град Божий, о котором у нас под руками вот уже девятнадцатая книга настоящего сочинения, откуда получил бы свое начало, как продолжил бы свое существование и каким образом достигал бы должного конца, если бы жизнь святых не была общественной? Но кто в сочинении исчислит, кто в силах взвесить, скольким и каким злом переполнено общество человеческое в этой бедственной смертности? Пусть послушают, как у их комиков человек с общим человеческим чувством и сочувствием говорит:

*Взял я жену себе, то-то узнал я беду!
Дети родилися, вот вам другая забота*.*

А те пороки, связанные с любовью, которые перечисляет тот же Теренций:

*. Обиды,
Ревность и злоба, затем перемирие,
Снова война и опять кратковременный мир**;*

не переполнили ли они повсюду человеческие отношения?

* Terent. in Adelph., act. V, sc. 4.

** Terent. in Eunucho, act. I, sc. 1.

Не встречаются ли они почти всегда даже в почтенных взаимных привязанностях друзей? Не наполняют ли они вообще человеческие отношения так, что обиды, ревность, злобу, войну мы чувствуем в них как зло, не подлежащее никакому сомнению, а мир — как благо сомнительное, потому что не знаем сердца тех, с кем ждали бы жить в мире? Да если бы и могли знать сегодня, не можем знать, каким оно будет завтра. Кто, в самом деле, обыкновенно бывает или должен быть дружественнее между собою тех, которые входят в состав одной семьи? А между тем, кто может быть уверен в своей безопасности с этой стороны, когда тайное коварство членов семьи часто бывало причиной столь великих зол, — зол тем более горьких, чем приятнее был мир, принимаемый за мир истинный в то время, как был делом лукавейшего притворства? Потому-то это поражает сердца всех до такой степени, что мы явственно слышим стон в словах Туллия: “Нет коварств более скрытых, чем те, которые таятся под притворным видом долга или под каким-нибудь именем родства. Открытого врага ты можешь избежать легко, принимая меры предосторожности; это же, скрытое, домашнее и семейное зло не только существует, но и поражает тебя прежде, чем ты будешь в состоянии предостеречься и заметить его”*. Поэтому же без глубокой сердечной скорби нельзя слышать известных божественных слов: “Враги человеку — домашние его” (Мф. X, 36). Хотя бы кто и был столь мужественен, что равнодушно бы перенес, или так бдителен, что предусмотрительно принятыми мерами избежал бы того, что замышлялось против него под личиною дружбы; однако, если сам он — человек добрый, зло таких вероломных людей, когда он по опыту узнает, что они люди самые дурные, поневоле будет жестоко его мучить независимо от того, были ли они дурными всегда и только притворялись добрыми, или изменили свою доброту на эту злость. Итак, если небезопасно семейство, это общее убежище рода человеческого в бедствиях настоящей жизни, то что сказать о гражданском обществе,

* Cic., in Verr. I.

суды которого, чем оно больше, тем более обременены гражданскими тяжбами и уголовными делами, хотя бы и не возникало не только мятежных, но часто и кровавых возмущений и междоусобных войн, от действительного появления которых общества иногда бывают свободны, но от опасности появления не бывают свободны никогда?

Глава VI

А суды людей о людях, неизбежные в гражданских обществах, в каком бы мире они ни находились: каковы они, как жалки, какое представляют собою скорбное зрелище! Ведь судят те, которые не могут знать совести тех, кого судят. Поэтому часто бывают вынуждены пытками свидетелей отыскивать истину по чужому для свидетелей делу. А когда кто-нибудь подвергается пыткам по собственному делу, и терзают его, доискиваясь, виноват ли он, и он, будучи невинным, терпит слишком ведомые казни за неведомое злодеяние не потому, что он совершил его, а потому, что не знают, что он его не совершал? Неведение судьи почти всегда бедствие для невинного. А что еще невыносимее, что должно еще более вызывать скорбь и быть омыто, если бы только это было возможно, потоками слез, — так это такое несчастное последствие человеческого неведения, когда судья, подвергнув обвиняемого пытке для того, чтобы не убить по неведению невинного, убивает истерзанного пытками и невинного, кого пытал, чтобы не убить без вины. Предпочти последний согласно их мудрости скорее убежать из этой жизни, чем терпеть упомянутые пытки, он сказал бы этим, что совершил то, чего не совершал. Осудив и убив его, судья еще не знает, виновного или невинного он убил, пытая, чтобы не убить по неведению без вины; и выходит, что он терзал невинного, чтобы узнать, и убил потому, что не знал.

Будет ли мудрый в этом мраке общественной жизни отправлять должность судьи, или не будет? Будет, конечно. Его привязывает, его влечет к этой должности человечес-

кое общество, изменить которому он считает преступлением, но при этом он не считает преступлением, что невинные свидетели подвергаются пыткам по чужим делам; что обвиняемые, часто не вынося страданий и давая о себе ложные показания, подвергаются и наказаниям без вины после того, как без вины подвергались пыткам; что если они и не наказываются смертью, то очень часто умирают от самих пыток; что иногда и сами обвиняющие, желавшие, быть может, принести пользу человеческому обществу (чтобы преступления не оставались безнаказанными), вследствие лжи свидетелей, вследствие необыкновенной твердости в пытках самого виновного, подвергаются от судьи по неведению осуждению потому, что не в состоянии доказать того, в чем обвиняют, хотя бы обвиняли и справедливо. Все это и подобное этому зло он грехом не считает, потому что мудрый судья делает это не по желанию вредить, а по необходимости неведения; а насколько вынуждает к этому человеческое общество, и по необходимости суда. Итак, если это — не злость мудрого, то, по крайней мере, бедствие человека, о котором мы говорим. Или для него, когда по необходимости неведения и суда он терзает пытками и казнит невинных, мало быть неответственным, а нужно быть еще и блаженным? Насколько справедливее и достойнее человеку признаться в этой необходимости бедствия и ненавидеть его в себе, а если он мудрствует благочестиво, восклицать к Богу: “Выведи меня из бед моих” (Пс. XXIV, 17)!

Глава VII

За гражданским обществом или городом следует государственный союз, в котором видят третью степень человеческого общения, начиная от семьи, переходя к городу и оканчивая государством; последнее, как собрание вод, чем обширнее, тем большую представляет опасность. Прежде всего, в нем отчуждает человека от человека различие языков. Ибо если встретятся, не будучи в состоянии разойтись, но вынужденные какой-нибудь необходимостью

быть вместе двое таких, из которых ни один не знает языка другого, то легче вступят во взаимное между собою общение бессловесные животные различной породы, чем эти двое, хотя оба они и люди. Такое сходство природы нисколько не благоприятствует общению людей, коль скоро они вследствие различия языков бывают не в состоянии делиться между собою чувствами; и это справедливо до такой степени, что человек охотнее проводит время со своею собакой, чем с чужим человеком. Установился порядок, по которому повелевающий город путем мирных отношений налагает на покоренные народы не только иго, но и свой язык; почему в переводчиках не только нет недостатка, но чувствуется даже изобилие. Это верно; но сколькими и какими великими достигнуто это войнами, какими людскими поражениями, каким пролитием человеческой крови? С окончанием последних не окончилась, однако, тяжесть того же рода зол. Кроме того, что были и остаются врагами народы внешние, против которых всегда велись, ведутся и будут вестись войны, сама обширность империи породила войны худшего свойства, т. е. союзнические и гражданские; они лежат на человеческом роде еще более тяжким гнетом, ведутся ли для того, чтобы когда-нибудь прекратиться, или составляют предмет опасения, как могущие возникнуть снова.

Если бы я захотел надлежащим образом изложить множество и разнообразие бедствий от этих зол, их тяжелые и несчастные последствия, хотя изложить их так, как требует того дело, я и не в состоянии, будет ли конец моей длинной речи? Но мудрый, говорят, будет вести войны справедливые, как-будто бы он, если только помнит, что он человек, не гораздо более будет скорбеть, что ему необходимо вести справедливые войны; ведь если они не были бы справедливыми, ему не предстояло бы их вести, и в таком случае для мудрого войн не было бы вовсе. Несправедливость противной стороны вынуждает мудрого вести справедливые войны; и эта несправедливость должна вызывать скорбь в душе человека, потому что она несправедливость человеческая, хотя бы из-за нее и не возникало никакой необходимости начинать войну. Итак, кто с

душевной болью вникнет в эти виды зла, такие тяжкие, такие ужасные, такие жестокие, тот признает в них бедствие. А кто терпит их или размышляет о них без душевной боли, тот уже по самому этому слишком жалок, когда считает себя блаженным, потому что потерял и само человеческое чувство.

Глава VIII

Если не случится незнания, похожего на глупость, которое, однако же, в несчастных условиях настоящей жизни случается часто, что другом считается враг, а врагом друг, — единственное, что утешает нас в этом человеческом обществе, переполненном ошибками и скорбями, это нелицемерная преданность и взаимная любовь между истинными и добрыми друзьями. Но чем больше и в больших местах мы их имеем, тем больше и чаще боимся, чтобы не случилось с ними какого-нибудь зла из этой массы зол настоящего века. Мы беспокоимся не только о том, чтобы они не пострадали от голода, войн, болезней, плена, чтобы в самом том рабстве не потерпели чего-либо такого, чего мы и придумать не в состоянии; мы опасаемся даже (и опасения наши в этом случае гораздо более горьки), чтобы их дружба не перешла в вероломство, в злобу, в лукавство. И когда подобное случается (а случается тем чаще, чем их самих больше и в больших они находятся местах) и доходит до нашего сведения, кто в состоянии понять, кроме самого чувствующего, те муки, какие терзают наше сердце? Лучше бы мы желали слышать о их смерти; хотя без скорби мы не можем слышать и об этом. Ибо если жизнь их по причине утешений дружбы радовала нас, то их смерть не может не причинить нам печали. Не допускающий такой печали пусть не допускает, если может, дружеских разговоров; пусть запретит само чувство дружбы; пусть с дикой оцепенелостью души разорвет все человеческие связи или пусть укажет способ пользоваться ими так, чтобы из них не следовало никакой приятности для души. Если же это решительно невозможно, то как

оудет возможно то, чтобы нам не была горькою смерть того, чья жизнь была сладкой?

Оттого-то и сетование, как бы своего рода рана или вред в человеческом сердце, для излечения которой при-меняются соответствующие утешения. То не доказательство отсутствия раны, что она излечивается, потому что чем лучше душа, тем она скорее и легче излечивается. Итак, хотя жизнь смертных иногда легче, а иногда сильнее расстраивается смертью дорогих людей, а особенно таких, услуги которых необходимы человеческому обществу, однако нам желательнее видеть мертвыми тех, кого любим, чем слышать о потере ими честности или добрых нравов, т. е. о том, что они умерли в самой душе. Земля полна таким величайшим питательным веществом для зол. Поэтому написано: “Не определено ли человеку время на земле?”* (Иов. VII, 1). Поэтому же сам Господь говорит: “Горе миру от соблазнов” (Мф. XVIII, 7). И еще: “По причине умножения беззакония, во многих охладает любовь” (Мф. XXIV, 12). Потому-то бывает так, что мы радуемся за добрых умерших друзей, и хотя смерть их нас печалит, но она дает и более верное успокоение, потому что они избежали зол, которые или подавляют в этой жизни даже добрых людей, или портят их, или грозят опасностью того и другого (рода).

Глава IX

В обществе святых ангелов, которому те философы, пожелавшие иметь друзьями богов, отводят четвертое место, переходя как бы от круга земной жизни к всей совокупности творения, чтобы через это объять некоторым образом и небо, — в этом обществе мы не боимся нисколько, чтобы подобные друзья опечалили нас своею смертью или порчей. Но ангелы не вступают с нами в такие тесные связи, как люди (что также относится к тяготам этой жизни), а иногда и сатана, как читаем, преобразуется в ангела света

* У Августина: “Не искушение ли жизнь человеку на земле?”

(II Кор. XI, 15), чтобы искушать тех, кого нужно таким образом научить или кого справедливо обольстить. Поэтому необходимо особое милосердие Божие, чтобы кто-либо в то время, как считает в числе своих друзей добрых ангелов, не имел на самом деле мнимыми друзьями злых демонов и терпел в их лице врагов тем более вредных, чем они хитрее и коварнее. И кому это особое милосердие Божие необходимо, как не крайне жалкому человеческому состоянию, на котором лежит такой гнет неведения, что оно легко обманывается демонским притворством? Нет никакого сомнения, что и те философы в нечестивом граде, которые утверждали, что имели богов своими друзьями, натолкнулись на злых демонов, которым подчиняется весь тот град, имея разделить вместе с ними вечное наказание. Это с достаточной ясностью показали сами почитаемые ими тем священнослужением или, вернее, святотатством, которым их считали должным почитать, и теми безнравственнейшими играми, в которых прославляются их преступления, которыми считали должным их умиловивлять; так как они же и установители, и исполнители этих безобразий.

Глава X

Не гарантированы от обманов и разнообразных искушений с их стороны и святые и верные почитатели единого истинного и высочайшего Бога. Ибо в этой стране изменчивости и в эти злые дни бесполезно и этого рода беспокойство, чтобы с тем более пламенным желанием стремились они к той безмятежности, где мир самый полный и самый надежный. Дары природы, т. е. то, что дается нашей природе Творцом всех природ, там будут уже не только добрыми, но и вечными; и не только в душе, которая излечится мудростью, но и в теле, которое обновится через воскресение. Добродетели там не будут вести войны против каких-нибудь пороков или против какого-либо зла, а будут пользоваться в награду за победу вечным миром, которого не нарушит никакой противник. Этот мир есть конечное блаженство, предел совершенства,

не имеющий уже своего конца. Хотя мы называем себя блаженными и здесь, когда пользуемся миром, какой только возможен здесь при доброй жизни; но это блаженство по сравнению с тем, которое мы называем конечным, представляется весьма жалким состоянием. Когда мы, смертные люди в условиях смертной жизни, имеем мир, какой только здесь возможен, то если надлежащим образом живем, добродетель пользуется его благами надлежащим образом; когда же не имеем его, добродетель хорошо пользуется и тем злом, которое человек терпит. Но истинная добродетель есть тогда, когда и все блага, которыми пользуется хорошо, и все то, что делает при благом пользовании благами и бедствиями, и саму себя она направляет к тому концу, где для нас будет такой и столь великий мир, лучше и больше которого мир быть не может.

Глава XI

Поэтому концом наших благ мы можем назвать мир, как называли этим концом жизнь вечную: особенно в виду того, что этому граду Божию, о котором ведется нами такое многотрудное рассуждение, говорится в святом псалме: “Хвали, Иерусалим, Господа; хвали, Сион, Бога твоего. Ибо Он укрепляет верей ворот твоих, благословляет сынов твоих среди тебя; утверждает в пределах твоих мир” (Пс. CXLVII, 1 — 3). Когда будут укреплены верей врат его, никто уже в него не войдет, никто из него и не выйдет. А потому пределами его мы должны считать в этом случае мир, который хотим выставить конечным. Ибо и само таинственное имя этого града, Иерусалим, как мы уже говорили и прежде, в переводе значит “видение мира”. Но так как слово мир очень часто употребляется и в условиях этой смертной жизни, где во всяком случае нет жизни вечной; то конец этого града, где будет высочайшее его благо, мы решили называть лучше жизнью вечною, чем миром. Об этом конце апостол говорит: “Ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами

Богу, плод ваш есть святость, а конец — жизнь вечная” (Рим. VI, 22).

Но с другой стороны, так как те, которые мало знакомы со священным Писанием могут под вечной жизнью разуметь и жизнь злую, или по причине, как полагают и некоторые философы, бессмертия души, или по причине, как тому веруем и мы, бесконечности наказаний для нечестивых, которые, само собой разумеется, не могли бы мучиться вечно, если бы не жили также вечно; то конец этого града, в котором он будет иметь высочайшее благо, следует называть или миром в жизни вечной, или жизнью вечной в мире, чтобы легче можно было отличать его от всего другого. Ибо благо мира так велико, что даже в условиях жизни земной и смертной обыкновенно ни о чем с большим удовольствием не слушают, ничего сердечнее не желают, да и ничего, наконец, лучшего найти не могут. Если мы решимся поговорить о нем несколько долее, то не наскучим, как я полагаю, своим читателям, как по причине конца этого града, о котором у нас речь, так и по причине самой приятности мира, который любезен всем.

Глава XII

Кто вместе со мною окинет беглым взглядом дела человеческие и природу вообще, признает, что как нет никого, кто отказался бы от радости, так нет никого, кто не захотел бы иметь мир. Те самые, которые желают войн, ничего другого не желают, кроме победы; желают, следовательно, достигнуть посредством войны славного мира. Ведь что такое победа, как не покорение сопротивляющихся. Когда это совершится, наступит мир. Итак, с целью мира ведутся и войны, даже теми, кто старается посредством господствования войн упражнять воинскую доблесть. Отсюда ясно, что мир есть желательный конец войны. Ведя войну, всякий добивается мира; но никто, заключая мир, не добивается войны. Ибо и те, которые хотят нарушить мир, в котором находятся, не питают ненависти к миру, а желают изменить его по своему

произволу. Не того хотят они, чтобы не было мира, а того, чтобы он был таким, каким им хочется его видеть.

Затем, и отделившиеся от других через возмущение, если не будут поддерживать хоть какого-нибудь мира со своими сообщниками или соучастниками в заговоре, не достигнут того, к чему стремятся. Да даже и разбойники, чтобы сильнее и безопаснее вредить миру других, стараются быть в мире с товарищами. Даже если бы нашелся между ними один, обладающий такими огромными силами и до такой степени опасаящийся сообщников, что не доверился бы никакому товарищу, и делая засады и нападения в одиночку, производил бы разбой сам, режа и убивая, кого мог; то и такой непременно сохраняет какую-нибудь тень мира с теми, кого не может убить, или от кого желает, чтобы они скрывали его действия. В собственном же доме с женою, с детьми и со всеми другими, кто бы там ни был, он, конечно, старается жить в полном мире; исполнение ими его воли по одному его мановению доставляет ему удовольствие. Если этого повиновения не бывает, он раздражается, волнуется, настаивает на нем, и если это необходимо, устанавливает в своем доме мир путем самых свирепых мер; он понимает, что мир этот невозможен, если в домашнем союзе не будет все подчиняться одной известной власти, которую он и представляет собою в собственном доме. Поэтому если заявят ему о своей покорности очень многие, город или народ, и будут подчиняться ему так же, как он хотел, чтобы подчинялись ему в его доме, — он уже не будет прятаться в укромных местах в качестве разбойника, а поставит себя открыто в высокое положение царя, хотя в нем останутся та же жадность и та же злость. Итак, все желают быть в мире со своими, от которых хотят, чтобы они жили по их воле. Ибо, ведя с кем-либо войну, хотят сделать их, если возможно, своими, и покорив их, наложить на них законы своего мира.

Но представим себе кого-нибудь таким человеком, какого изображает поэтический и сказочный рассказ, именно по причине несовместимой с общежитием лютости выставляя его скорее получеловеком, чем человеком. Царством

его была уединенная дикая пещера, а злость его была такой единственной в своем роде, что по ней дано было ему его имя; потому что зло по-гречески называется какоζ, и таковое имя он и имел. Никакая супруга не обращалась к нему и не отвечала ласковой речью; не было детей, с которыми он бы шутил, когда они были маленькими, или которым бы приказывал, когда подрастали. Не имел он удовольствия вести беседу ни с одним другом, даже с отцом, Вулканом, которого он был гораздо счастливее по крайней мере в том отношении, что сам не родил подобного чудовища. Ничего никому не он давал, но у кого мог и когда мог отнимал, что хотел и сколько хотел. Тем не менее, в самом уединении своей пещеры, земля которой, как описывается, была всегда тепла от только что совершенного убийства, он не желал ничего, кроме мира, — чтобы никто не докучал ему, чтобы чья-нибудь сила или страх перед кем-нибудь не тревожили его покой. Желал он, наконец, иметь мир со своим телом, и насколько имел, чувствовал себя хорошо. Держал он в повиновении свои члены; и когда его смертность возмущалась против него в случае недостатка в чем-нибудь и возбуждала мятеж голода с целью разорвать связь между душой и телом и удалить первую из последнего, он, с какою только мог поспешностью, умиротворял ее: грабил, убивал, пожирал; лютый и свирепый, он мир своей жизни и своего благосостояния отстаивал с той же лютостью и свирепостью. Следовательно, если бы тот мир, который он весьма старательно сохранял в своей пещере и с самим собою, желал он сохранять и с другими, — его не называли бы ни злом, ни чудовищем, ни получеловеком. Или, если от общения с ним удерживали людей наружный вид его тела и извергаемое из уст смрадное пламя, то возможно, что он свирепствовал не из страсти вредить, а по необходимости, ради поддержания жизни. Но его не было вовсе, или, что гораздо вероятнее, он не был таким, каким описывает его поэтический вздор. Не будь Какус выставлен с крайне дурной стороны, Геркулесу было бы мало чести.

Итак, подобного человека или получеловека, как я сказал, вероятнее всего не существовало, как не было в действительности множества других поэтических вымыслов. Ибо и самые свирепые животные, от которых он заимствовал часть зверства (потому что назывался и полужверем), охраняют в известном мире свой род, совокупляясь, выводя, рождая, согревая и питая детей, хотя по большей части они не общительны и скитаются по одному, не как овцы, олени, голуби, скворцы, пчелы, а как львы, лисицы, орлы, сычи. Какой, например, тигр не мурлыкает потихоньку своим детям и не ласкает их, укротив свое зверство? Какой коршун, сколько бы в одиночку не кружился в воздухе за добычей, не соединяется в пару, не вьет гнезда, не высиживает яйца, не кормит детенышей и не сохраняет в возможном мире как бы домашнего общения с матерью своего семейства? Тем более человек некоторым образом законами своей природы располагает к вступлению в общение и к сохранению мира, насколько это от него зависит, со всеми людьми; и когда злые ведут войну ради мира своих и желают, если это для них возможно, сделать своими всех, чтобы все и вся покорялись одному; то почему делается это, как не потому, что из любви или из страха они подчиняют свои действия его миру. Так гордость превратно возражает Богу. Ибо она ненавидит равенство с товарищами при подчинении Ему, но старается наложить на товарищей, вместо Него, свое господство. Ненавидит она правый мир Божий, а любит свой неправый. Не любить, однако же, какого-нибудь мира она никоим образом не может. Нет такого противоестественного порока, который изглаживал бы до конца следы природы.

Итак, что мир несправедливых по сравнению с миром праведных не может и называться миром, это ясно тому, кто умеет предпочитать правое неправому и упорядоченное превратному. Ведь и то, что превратно, в какой-нибудь части, какую-нибудь и с какую-нибудь частью чего-либо, в чем находится или из чего состоит, непременно умиротворено; иначе оно не существовало бы вовсе. Например, кто-нибудь висит головою вниз. Положение его тела и

порядок членов, очевидно, превратны; потому что то, чему природа назначила быть вверху, оказывается внизу; а что по природе должно быть внизу, стало вверху. Превратность эта возмутила мир плоти, и потому болезненна. Тем не менее, душа находится в мире со своим телом и заботится о его спасении; а потому и есть, кто скорбит. А если бы вследствие болезненности душа отрешилась от тела, вышла из него, и тогда, пока удерживается связь членов, остающееся продолжало бы сохранять некоторый мир в своих частях: был бы еще тот, кто висит. И когда земное тело тянется на землю и удерживается петлею, на которой повешено, оно стремится к состоянию своего мира и как бы голосом своей тяжести просит места, на котором бы могло успокоиться; и бездушное уже, и лишенное всякого чувства, оно не меняет своего естественного мирного положения, когда достигнет его или будет в него приведено. Если будут применены врачебные средства и уход, который не допустит разложения и разрушения наружного вида трупа, и тогда некоторого рода мир будет соединять части с частями и всю массу приурочит к земному и соответствующему, а потому — покойному месту. Если же бальзамирование употреблено не будет, а будет все предоставлено естественному ходу, то труп как бы испытывает мятеж от разделившихся на партии и потому не соответствующих нашему чувству (ибо именно это ощущается в зловонии до тех пор, пока сольется со стихиями мира и по частям и понемногу войдет в их мир). При этом ничто, однако же, не происходит помимо законов верховного Творца и Распорядителя, Который управляет миром всего; когда из трупа большого животного рождаются животные мелкие, в силу того же закона Творца всякий атом служит мирному благосостоянию их душонок; и когда тела умерших пожираются другими животными, они, куда бы ни растаскивались, с какими бы вещами ни соединялись, в какие бы вещи ни обращались и ни изменялись, встречают те же законы, во всем разлитые к благополучию всякого рода смертных, умиротворяющие соответствующее с соответствующим.

Глава XIII

Итак, мир тела есть упорядоченное расположение частей. Мир души неразумной — упорядоченное успокоение позывов. Мир души разумной — упорядоченное согласие суждения и действия. Мир тела и души — упорядоченная жизнь и благосостояние одушевленного существа. Мир человека смертного и Бога — упорядоченное повиновение в вере под вечным законом. Мир людей — упорядоченное единодушие. Мир дома — упорядоченное относительно управления и повиновения согласие сожительствующих. Мир града — упорядоченное относительно управления и повиновения согласие граждан. Мир небесного града — самое упорядоченное и единодушнейшее общение в наслаждении Богом и взаимно в Боге. Мир всего — спокойствие порядка. Порядок есть расположение равных и неравных вещей, дающее каждой ее место.

В силу этого несчастные, которые настолько несчастны, насколько не имеют мира, хотя и не пользуются таким спокойствием порядка, в котором не было бы никакого расстройства, однако, поелику несчастны заслуженно и справедливо, не могут находиться в самом этом своем несчастье вопреки порядку, — не как соединенные с блаженными, а как отделенные от них, но — законом порядка. Насколько они находятся без расстройства (порядка), они соединены с вещами, среди которых находятся, каким ни есть согласием; поэтому у них есть некоторое спокойствие порядка; некоторый мир присущ и им. Но они потому несчастны, что, хотя при известном спокойствии не скорбят, но и не находятся, однако, в таком положении, в котором не должны были бы быть спокойными и скорбеть; еще же несчастнее они, если у них нет мира с самим законом, которым управляется естественный порядок. Когда же они скорбят, нарушение мира произошло в той части, со стороны которой они чувствуют скорбь; но мир остается еще в той части, где не мучит скорбь и не порвана еще сама связь. Следовательно, как есть некоторая жизнь без скорби, но скорбь без какой-нибудь жизни быть не может, так есть некоторый мир без всякой

войны, но войны без какого-нибудь мира быть не может; это не в силу того, что она война, а в силу того, что она ведется теми или происходит в тех, которые представляют собою какие-нибудь естества; такими естествами они не могли бы ни в коем случае быть, если бы не пребывали в каком бы то ни было мире.

Поэтому существует естество, в котором вовсе нет зла или в котором невозможно никакое зло; но естества, в котором не было бы никакого добра, быть не может. И природа самого дьявола, насколько она природа, не есть зло; злою сделала ее развращенность. Итак, он в истине не устоял (Иоан. VIII, 44), но суда истины не избежал; не остался он в спокойствии порядка, но через это не ушел от власти Распорядителя. Благо Божие, которое у него в природе, не дало ему убежать от правосудия Божия, которое назначает его к наказанию; не то благо преследует в этом случае Бог, которое сотворил, а преследует зло, которое тот совершил. Ибо не все отнимает Он, что дал природе, но нечто отнял, нечто оставил, чтобы было чему скорбеть об отнятом. И сама скорбь есть свидетельство о благе отнятом и о благе оставленном. Если бы благо не было оставлено, не была бы возможна скорбь о потерянном благе. Тот гораздо злее, кто, греша, находит удовольствие в потере правоты. А кто терзается, тот, если не получает от этого никакого блага, скорбит о потере благосостояния. А так как то и другое, правота и благосостояние, суть блага, и о потере блага скорее должно скорбеть, чем радоваться (если, впрочем, не имеет места вознаграждение утраты лучшим, а правота души лучше благосостояния тела), то несправедливому гораздо соответственнее скорбеть в мучении, чем радоваться в преступлении.

Следовательно, как радость о потере блага в грехе свидетельствует о злой воле, так скорбь о потере блага во время наказания свидетельствует о доброй природе. Ибо кто скорбит о потере мира своей природы, скорбит об этом в силу некоторых остатков мира, которые делают ему любезной природу. При последнем же наказании будет прямым делом справедливости, чтобы несправедливые и несчастливые оплакивали в мучениях потерю благ естес-

временных, чувствуя, что отнял эти блага справедливейший Бог, Которого они презрели, когда Он был благосклоннейшим их подателем. Бог, премудрый Создатель и справедливейший Распорядитель всех природ, давший в смертном человеческом роде величайшее украшение земле, дал людям некоторые блага, соответствующие этой жизни, т.е. временный мир в самом благосостоянии, целости и общении его рода, и то, что необходимо для охранения и восстановления этого мира, каково суть все, что пристойно и соответственным образом подпадает нашим чувствам: этот видимый свет, удобовдыхаемый воздух, годную для питья воду; и что соответствует питанию, прикрытию, лечению и украшению тела, — дал при том справедливейшем условии, что правильно воспользовавшийся такими смертными благами, приспособленными к миру смертных, получит большие и лучшие, т. е. мир бессмертия и соответствующую ему славу и честь в жизни вечной для наслаждения Богом и ближним в Боге, а воспользовавшийся дурно и тех не получит, и эти потеряет.

Глава XIV

Итак, всякого рода пользование временными вещами важно для приобретения земного мира во граде земном; а в граде небесном важно для приобретения мира вечного. Так, если бы мы были животными неразумными, мы не желали бы ничего, кроме упорядоченного состояния частей тела и успокоения позывов, — ничего, кроме покоя плоти и удовлетворения желаний, чтобы мир тела спешествовал миру душевному. Ибо отсутствие телесного мира мешает и миру неразумной души, так как она не может достигнуть успокоения позывов. Вместе же то и другое благоприятствует тому миру, который имеют между собою душа и тело, т. е. миру упорядоченной жизни и благосостояния. Как обнаруживают животные свою любовь к миру телесному, когда избегают болезненных ощущений, и к миру душевному, когда для удовлетворения позывов следуют животной страсти; так, когда они избегают смерти,

показывают с достаточной ясностью, насколько они любят мир, соединяющий взаимно душу и тело. Но поскольку человеку присуща разумная душа, то все то, что имеет общего с животными, он подчиняет миру разумной души, чтобы то или другое обсудить умом и соответственно этому что-либо сделать, чтобы было у него уюрядоченное согласие суждения и действия, которое мы назвали миром души разумной. Желать, чтобы его не беспокоили болезненные ощущения, не волновали потребности, не разрушала смерть он должен для того, чтобы узнать что-либо полезное и соответственно этому познанию устроить свою жизнь и нравы.

А чтобы в самом стремлении к познанию не впасть по причине слабости человеческого ума в какое-либо губительное заблуждение, он нуждается в божественном наставлении, которому с уверенностью мог бы следовать, и в божественной помощи, с которою свободно мог бы сообразовываться. И так как он, пока находится в этом смертном теле, странствует вдали от Господа, то ходит верою, а не видением (II Кор. V, 7); а потому всякий мир, тела ли, или души, или вместе тела и души, направляет к тому миру, который установился у человека смертного с Богом бессмертным, чтобы быть в уюрядоченном повиновении Ему в вере под вечным законом. А так как наставитель-Бог учит двум главным заповедям: любви к Богу и любви к ближнему, то в этих двух заповедях человек находит три предмета для своей любви: Бога, себя самого и ближнего; и тот, кто любит Бога, не заблуждается в любви и к самому себе; естественно также, что он заботится, чтобы и ближний любил Бога, — ближний, которого повелевается ему любить как самого себя. Такого рода заботы его о жене, детях, о домашних, обо всех людях, кого могут касаться; и такого же рода забот о самом себе желает он от других, если встречает в таких заботах нужду.

Таким путем он будет в примирении, насколько это от него зависит, со всяким человеком и с миром человеческим, т. е. уюрядоченным согласием; порядок же этот заключается, во-первых, в том, чтобы никому не вредить,

а во-вторых, в том, чтобы приносить пользу, кому нужно. Итак, прежде всего ему предстоят заботы о своих домашних: они ближе и доступнее других его советам и попечениям в силу порядка природы, в силу порядка самого человеческого общения. Почему апостол и говорит: “Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного” (I Тим. V, 8). Отсюда возникает домашний мир, т. е. упорядоченное согласие относительно управления и повиновения сожительствующих. Управляют те, которые заботятся, как-то: муж — женою, родители — детьми, господа — рабами. Повинуются же те, о которых заботятся, как-то: жены — мужьям, дети — родителям, рабы — господам. Но в доме праведного, живущего верою и находящегося еще в странническом удалении от одного небесного града, и управляющие служат тем, кем, по-видимому, управляют. Ибо управляют они не из желания господствовать, а по обязанности заботиться, и не из гордого своего начальственного положения, а из сострадающей предусмотрительности.

Глава XV

Это предписывает естественный порядок, так создал человека Бог. “Да владычествуют, — говорит Он, — над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею” (Быт. I, 26). Он хотел, чтобы разумное по образу Его творение господствовало только над неразумным: не человек над человеком, а человек над животным. Поэтому первые праведники явились скорее пастырями животных, чем царями человеческими; Бог и этим внушал, чего требует порядок природы, к чему вынуждают грехи. Дается понять, что состояние рабства по праву назначено грешнику. В Писании мы не встречаем раба прежде, чем праведный Ной покарал этим именем грех сына (Быт. IX, 25). Не природа, таким образом, а грех заслужил это имя. Название же рабов (*servi*) на латинском языке имеет, по-видимому, такое происхождение: когда победители тех, кого по праву войны могли

убить, оставляли в живых, последние делались рабами, получая название от сохранения (*servi a servando*). Но и в этом случае не беспричастен грех. Ведь и в то время, когда ведется справедливая война, ради греха подвергает себя опасности противная сторона, и всякая победа, хотя бы склонилась она и на сторону дурных; по божественному суду уничтожает побежденных, или исправляя, или наказывая грехи. Свидетель этому — человек Божий Даниил, который, находясь в плену, исповедовал перед Богом свои грехи и грехи своего народа и в них с благочестивой скорбью указывал причину этого плена (Дан. IX, 5).

Итак, грех — первая причина рабства, по которому человек подчиняется человеку в силу своего состояния; и это бывает не иначе, как по суду Божию, у Которого нет неправды и Который умеет распределять различные наказания соответственно вине согрешающих. А так как верховный Господь говорит, что “всякий, делающий грех, есть раб греха” (Иоан. VIII, 34), и потому многие благочестивые служат господам неправедным, которые сами, однако же, не свободны: “Ибо, кто кем побежден, тот тому и раб” (II Пет. II, 19); то во всяком случае лучше быть рабом у человека, чем у похоти; ибо сама похоть господствования, чтобы не говорить о других, со страшной жестокостью опустошает души смертных своим господствованием. В порядке же мира, по которому одни люди подчинены другим, как уничтожение приносит пользу служащим, так гордость вредит господствующим. Но по природе, с которою Бог изначально сотворил человека, нет раба человеку или греху. Впрочем, и присужденное в наказание рабство определяется в силу того же закона, который повелевает сохранять естественный порядок и запрещает его нарушать; потому что, не будь проступка против этого закона, нечего было бы наказывать принуждением к рабству. Почему апостол увещевает и рабов подчиняться господам и служить им от души с готовностью (Ефес. VI, 6, 7), т. е., если они не могут получить от господ своих свободу, то сами они могут сделать служение свое некоторым образом свободным, служа не из притворного страха, а по искреннему расположению, пока

прейдет неправда, упразднится всякое начальствование и власть человеческая и будет Бог все во всех.

Глава XVI

В связи с этим наши праведные отцы, хотя и имели рабов, устраивали, однако же, домашний мир так, что, отличая в отношении этих временных благ жребий детей от состояния рабов, в том, что касается почитания Бога, в Котором покоятся надежды вечных благ, с одинаковой любовью заботились обо всех членах своего дома. Это предписывается естественным порядком до такой степени, что отсюда произошло имя *paterfamilias** и получило такое широкое применение, что сами господствующие находят удовольствие называться этим именем, пускай и незаслужено.

Истинные отцы семейства во всем, что касается почитания Бога и служения Ему, заботятся обо всех членах семьи, как о детях, желая и молясь достигнуть дома небесного, где уже не будет необходимости в обязательном долге повелевать смертными, потому что не будет уже необходимости в обязательном долге заботиться о их счастье в том бессмертии. Пока же это наступит, господствование требует от отцов большего терпения, чем служение — от рабов. Если же кто-нибудь в доме противится домашнему миру своим неповиновением, такой укрощается или словом, или бичем, или другим справедливым и дозволенным родом наказания, насколько это допускает человеческое общество, ради пользы самого укрощаемого, чтобы присоединить его к миру, от которого тот уклонился. Как не будет благодеянием, помогая, причинить потерю большего блага, так не будет делом невинным, щадя, допустить совершение более тяжкого зла. К обязанности человека невинного относится не только никому не делать зла, но и сдерживать от греха или наказывать грех, чтобы

* Отец "семейства", в состав которого входила и домашняя прислуга, и рабы.

или сам наказуемый, испытал наказание, исправился, или другие, видя наказание, удерживались страхом перед ним. А так как дом человека должен быть началом или частичкою града, а всякое начало имеет известное отношение к своему концу и всякая часть — к целому, которого она составляет часть, то отсюда очевидно следствие, что домашний мир имеет отношение к миру гражданскому, т. е. что упорядоченное согласие относительно приказаний и повиновения между сожительствующими служит к установлению упорядоченного согласия относительно повеления и повиновения между гражданами. Отец семейства должен поэтому брать правила из гражданского закона и управлять согласно им своим домом так, чтобы он служил к упрочению мира гражданского общества.

Глава XVII

Но дом людей, не живущих верою, домогается от вещей выгод этой временной жизни земного мира. Дом же людей, живущих верой, ожидает того, что обещано в будущем как вечное, а вещами земными и временными пользуется как странствующий: не для того, чтобы увлекаться ими и забывать о своем стремлении к Богу, а для того, чтобы находить в них поддержку для более легкого перенесения тягостей тленного тела, которое обременяет душу. Таким образом, те и другие люди, тот и другой дом одинаково пользуются вещами, необходимыми для этой смертной жизни; но цель пользования у каждого своя и весьма различная. Так же точно и земной град, который верою не живет, стремится к земному миру и к нему направляет согласие в управлении и повиновении граждан, чтобы относительно вещей, касающихся смертной жизни, у них был до известной степени одинаковый образ мыслей и желаний. Град же небесный, или, вернее, та его часть, которая странствует в этой смертности и живет верой, поставлен в необходимость довольствоваться и таким миром, пока минует сама смертность, для которой он нужен. Поэтому, пока он проводит как бы плененную жизнь

своего странствования в областях земного града, хотя и получив уже обетование искупления и в виде залога его — дар духовный, он не колеблется повиноваться законам земного града, которыми управляется то, что служит для поддержания смертной жизни, чтобы, поскольку обща сама смертность, в вещах, к ней относящихся, сохранялось согласие между тем и другим градами.

Но земной град имел неких своих, божественным учением не одобряемых мудрецов, которые, будучи надуумлены или обмануты демонами, полагали, что к человеческому миру следует приурочить многих богов, к различным как бы должностям которых относятся различные подведомые предметы: одному подведомо тело, другому — душа; и в самом теле одному — голова, другому — шея и прочее, особое — особому; так же точно в душе одному — ум, другому — наука, иному — гнев, иному — пожелание; и в самих житейских делах одному — скот, другому — пшеница, третьему — вино, тому — масло, этому — леса, иному — монета, иному — судоходство, иному — войны и победы, иному — супружества, иному — роды и плодovitость, иным — прочее в том же роде. Град же небесный знал, что следует почитать только единого Бога, и с истинным благочестием полагал, что только ему следует служить тем служением, которое по-гречески называется *λατρεία* и обязательно лишь в отношении к Богу. Из-за этого вышло так, что он не мог иметь с градом земным общих религиозных законов и был поставлен в необходимость вследствие этого спорить с последним, стал в тягость людям противоположного образа мыслей, подвергся их гневу, ненависти и преследованиям, пока, наконец, страхом своего многолюдия и всегдашней божественной помощью не обуздал дерзости своих врагов.

Итак, этот небесный град, пока он находится в земном странствовании, призывает граждан из всех народов и набирает странствующее общество во всех языках, не придавая значения тому, что есть различного в нравах, законах и учреждениях, которыми мир земной устанавливается или поддерживается; ничего из последнего не отменяя и не разрушая, а напротив, сохраняя и соблюдая

Все, что хотя у разных народов и различно, но направляется к одной и той же цели земного мира, если только не препятствует религии, которая учит почитанию единого высочайшего и истинного Бога. Пользуется, таким образом, и небесный град в этом земном странствовании своим миром земных, и в предметах, относящихся к смертной человеческой природе, насколько это совместимо с благочестием и религией, сохраняет и поддерживает единство образа человеческих мыслей и желаний и направляет этот земной мир к миру небесному. Последний же мир такого свойства, что единственно должен считаться и называться миром разумной твари. Это — самое упорядоченное и самое единое общение в наслаждении Богом и взаимно — в Боге. Когда этот мир наступит, будет жизнь не смертная, а непосредственно и несомненно живая; и тело не душевное, которое, пока тленно, отягощает душу, а духовное, без ощущения неудовлетворенности в чем-либо, во всех отношениях подчиненное воле. Пока странствует, он имеет этот мир в вере и по этой вере живет праведно, когда направляет к достижению оною мира все доброе, что совершает для Бога и ближнего, так как жизнь града, во всяком случае, есть жизнь общественная.

Глава XVIII

А что касается той особенности в воззрениях, которую Варрон заимствовал у новых академиков, считающих все недостоверным, то град Божий решительно отклоняет от себя такое сомнение, как безумие; ибо имеет о доступных пониманию и разуму предметах познание хотя и малое, по причине отягощающего душу тленного тела (ибо, как говорит апостол, “мы отчасти знаем” (I Кор. XIII, 9)), но достовернейшее; и чувствам, которыми пользуется душа через посредство тела, при очевидности какой-либо вещи верит; так как более жалким образом обманывается тот, кто полагает, что им никогда не следует верить. Верит он и священным Писаниям, древним и новым, которые мы называем каноническими: ими воспиталась сама вера,

от которой праведник жив (Аввак. II, 4), которую, не колеблясь, ходим, пока устранены от Господа (II Кор. V, 6). Сохраняя ее и убежденные в ее истинности, мы относительно каких-либо таких вещей, которых не можем уловить ни чувством, ни разумом, которых не уясняет нам каноническое Писание или сведения о которых дошли до нас не от таких свидетелей, не верить которым было бы нелепостью, сомневаемся, не подвергаясь справедливому порицанию.

Глава XIX

Но града этого вовсе не касается, какого кто держится внешнего образа и обычая жизни, лишь бы это не было против множественных заповедей и против той веры, которая приводит к Богу. Поэтому и самих философов, когда они становятся христианами, он заставляет переменить не одежду и образ жизни, вовсе не препятствующие религии, а ложные догмы. Потому и той особенности, которую Варрон указал в киниках, град Божий решительно не придает значения, если она не выражается в бесстыдстве и распутстве. Относительно же тех трех родов жизни, т. е. свободной от житейских дел, деятельной или образованной из того и другого ее родов, то хотя и может каждый без вреда для веры проводить жизнь во всяком упомянутом роде и достигнуть вечных наград, важно, однако же, то, какого из них держится он из любви к истине, какому посвящает себя из долга любви. И каждый не настолько должен чураться житейских дел, чтобы в этом своем покое не думать о пользе ближнего; и не настолько быть деятельным, чтобы не предаваться размышлению о Боге. В покое от дел не бездеятельная праздность должна доставлять удовольствие, а изыскание или открытие истины; чтобы каждый преуспевал в ней, чтобы сохранил, что открыл, и другому не завидовал. При деятельности же предметом любви должны быть не почет в настоящей жизни или власть (ибо все суетно под солнцем), а само дело, которое делается порою посредством почета и власти, если делается правильно и с

пользой, т. е. так, чтобы могло послужить тому благосостоянию подчиненных, которое соответствует воле Божией, как об этом мы уже говорили выше.

Поэтому апостол и говорит: “Если кто епископства желает, доброго дела желает” (I Тим. III, 1). Апостол хотел пояснить, что такое епископство: это — название дела, а не чести. Слово это греческое и смысл его таков, что поставленный над чем-нибудь надзирает за тем, над чем поставлен, имея о нем попечение. Ибо *επι* значит *super* (над); *σκοπος* же — *intentio* (цель, намерение); следовательно, мы можем, если захотим, выразить (греческое “епископ”) латинским словом *superintendere*, чтобы дать понять, что тот не епископ, кто предпочитает начальствовать, а не приносить пользу. Итак, ревностное стремление к познанию истины не воспрещается никому; это похвальная сторона покоя от житейских дел. Но высшего места, без которого невозможно управление народом, хотя бы на него вступали и занимали его как следует, добиваться, однако же, неприлично. Святого покоя ищет любовь к истине; общественные обязанности принимает на себя неизбежный долг любви. Если никто этого бремени не налагает, следует пользоваться досугом для познания и созерцания истины; если же его налагают, его следует принять по неизбежному долгу любви. Но и в последнем случае не следует отказываться от удовольствия, доставляемого истиной, чтобы та приятность не исчезла, а эта необходимость не подавила.

Глава XX

Если, таким образом, высочайшее благо града Божия заключается в мире вечном и совершенном, — не в том, который переживают смертные, рождаясь и умирая, а в том, в котором пребывают бессмертные, не терпя вовсе никакого бедствия: то кто станет отрицать, что та жизнь — блаженнейшая; или кто не признает, что в сравнении с тою настоящая жизнь — самая жалкая, какими бы внешними душевными и телесными благами она не изо-

иловала? Впрочем, кто проводит последнюю так, что пользуется этою для достижения той, составляющей предмет его пламенной любви и непоколебимой надежды, о том не без основания можно сказать, что он и в настоящей жизни блажен, но только — надеждой, а не в действительности. Настоящая же действительность без этой надежды есть блаженство ложное и бедствие великое, ибо пользуется неистинными душевными благами. То не истинная мудрость, которая свои усилия в том, что она разумно различает, мужественно совершает, умеренно сдерживает, справедливо распределяет, направляет не к тому концу, в котором “Бог все во всем” (I Кор. XV, 28), а с Ним — вечность неизменная, мир совершенный.

Глава XXI

Теперь уместно исполнить обещание, данное во второй книге этого сочинения: доказать с возможной краткостью и ясностью, что Римской республики, соответственно тем определениям, какие дает ей у Цицерона в книгах “О республике” Сципион, никогда не существовало. Республику он определяет кратко, как дело народа. Если такое определение верно, то республики Римской не существовало никогда, потому что она никогда не была делом народа, на которое указывает определение республики. Ибо народ он определяет как совокупность множества людей, соединенных взаимно согласием в праве и общию пользой. А что называет он согласием в праве, он объясняет в своих рассуждениях, показывая, что республика не может управляться без справедливости. Итак, где нет истинной справедливости, там не может быть и права. Ибо что бывает по праву, то непременно бывает и справедливо. А что делается несправедливо, то не может делаться и по праву.

Нельзя считать и называть правом несправедливые постановления людей. Сами же они называют правом то, что имеет свой источник в справедливости, и ложью то, что имеют обычай утверждать люди неправильного образа

мыслей, будто бы право есть то, что полезно более сильному. Поэтому, где нет истинной справедливости, там не может быть и совокупности людей, соединенных взаимно согласием в праве; следовательно, не может быть и народа, соответственно приведенному определению Сципиона или Цицерона; а если нет народа, нет и дежа народного, а есть дело какой-нибудь толпы, недостойной имени народа. Таким образом, если республика есть дело народа, народа же нет, если он не соединен согласием в праве; и права нет, где нет справедливости, то отсюда несомненно следует, что, где нет справедливости, там нет республики. Далее, справедливость есть такая добродетель, которая отдает каждому, что ему следует. Какова же после этого та человеческая справедливость, которая самого человека отнимает у истинного Бога и подчиняет нечистым демонам? Значит ли это отдавать каждому, что ему следует? Или отнимающий землю у того, кем она куплена, и отдающий ее тому, кто не имеет на нее никакого права, несправедлив; а кто самого себя отнимает у владычествующего Бога, Которым создан, и вступает в рабство к коварным демонам, справедлив?

В тех же самых книгах “О республике” весьма остроумно и сильно защищается справедливость против несправедливости. Сперва выступает сторона, защищающая несправедливость против справедливости и утверждающая, что республика не может держаться и расширяться иначе, как посредством несправедливости. В качестве самого сильного положения выставляется следующее: несправедливо, что люди находятся в рабстве у людей господствующих; а между тем, если бы располагающий властью город, которому принадлежит великая республика, не руководствовался этой несправедливостью, он не мог бы повелевать провинциями. Сторона, защищающая справедливость, отвечает, что это справедливо потому, что для таких людей полезно рабство, что оно бывает к их выгоде, когда устанавливается как следует, т. е. когда у дурных людей отнимается возможность причинять обиды; покоренные, они будут лучше, потому что в состоянии независимости были хуже. А чтобы подкрепить этот довод, приводится

как бы прекрасный пример, заимствованный от природы, и говорится: “Ради чего же Бог повелевает человеком, душа — телом, разум — похотью и другими порочными сторонами души?” Этот пример действительно показывает, что некоторым полезно рабство, а служить Богу — полезно всем. Служащая же Богу душа правильно повелевает телом, и в самой душе покорный Господу Богу разум правильно повелевает похотью и остальными пороками. Поэтому какую справедливость можно предполагать в человеке, не служащем Богу, коль скоро ни душа телом, ни человеческий разум пороками отнюдь не могут повелевать справедливо, не служа Богу? А если в таком человеке нет никакой справедливости, то без всякого сомнения ее нет и в собрании человеческом, состоящем из таких людей. Следовательно, нет в этом собрании и того согласия в праве, которое образует из толпы человеческой народ, дело которого называют республикой.

Зачем мне после этого говорить о пользе, связанная общностью которой совокупность людей, согласно упомянутому определению, называется народом? Ведь если вникнуть в дело надлежащим образом, то нет никакой пользы от жизни тем, которые живут нечестиво, как живет всякий, кто не служит Богу, а служит демонам; тем более нечестивым, чем более они, будучи самими нечестивыми духами, желают, чтобы им приносили жертвы как богам. Но полагаю, что сказанного нами о согласии в праве достаточно, чтобы видеть, что есть по смыслу упомянутого определения тот народ, образующий так называемую республику. Говорят, правда, что римляне в своей республике служили не нечестивым духам, а добрым и святым богам. Но неужели мы должны по несколько раз повторять то, о чем сказали уже достаточно, и даже более, чем достаточно? Кто из прочитавших предшествующие книги этого сочинения до настоящего места может еще сомневаться, что римляне служили злым и нечистым демонам, если он только не крайне глуп и не бесстыднейшим образом упрям? Оставляю даже в стороне вопрос о том, каковы те, кого они чтили жертвоприношениями; в законе Бога истинного написано “Приносящий жертву богам, кроме одного Гос-

года, да будет истреблен” (Исх. XXII, 20). Заповедавший это не хотел, чтобы приносились жертвы ни добрым, ни злым богам.

Глава XXII

Но могут возразить: “Кто этот Бог, чем можно доказать, что римляне должны были повиноваться Его повелению и не чтить жертвоприношениями никого из богов, кроме Его?” Признак великого ослепления продолжать спрашивать: “Кто этот Бог?” Это тот Бог, пророки Которого предсказали то, что совершается на глазах у нас; это тот Бог, от Которого Авраам получил ответ: “Благословятся в семени твоём все народы земли” (Быт. XXII, 18). Что это исполнилось в лице Христа, по плоти происшедшего от его семени, вольно или невольно признают даже те, которые остались врагами христианства. Это тот Бог, божественный Дух Которого говорил устами тех, чьи предсказания и исполнение этих предсказаний в лице Церкви, распространенной на наших глаза по всему миру, я изложил в предшествующих книгах. Это тот Бог, Которого ученейший из римлян, Варрон, считает Юпитером, хотя не знает сам, что говорит. Я счел нужным упомянуть об этом потому, что муж с такими познаниями не мог ни отрицать этого Бога, ни считать Его маловажным. Он думал, что это тот Бог, Которого он считал высочайшим. Наконец, это тот самый Бог, Которого ученейший из философов, хотя и величайший враг христиан, Порфирий, признает великим богом, следуя оракулам тех, кого считает богами.

Глава XXIII

В книгах, которые он надписывает *εκ λογικων φιλοσοφιας* и в которых подробно излагает и описывает якобы божественные ответы о вещах, относящихся к философии, он (приведу его собственные слова, как они переведены с греческого языка на латинский) говорит: “Спрашивавшему, молитвою к какому богу мог бы он отвлечь жену

свою от христианства, Аполлон отвечал в стихах следующее”. Потом приводятся такие слова якобы Аполлона: “Можешь, пожалуй, скорее научиться чертить письма по воде или, расправив легкие крылья, летать как птица, чем вернешь назад чувство оскверненной и нечестивой жены. Пусть продолжает, как хочет, упорствуя в пустых обманах и воспевая лживыми рыданиями мертвого Бога, Которого, погубленного правильно мыслящими судьями, умертвила самая худшая из благовидных, совокупно с железом, смерть”. После этих стихов Аполлона, переведенных на латинский язык без соблюдения метра, он продолжает так: “Уклонение их не поддающихся исправлению мыслей он указал в следующих словах: “Иудеи веруют в Бога более, чем эти”. Таким образом он, бесчестя Христа, ставит иудеев выше христиан, признавая, однако, что иудеи веруют в Бога. Ибо тот стих Аполлона, в котором последний говорит, что Христос был убит правильно мыслящими судьями, он изложил так, как если бы Христос вследствие справедливого их суда был подвергнут заслуженному наказанию.

Действительно ли лживый предсказатель Аполлона говорил это о Христе, а Порфирий ему поверил, или последний сам, быть может, сочинил речь, которую тот не говорил, это его дело; но насколько он верен самому себе, насколько у него согласуются друг с другом изречения оракулов, это мы увидим после. Пока же заметим, что об иудеях, как верующих в Бога, он говорит, что они правильно судили о Христе, когда решили подвергнуть Его самому мучительному роду смерти. Следовательно, Бога иудеев, Которого он признает за Бога, должно слушать, когда Он говорит: “Приносящий жертву богам, кроме одного Господа, да будет истреблен” (Исх. XXII, 20). Но послушаем дальше, сколь великим представляет он Бога иудеев. На подобный же вопрос Аполлону, что лучше: слово ли, или разум, или закон, последний, по его словам, “отвечал стихами, говоря так”. Затем он приводит стихи Аполлона. Из их числа считаю достаточным привести следующее: “В Бога же родоначальника и в высшего Царя, пред Которым трепещут и небо, и земля, и море, и сокровенные

убежища преисподних, и ужасаются сами божества; для них закон есть Отец, которого чтут истинно святые евреи”. Этим изречением оракула своего бога Аполлона Порфирий представляет Бога евреев таким великим, что его ужасаются и сами божества. Если же Бог этот сказал: “Приносящий жертву богам, кроме одного Господа, да будет истреблен”, то удивляюсь, как не пришел в ужас сам Порфирий и, принося жертвы богам, не устрасился подвергнуться истреблению.

Говорит этот философ и хорошее о Христе, как бы забыв о своем поношении Его, о котором мы перед этим упоминали, или как бы боги его злословили Христа во сне, а пробудившись, нашли добрым и похвалили по достоинству. Потом, как бы намереваясь высказать нечто удивительное и невероятное, он говорит: “Некоторым, без сомнения, покажется неожиданностью то, что мы скажем. Боги провозгласили Христа благочестивейшим и сделавшимся бессмертным и отзывались о Нем с большой похвалой; но христиан, — говорит, — они называют порочными, оскверненными, преданными заблуждению, употребляя в их адрес и многие другие укоризны”. Вслед за этим он приводит нечто вроде оракульских изречений богов, поносящих христиан. А затем говорит: “Когда спрашивали о Христе, Бог ли Он, Геката отвечала: “Шестивие бессмертной души после тела тебе известно; блуждает же душа, потерявшая истину; то — душа мужа, превосходнейшего в благочестии, но чтут ее не сообразно с ее действительным состоянием”.

Вставляя после этих изречений якобы оракула собственные слова, Порфирий говорит: “Итак, она сказала, что Он — муж благочестивейший, и что душа Его, как и души других благочестивых людей, одарена после разлучения с телом бессмертием, но что христиане чтут ее невежественно. А на вопрос: за что же Он осужден? — богиня, — продолжает он, — отвечала: “Тело всегда подвержено истязаниям и увечьям, душа же благочестивого пребывает в небесном жилище. Та же душа определением судеб позволила впасть в заблуждение другим душам, которым рок не дал ни пользоваться дарами богов, ни

иметь познание о бессмертном Юпитере. Поэтому они ненавистны богам; ибо им, которым не суждено было ни знать Бога, ни получить дары от богов, — им, определением судьбы, Он дал впасть в заблуждение. Сам же Он благочестив, и как благочестивый удалился в небо. Итак, Его не хули, но пожалей о безумии людей, об их легком и опасном через Него падении”.

Кто до такой степени глуп, чтобы не понять: эти изречения оракулов придуманы лукавым человеком, который в то же время — страшный враг христиан; не исключено, что эти ответы с подобным же умыслом были даны нечестивыми демонами. Хвалят Христа, чтобы придать большую правдоподобность своим поношениям христиан; чтобы таким образом заградить, если возможно, путь к вечному спасению, на котором стоит каждый христианин. Они чувствуют, что их лукавому искусству вредить тысячью различных способов несколько не помешает, если им поверят, когда они будут хвалить Христа, лишь бы только поверили им, когда они в то же время будут хулить христиан; кто поверит тому и другому, того они сделают таким хвалителем Христа, что он не захочет быть христианином; а потому и хвалимый им Христос не освободит его от господства демонов. Ведь хвалят они Христа так, что всякий, кто уверует в Него такого, каким они Его выставляют, будет не истинным христианином, а еретиком Фотинианом, который Христа считал только человеком, но не Богом; и потому не сможет ни получить через Него спасения, ни избежать ловушек, расставляемых этими лживыми демонами, ни освободиться от них.

Мы, со своей стороны, не можем принять ни слова Аполлона, который поносит Христа, ни Гекаты, которая хвалит Его. Тот выставляет Христа как бы неправым, говоря, что Он был убит правильно мыслящими судьями, а эта — человеком благочестивейшим, но только человеком. У обоих, однако же, цель одна: они не хотят, чтобы люди были христианами, потому что не став христианами, они не смогут высвободиться из-под их власти. Философ же тот, или лучше, те, которые верят таким якобы оракульским изречениям против христиан, пусть позаботятся, если

могут, чтобы Геката и Аполлон предварительно согласились между собою относительно самого Христа и оба или в один голос осуждали Его, или оба одинаково хвалили. Но если бы им и удалось это сделать, мы, тем не менее, все равно избегали бы лживых демонов, хвалили бы они или хулили Христа. Теперь же, когда их бог и богиня противоречат друг другу, тот укоряя, а эта хваля Христа, и их хулам на христиан не верят люди, если сами правильно мыслят.

В самом деле, хваля Христа, Порфирий ли то, или Геката, когда говорит, что Он же дал христианам впасть по определению судьбы в заблуждение, раскрывает и причины этого, как он думает, заблуждения. Прежде, чем излагать эти причины его же словами, я спрошу: если Христос дал христианам впасть по определению судьбы в заблуждение, хотел Он или не хотел дать им впасть? Если хотел, то каким образом Он справедлив? Если не хотел, то каким образом Он блажен? Но выслушаем сами причины заблуждения. “Существуют, — говорит он, — в некоем месте самые низшие земные духи, подчиненные власти злых демонов. От этих злейших и низших духов предостерегали благочестивых людей мудрейшие из евреев, к числу которых принадлежал и Иисус, как сказано это в вышеприведенных божественных изречениях Аполлона; они запрещали совершать им празднества, чтить же велели преимущественно небесных богов, а наиболее всех — Бога Отца. То же самое, — прибавляет он, — заповедают и боги, и мы показали выше, как они увещевают душу обратиться к Богу и как повсюду повелевают почитать Его. Но невежественные и нечестивые люди, которым судьба справедливо не дозволила ни воспользоваться дарами богов, ни иметь понятия о бессмертном Юпитере, не слушая ни богов, ни божественных мужей, отвергли всех богов, а запрещенных демонов не только не возненавидели, но и стали почитать. Притворяясь же, что поклоняются Богу, не делают того, в чем единственно выражается поклонение Богу. Ибо хотя Бог, всемогущий Отец всего, не нуждается ни в чем, но полезно для нас самих, когда мы поклоняемся Ему правдой, чистотой и другими до-

бродетелями, обращая в молитву к Нему саму нашу жизнь через подражание и искание Его. Ибо искание, — говорит он, — очищает, а подражание обоготворяет, производя любовь к Нему”.

О Боге Отце он сказал хорошо; хорошо сказал он и о том, какими нравами следует почитать Его. Подобными заповедями наполнены пророческие книги евреев, когда в них порицается (жизнь нечестивых) или хвалится жизнь святых. Но в отношении христиан он столько заблуждается и столько позволяет себе клеветы, сколько желают того демоны, которых он считает богами; как-будто так трудно припомнить, сколько гнусного, сколько безобразного совершается под видом служения богам в театрах и храмах, и сопоставить это с тем, что читается, говорится, выслушивается в церквях или что приносится Богу истинному, и понять из этого, где совершается созидание, а где — разрушение нравов. Кто же, как не диавольский дух, подсказал или внушил ему такую вздорную и открытую ложь, будто христиане обращаются с почитанием, а не питают ненависть к тем демонам, которых запрещали почитать евреи? Тот Бог, Которого чтители мудрейшие из евреев, запрещает приносить жертвы даже небесным и святым ангелам и силам Божиим, которых мы в этом смертном странствовании нашем почитаем и любим как блаженнейших своих сограждан, когда гремит в законе Своем, данном Им еврейскому народу, и с величайшим требованием говорит: “Приносящий жертву богам... да будет истреблен”. А чтобы кто-нибудь не подумал, будто велено не приносить жертв только злейшим демонам или, как называет их Порфирий, самым низшим (ибо и эти в священном Писании называются богами, но не евреев, а язычников; что с ясностью подтвердили Семьдесят толковников в псалме, говоря: “Ибо все боги народов — идолы” (Пс. XCV, 5)), — итак, чтобы не подумал кто-нибудь, что запрещено приносить жертвы только этим демонам, а небесным, всем ли то, или некоторым, дозволено, тотчас же прибавляет: “Кроме одного Господа”, т. е. исключительно только Господу. Слыша выражение: “Только одному (soli) Господу”, пусть кто-нибудь не сочтет

Господом солнце (solem) и не подумает, что ему следует приносить жертвы; что это следует понимать не так, весьма легко уясняется из греческого Писания.

Итак, еврейский Бог, к Которому высказывает такое глубокое уважение и упомянутый великий философ, дал Своему еврейскому народу закон, написанный на еврейском языке, не какой-нибудь невразумительный и неведомый, а сделавшийся уже известным всем народам, в котором сказано: “Приносящий жертву богам, кроме одного Господа, да будет истреблен” (Исх. XXII, 20). Нужно ли по этому предмету отыскивать многое в Его законе и в Его же пророках? Даже не отыскивать, так как указания на это не темны и не редки, а собирать и излагать в настоящем моем исследовании то, из чего яснее света обнаруживается, что истинный и высочайший Бог не хотел, чтобы жертвы приносились вообще кому бы то ни было, кроме Него самого? Пусть это одно, кратко, но возвышенно, с угрозой, но справедливо сказанное тем Богом, Которого так превозносят их ученейшие люди, выслушивается, наводит страх, исполняется, чтобы неповинующиеся не подверглись истреблению. “Приносящий, — говорит, — жертву богам, кроме одного Господа, да будет истреблен”; это не потому, чтобы Он имел нужду в какой-либо вещи, но потому, что для нас спасительно, чтобы мы были Его вещью. Поэтому-то в священных Писаниях евреев поется: “Я сказал Господу: Ты Господь мой; блага мои Тебе не нужны” (Пс. XV, 2). Чистейшая и превосходнейшая жертва Ему — мы сами, т. е. град Его; таинство этого мы совершаем своими приношениями, которые известны верным, как о том мы говорили в предшествующих книгах. Ибо о прекращении жертв, которые приносились иудеями, жившими в сени, и о приношении народами от востока солнца и до запада одной жертвы, как это совершается уже на глазах у нас, много и громко говорили божественные изречения через еврейских пророков; некоторые из этих изречений, по мере надобности, мы уже приводили в настоящем сочинении.

В силу этого там, где нет той справедливости, чтобы единый и высочайший Бог повелевал повинующемуся по

Его благодати граду не приносить жертв никому, кроме Его самого, а вследствие этого во всех людях, принадлежащих к тому граду, законным порядком душа вполне повелевала бы телом и разум — пороками; чтобы как каждый отдельно праведник, так и собрание и народ праведников жил верою, проявляющей свои действия в любви, которой человек любит Бога соответственно тому, как должен быть любим Бог, и ближнего, как самого себя, — где, говорю, нет такой справедливости, там решительно нет собрания людей, объединенного согласием в праве и общностью пользы. Если же последнего нет, то нет, конечно, и народа, если подобное определение народа верно. Следовательно, нет и республики; нету народного дела там, где нет самого народа.

Глава XXIV

Если же народу дать не это, а другое определение, если сказать, например: народ есть собрание разумной толпы, объединенной некоторой общностью вещей, которые она любит; — в таком случае, чтобы видеть, каков тот или иной народ, нужно обратить внимание на то, что он любит. Что бы, впрочем, он ни любил, если это собрание не животной толпы, а существ разумных, и если оно объединено общностью любимых ими вещей, оно не без основания носит название народа. Народ будет, конечно, настолько лучше, насколько он единоклубен в лучшем, и настолько хуже, насколько единоклубен в худшем. По нашему последнему определению римский народ, действительно, есть народ; и дело его, без всякого сомнения, есть дело публичное — республика. Что любил этот народ в свои первые и последующие времена и вследствие каких нравов, дойдя до жестоких возмущений, а от них до союзнических и гражданских войн, пошатнул и расстроил это единоклубие, составляющее некоторым образом здоровье народа, о том свидетельствует история. В предыдущих книгах мы многое привели из нее.

Из этого, однако же, не следует, чтобы он не был народом или чтобы дело его не было республикой, пока остается какое бы то ни было собрание разумной толпы, объединенной общностью вещей, которые любит. А что я сказал об этом народе и об этой республике, то нужно считать за сказанное мною и за мой образ мыслей о народе и республике афинян или каких-либо других греков, о народе и республике египтян, о том первом Вавилоне ассирийцев, когда в народном управлении своем держали они малые и великие царства, и о всяком другом каком бы то ни было народе. Вообще, град нечестивых, который не находится в повиновении у Бога, повелевшего, чтобы жертвы приносились только Ему одному, и в котором вследствие этого душа правильным образом не повелевает телом, а разум — пороками, чужд истинной справедливости.

Глава XXV

Хотя бы и казалось, что душа блестящим образом повелевает телом, а разум — пороками, но если сама душа и разум не служат Богу так, как Бог заповедал служить Ему, они отнюдь не повелевают телом и пороками правильным образом. Ибо каким господином над телом и пороками может быть ум, не ведающий об истинном Боге, не подчиненный Его власти, а поддавшийся под развращающее влияние порочнейших демонов? Почему и сами добродетели, которыми, по-видимому, он располагает, через которые повелевает телу и порокам принимать или удерживать то или иное направление, если он к Богу их не относит, скорее пороки, чем добродетели. Хотя некоторые тогда считают добродетели истинными и честными, когда они бывают относимы только к ним самим, а не ищутся ради чего-либо другого; но тогда они — надменны и горды, а потому должны считаться не добродетельными, а порочными. Как не от плоти, но выше плоти то, что дает плоти жизнь; так не от человека, но выше человека то, что дает блаженную жизнь человеку, и не только человеку, но и всякой Власти и Силе небесной.

Глава XXVI

Поэтому, как жизнь плоти есть душа, так блаженная жизнь человека есть Бог; о чем священные Писания евреев говорят: “Блажен народ, у которого Господь есть Бог” (Пс. CXLIII, 15). Следовательно, отчужденный от Бога народ несчастен. Но и этот народ любит своего рода мир, хотя и не отличающийся честностью, которого, впрочем, в конце иметь не будет, так как прежде конца ненадлежащим образом им пользуется. А чтобы до времени он в этой жизни имел его, это важно и для нашего града; пока оба града взаимно перемешаны, пользуемся и мы миром Вавилона, из которого народ Божий освобождается верою так, как если бы находился в нем во временном странствии. Поэтому-то и апостол увещевает церковь молиться за царей и начальствующих, прибавляя: “Дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте” (I Тим. II, 2). И пророк Иеремия, когда предсказывал древнему народу Божию предстоящий плен и от лица Божия повелевал, чтобы с покорностью шли в Вавилон, служа своему Богу самим этим терпением, убеждал также, чтобы молились за него (Вавилон), говоря, что “при благосостоянии его и вам будет мир” (Иерем. XXIX, 7); мир, разумеется, временный, общий и добрым и злым.

Глава XXVII

Наш же частный мир и в данное время есть с Богом в вере, и в вечности будет с Ним в видении (II Кор. V, 7). Но в данное время как тот общий, так и наш особенный мир таков, что представляет собою скорее утешение в несчастье, чем радость блаженного состояния. Даже сама справедливость наша, хотя и истинна по причине конечной цели истинного блага, к которой имеет непосредственное отношение, в этой жизни, однако же, такова, что скорее осуществляется отпущением грехов, чем усовершенанием добродетелей. Свидетельствует об этом молитва града Божия, странствующего на земле. Ибо через всех членов своих

Он взывает к Богу: “Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим” (Мф. VI, 12). Не за тех действительна эта молитва, вера которых без дел мертва (Иак. II, 17 и 26); но за тех, чья вера действует любовью (Гал. V, 6). Ибо, будучи и в подчинении Богу, но в условиях настоящей смертности и в тленном теле, обременяющем душу, разум не может вполне повелевать пороками. Потому и необходима праведным такая молитва. Как в действительности ни повелевают, никогда не повелевают без столкновения с пороками. И у хорошо сражающегося, и у господствующего после победы над такими врагами и подданными непременно в условиях настоящей немощи укроется от глаз что-нибудь такое, в чем он согрешил если не уклончивым действием, то нетвердым словом или летучей мыслью. И потому, пока приходится повелевать пороками, полного мира нет; потому что и с теми, которые сопротивляются, ведется война, полная опасностей; и те, которые побеждены, не оставляют еще места безопасному и спокойному торжеству, а должны удерживаться в подавленном состоянии заботами повелевающей власти. В таких искушениях, о которых божественными словами коротко сказано: “Не определено ли человеку время на земле?” (Иов. VII, 1), — в таких искушениях разве только человек надменный представляет себя живущим так, что он не имеет нужды говорить Богу: “Прости нам долги наши”. Поистине, не велик, а надменен и напыщен, которому справедливо противится Тот, Кто дает благодать смиренным. Потому и написано: “Бог гордым противится, а смиренным дает благодать” (Иак. VI, 6; I Пет. V, 5).

Итак, в настоящей жизни справедливость в ком бы то ни было сводится к тому, чтобы Бог повелевал повинующимся Ему человеком, душа — телом, а разум — пороками, еще упорствующими или уже подавленными; и чтобы у самого же Бога просить и благодати заслуг, и прощения грехов, и Ему же приносить благодарение за полученные блага. В состоянии же того конечного мира, с которым должна соотноситься и для достижения которого должна соблюдаться эта справедливость, так как

восстановленная в бессмертии и неповрежденности природы пороков иметь не будет и так как никто из нас ни со стороны другого, ни в себе самом не будет встречать никакого сопротивления, не будет уже нужды, чтобы разум повелевал пороками, которых не будет вовсе. Но будет повелевать Бог человеком и душа телом; и в повиновении там будет такая же приятность и легкость, каковым будет и счастье в жизни и царствовании. И во всех и в каждом это будет там вечным, а вечное будет несомненным. А потому мир того блаженства, или блаженство того мира, будет высочайшим благом.

Глава XXVIII

Тем же, которые не принадлежат к этому граду Божию, предстоит тогда вечно продолжающееся бедствие. Оно называется еще второю смертью, потому что нельзя сказать, что они будут там жить, ни о душе, которая будет отчуждена от жизни Божией, ни о теле, которое будет подвержено вечным скорбям. В том и состоит ужас этой второй смерти, что она не будет в состоянии окончиться смертью. Но так как подобно противоположению несчастья и блаженства, смерти и жизни, предполагается также и противоположение войны и мира, то не без основания задают вопрос: если в качестве конечного блага проповедуется и восхваляется мир, то, в противоположность этому, что за война и какого свойства может предполагаться как конечное зло? Ставящий такой вопрос пусть обратит внимание на то, что в войне вредно и опасно, и тогда он увидит, что это не что иное, как взаимная вражда и столкновение вещей. Какую же войну можно придумать тяжелее и ужаснее той, когда воля так неприязненна страсти, а страсть — воле, что подобной вражде не может положить предел никакая с их стороны победа; или когда сила страдания вступает в борьбу с самой природой тела так, что ни одна из них не уступает другой? Когда в настоящей жизни происходит подобное столкновение, то или побеждает страдание и смерть от-

...мает ощущение боли, или побеждает природа и ощущение боли устраняется выздоровлением. Но там и страдание будет оставаться, чтобы терзать, и природа будет продолжать свое существование, чтобы ощущать страдание; то и другое не прекратится, чтобы не прекратилось наказание. А так как к этому конечному благу и к конечному злу, к тому, желательному, и к этому, наводящему ужас, к первому добрые, а к последнему злые перейдут вследствие суда, то об этом суде я поговорю, насколько даст Бог, в следующей книге.

КНИГА ДВАДЦАТАЯ

Глава I

Намереваясь говорить о дне последнего суда Божия, который будет производить Он сам, и имея в виду защитить действительность его против нечестивых и неверующих, мы должны начать с божественных свидетельств, положив их как бы в основу здания. Не желающие верить этим свидетельствам стараются противопоставить им ложные и обманчивые доводы человеческого разума или для того, чтобы доказывать, будто приводимые из священных Писаний свидетельства имеют иное значение, или для того, чтобы вовсе отрицать в них божественность изречений. Ибо не найдется, по моему мнению, смертного, который бы, поняв эти свидетельства в их буквальном смысле и веря, что они изречены высочайшим и истинным Богом через святые души, не принял бы их к сердцу и не согласился бы с ними; выразит ли он это открыто, или постыдится и побоится признаться в том вследствие какой-нибудь слабости; или же по упрямству, весьма похожему на помешательство, будет со всевозможным старанием защищать заведомую и сознательную ложь против заведомой и признанной всеми истины.

Итак, вся церковь истинного Бога исповедует и проповедует, что Христос должен прийти с неба судить живых и мертвых. Это мы называем окончательным днем божественного суда, т. е. последним временем. Ибо сколько дней продолжится этот суд, неизвестно; но всякий, пусть даже и невнимательно читающий священное Писание, знает, что там слово “день” обыкновенно употребляется в смысле времени. Но, говоря об этом дне суда, мы прибавляем: окончательный или последний, потому что Бог судит и теперь, судил и с самого начала человеческого рода, когда изгнал из рая и удалил от дерева жизни первых людей, совершивших великое преступление; судил, несомненно, и тогда, когда не пощадил согрешивших ангелов, глава которых, погубив себя, погубил из зависти и

людей. Не без Его же высокого и справедливого суда, как в воздушных пространствах неба, так и на земле, переполнена заблуждениями и скорбями несчастнейшая жизнь и демонов, и людей. Да если бы никто и не согрешил, не без благого и праведного суда Он удерживал бы в блаженном состоянии всю вообще разумную тварь, питающую неизменную привязанность к Нему, как к своему Господу.

Судит Он, притом, не только всеобщим образом, карая демонский и человеческий род нечестием соответственно тяжести первых грехов, но судит Он и личное дело каждого, совершаемое по произволу воли. Ибо и демоны молятся, чтобы не терпеть мучений (Мф. VIII, 29); и когда им оказывается пощада или каждый из них терпит мучения соответственно своему непотребству, это во всяком случае бывает без нарушения справедливости. И люди, большею частью открыто, тайным же образом — всегда, несут за свои дела божественные наказания, в этой ли жизни, или после смерти; хотя ни один человек не поступает надлежащим образом без содействия божественной помощи, ни один демон и ни один человек не поступает несправедливо, если это не бывает попущено ему тем же справедливейшим божественным судом. Ибо, как говорит апостол, нет неправды у Бога (Рим. IX, 14). И как тот же апостол говорит в другом месте: “Непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его” (Рим. XI, 33).

Итак, в настоящей книге я буду говорить не о тех первых, и не об этих промежуточных Божиих судах, а о самом последнем суде, насколько Он же будет творить этот суд, когда придет с неба Христос, чтобы судить живых и мертвых. Называется он днем суда в собственном смысле, потому что там уже не останется места для недоуменных вопросов, почему этот несправедливый человек счастлив, а тот праведник — несчастен. Ибо тогда истинное и полное счастье обратится в удел добрых, а заслуженное и величайшее несчастье — в удел злых.

Глава II

В настоящее же время мы учимся и зло переносить равнодушно, так как его терпят и добрые, и благам не придавать большого значения, так как ими пользуются и злые. Поэтому божественное учение оказывается спасительным и при настоящих обстоятельствах, когда божественная справедливость не проявляется с очевидностью. Ибо мы не знаем, по какому Божию суду тот добрый человек беден, а этот злой — богат; тот, кто за свои развратные нравы, по нашему мнению, должен был бы терзаться скорбями, радуется, а этот, чья похвальная жизнь должна была бы приносить радости, терпит огорчения; невинный выходит из суда не только не отмытым, но и осужденным, не имея сил бороться с неправдой судьбы или опровергнуть ложные свидетельства, а злодей, его противник, наоборот, не только безнаказанным, но и торжествующим над ним; нечестивый пользуется отменным здоровьем, благочестивый изнывает в расслаблении; разбойничают юноши самого превосходного здоровья, а кто не мог оскорбить кого-либо и словом, тот подвергается разного рода жестоким болезням; ранняя смерть уносит полезных для человечества детей, а кому, казалось бы, не следовало и родиться, тот живет сверх меры долго; обремененный преступлениями окружен общественным уважением, а человека безупречного скрывает мрак неизвестности, и так далее; кто соберет или перечислит все подобные явления? Будь в этих явлениях, при самой их как бы нелепости, определенное постоянство, так, чтобы в этой жизни, в которой “человек, — по выражению священного псалма, — подобен дуновению; дни его — как уклоняющаяся тень” (Пс. СХLIII, 4), преходящими и земными благами пользовались только злые, а зло терпели лишь добрые, — это можно было бы отнести к справедливому и даже благосклонному суду Божию; для тех, которые не имеют наследовать благ вечных, дающих блаженство, блага преходящие и земные служили бы или соблазном, соответственно их злобе, или утешением, по милосердию Божию; а для тех, которым вечные мучения не угрожают,

временные бедствия служили бы или наказанием за их какие-либо большие или малые грехи, или упражнением для их добродетелей. Теперь же, когда не только добрые терпят бедствия, а злые благоденствуют, что представляется несправедливым, но когда очень часто бывает и так, что злые терпят бедствия, а добрые достигают благосостояния, — судьбы Божии делаются еще более непостижимыми, и пути Его — неисследимыми (Рим. XI, 33).

Итак, хотя мы не знаем, по какому суду делает или допускает это Бог, у Которого высочайшая сила, высочайшая мудрость и высочайшая правда, и у Которого нет слабости, нет неосмотрительности и нет неправды, однако мы спасительно научаемся не придавать большого значения тем благам или злу, которые видим общими и добрым, и злым, а искать тех благ, которые исключительно принадлежат добрым, и избегать тех зол, которые составляют исключительную принадлежность злых. Когда же мы явимся на этот Божий суд, время которого по преимуществу называется днем суда, а иногда днем Господним, тогда обнаружится высшая степень справедливости не только того суда, который будет изречен в то время, но и того, который был изрекаем от начала, и того, который будет изрекаться до того времени. Там также обнаружится, как справедлив суд Божий и в том отношении, что в настоящее время столь многие, даже почти все справедливые суды Божии укрываются от чувства и понимания смертных; хотя, впрочем, в этом деле от веры благочестивых не укрывается, что это сокровенное — справедливо.

Глава III

Соломон, например, мудрейший царь израильский, царствовавший в Иерусалиме, так начал книгу, которая называется книгой Екклесиаста и помещается иудеями в канон священных книг: “Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, — все суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?” (Еккл. I, 2, 3). Развивая эту мысль в применении ко всему

прочему, упомянув о скорбях и заблуждениях этой жизни и об исчезающем течении времен, в котором ничто не остается прочным, ничто — устойчивым, он некоторым образом оплакивает в этой суете вещей под солнцем и то, что хотя и есть преимущество мудрости над глупостью, как есть преимущество света над тьмой, и хотя очи мудрого в голове его, а глупый во тьме ходит, однако одна участь постигает их всех (Еккл. II, 13, 14); одна, разумеется, в этой жизни, которая проходит под солнцем. Участью называет он те бедствия, которые мы видим общими для добрых и злых. Указывает он и на то, что добрые терпят зло, как если бы были злыми, а злые пользуются благами, как если бы были добрыми, говоря так: “Есть и такая суета на земле: праведников постигает то, чего заслуживали бы дела нечестивых, а с нечестивыми бывает то, чего заслуживали бы дела праведников. И сказал я: и это — суета!” (Еккл. VIII, 14). В этой суете, достаточному уяснению которой премудрый муж посвятил целую упомянутую книгу для того, конечно, чтобы мы имели предметом желаний своих ту жизнь, которая слагается не из суеты под солнцем, а имеет своим содержанием истину под Тем, Кто сотворил это солнце, — в этой, говорю, суете, не по справедливому ли и правильному суду Божию обращается в ничтожество человек, сделавшийся подобным этой самой суете? В высшей степени важно, однако, противится ли он во дни этой суеты, или повинуется истине, не причастен или причастен истинному благочестию. Важно это не ради приобретения благ или избежания зол этой жизни, преходящих вследствие своей ничтожности; важно это ради будущего суда, вследствие которого добрые получают благо, а злые — зло, имеющие пребывать до конца.

Наконец, мудрый муж заключает эту свою книгу такими словами: “Бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека; ибо всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное, хорошо ли оно, или худо” (Еккл. XII, 13, 14). Можно ли сказать что-нибудь короче, справедливее, спасительнее? “Бойся, — говорит, — Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека”. Всяк, кто есть, есть хранитель заповедей Божиих,

Ибо кто не есть этот (хранитель), тот суть ничто, так как он не преобразается по образу истины, а остается в подобии суеты. “Ибо всякое дело”, т. е. все, что делается человеком в этой жизни, “Бог приведет на суд, и все тайное, хорошо ли оно, или худо”, т. е. на суд над всем, что казалось здесь презренным и потому не обращало на себя внимания. Ибо Бог и это видит, и этого не презирает, и не обходит его Своим судом, когда судит.

Глава IV

Итак, из свидетельств священного Писания об этом последнем суде Божиим, которые я предположил изложить, следует привести сперва свидетельства книг Нового, а потом и Ветхого завета. Хотя Ветхий предшествует по времени, Новый, однако же, должен предпочитаться ему по достоинству; ибо тот Ветхий был предвозвестником этого Нового. Новый поэтому будет изложен прежде, а для большего подтверждения приведутся и древние (свидетельства). К Ветхому относятся Закон и Пророки, к Новому — Евангелие и апостольские послания. Апостол же говорит: “Законом познается грех. Но ныне, независимо от закона, явилась правда Божия, о которой свидетельствуют закон и пророки. Правда Божия чрез веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих” (Рим. III, 20 — 22). Эта правда Божия относится к Новому завету и имеет свидетельство о себе в ветхих книгах, т. е. в Законе и Пророках. Итак, прежде должно быть изложено само дело, а потому взяты показания от свидетелей. Показывая, что именно этот порядок следует соблюдать, сам Иисус Христос говорит: “Книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое” (Мф. XIII, 52). Он не сказал: “старое и новое”, что сказал бы непременно, если бы не желал отдать предпочтение достоинству перед временем.

Глава V

Итак, укоряя города, в которых Он явил великие силы, но которые не уверовали, и ставя выше их иноплемеников, сам Спаситель говорит: “Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам” (Мф. XI, 22). И несколько ниже говорит другому городу: “Земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе” (Мф. XI, 24). Здесь Он очевиднейшим образом предсказывает будущий день суда. И в другом месте Он говорит: “Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаялись от проповеди Иониной; и вот, здесь больше Ионы. Царица Южная восстанет на суд с родом сим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона” (Мф. XII, 41, 42). Две вещи узнаем мы из этих слов: то, что настанет суд, и то, что он настанет с воскресением мертвых. Ибо говоря о ниневитянах и о царице Южной, он говорил, несомненно, об умерших; однако предсказал, что они восстанут в день суда. А сказал “осудят” не потому, чтобы они сами судили, но потому, что по сравнению с ними те будут достойно осуждены.

Еще в другом месте, говоря о смещении в настоящее время добрых и злых и о разделении их впоследствии, в день суда, Он привел притчу о посеве пшеницы и о посеве на нее плевел. Объясняя эту притчу ученикам своим, Он сказал: “Сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; поле есть мир; доброе семя, это — сыны Царствия, а плевелы — сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы. Посему, как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их. Кто имеет уши слышать, да слышит!” (Мф. XIII, 37 — 43). Хотя суда или дня суда Он здесь не назвал, но достаточно ясно

изобразил его самым делом и предсказал, что он имеет быть в конце века.

Он же говорил ученикам своим: “Истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, — в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых” (Мф. XIX, 28). Здесь мы узнаем, что Иисус будет судить вместе со своими учениками. Почему и в другом месте Он сказал иудеям: “И если Я силою веельзевула изгоняю бесов, то сыновья ваши чьею силою изгоняют? Посему они будут вам судьями” (Мф. XII, 27). На том основании, что Он говорит только о двенадцати, имеющих воссесть на престолы, мы не должны думать, будто с Ним будут судить только двенадцать человек. Числом двенадцать обозначена известная совокупность всех судящих по причине двух частей числа семь, которым обыкновенно обозначается совокупность всего: эти две части, т. е. три и четыре, умноженные одна на другую, дают двенадцать. Ибо и четырежды три, и трижды четыре — двенадцать. Возможна, впрочем, и другая причина, достаточно уясняющая употребление этого числа двенадцать. Но при буквальном понимании его, после того, как мы читаем о поставлении на место Иуды-предателя апостолом Матфея (Деян. I, 26), апостол Павел, который более всех потрудился (I Кор. XV, 10), не имел бы престола для суда; а между тем он прямо указывает, что вместе с другими святыми и сам принадлежит к числу судей, когда говорит: “Разве не знаете, что мы будем судить ангелов” (I Кор. VI, 3). Такая же несообразность при буквальном понимании числа двенадцати была бы и в применении к имеющим подлежать суду. Из того, что сказано “судить двенадцать колен Израилевых” не следует, будто колено Иуды, которое по числу тринадцатое, не будет ими судимо, или что они будут судить только этот народ, но не все остальные. А говоря “в пакибытии”, Он давал разуметь под именем пакибытия воскресение мертвых. Ибо наша плоть так же возродится нетлением, как возрождена душа наша верою.

Оставляю в стороне такие изречения о последнем суде, которые при внимательном рассмотрении представляются сомнительными или, скорее, относящимися к другому предмету, как-то: к тому пришествию Спасителя, которое все это время Он являет в Своей церкви, т. е. в ее членах, частным образом и в известной доле, так как вся она — тело Его; или к разрушению земного Иерусалима, так как и при речи об этом предмете говорится по большей части так, будто речь идет о конце века и о том последнем и великом суде. Разобраться во всем этом нельзя иначе, как только сопоставив между собою все, что говорится об этом предмете одинаково у трех евангелистов, Матфея, Марка и Луки. Что один из них говорит более темно, то другой излагает яснее; так что становится очевидным, какой смысл давать тому, что говорится относительно одного и того же предмета. Когда-то я уже сделал это в одном письме, которое написал к блаженной памяти мужу Гезихию, епископу Салокскому; озаглавлено это письмо “О конце века”.

Я перейду в настоящем случае непосредственно к тому, что в евангелие от Матфея говорится о разделении добрых и злых на суде Христовом, составляющем предмет нашего исследования и самом последнем. “Когда же, — говорит Иисус Христос, — придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: “приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне”. Тогда праведники скажут Ему в ответ: “Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? Когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? Когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе?”

И Царь скажет им в ответ: “истинно говорю вам: так как сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне”. Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: “идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его” (Мф. XXV, 31 — 41). Далее Он подробнейшим же образом, перечисляет им, чего они не сделали, что, по словам Его, сделали правые. На подобный же вопрос их, когда они видели Его нуждающимся в том, Он отвечает, что несделанное меньшим братьям Его, не сделано Ему; и заключая речь свою, говорит: “И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную” (Мф. XXV, 46). Евангелист же Иоанн повествует, что Он предсказал, что суд имеет быть по воскресении мертвых. Ибо сказав: “Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну, дабы все чтили Сына, как чтут Отца. Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его”, он тотчас же прибавил: “Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь” (Иоан. V, 22 — 24). Здесь Он сказал, что верные Его не придут на суд. Каким же образом они по суду будут отделены от злых и станут по правую от Него сторону? Очевидно, что в этом месте Он употребил слово “суд” вместо слова “осуждение”. В такой суд, действительно, не придут те, которые слушают слово Его и веруют в Пославшего Его.

Глава VI

Продолжая, Он говорит: “Истинно, истинно говорю вам: наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и услышавши оживут. Ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе” (Иоан. V, 25, 26). Он не говорит еще о втором воскресении, т. е. о воскресении тел, но говорит о первом, которое совершается ныне, чтобы отличить именно последнее. Он употребляет выражение: “Наступает время, и настало уже”, но это — воскресение не тел, а

душ. Ибо и души имеют свою смерть в нечестии и грехах; они мертвы этой смертью. Это о них тот же Господь говорит: “Предоставь мертвым погребать своих мертвецов” (Мф. VIII, 22), т. е. чтобы мертвые в душе погребали мертвых телом. Итак, имея в виду этих мертвых в душе нечестием и неправдой, Он говорит: “Наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и услышавши оживут”. Сказал “услышавши”, т. е. послушавшись, уверовав и пребывши непоколебимыми до конца. На этот раз Он не сделал никакого различия между добрыми и злыми. Ибо для всех благо услышать Его голос и ожить, переходя к жизни благочестия от смерти нечестия. Об этой смерти говорит апостол Павел: “Если один умер за всех, то все умерли. А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего” (II Кор. V, 14, 15). Итак, умерли все, не исключая никого, во грехах, первородных ли то, или добавленных волей, по неведению или сознательно, или по неисполнению того, что требуется справедливостью; и за всех этих мертвых умер один живой, т. е. не имеющий никакого греха, чтобы получившие жизнь через отпущение грехов жили уже не для себя, но для Того, Кто умер за всех по причине грехов наших и воскрес ради оправдания нашего, чтобы веруя в Него, оправдывающего нечестивого, мы, оправдавшись от нечестия, как бы ожившие от смерти, могли участвовать в первом воскресении, которое совершается ныне. В этом первом воскресении участвуют только те, которые имеют быть блаженными вечно; во втором же, последующем за этим, по словам Его, будут участвовать и блаженные, и несчастные. Первое — дело милосердия, второе — суда. Потому-то в псалме и написано: “Милость и суд буду петь; Тебе, Господи, буду петь” (Пс. С, 1).

Переходя к этому суду, Он вслед за тем говорит: “И дал Ему власть производить и суд, потому что Он есть Сын Человеческий” (Иоан. V, 27). Здесь Он показывает, что придет судить в той же плоти, в которой пришел, чтобы быть судимым. С этой целью Он употребляет выражение: “Потому что Он есть Сын Человеческий”. И вслед за словами, которые мы привели, говорит: “Не

дивитесь сему: ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия, и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения” (Иоан. V, 28, 29). Это тот суд, который Он назвал несколько прежде, говоря: “Слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь” (Иоан. V, 24), т. е. участвуя в первом воскресении, которым ныне совершается переход от смерти к жизни, он не будет подлежать осуждению, которое Он обозначил словом “суд”. Пусть же, следовательно, воскресает в первое воскресение тот, кто не желает подвергнуться осуждению во второе воскресение. Ибо “наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и услышавши оживут”, т. е. не подпадут осуждению, которое называется второй смертью; в эту вторую смерть, после второго, имеющего быть телесным, воскресения, низвергнутся те, кто в первое воскресение, которое есть воскресение душ, не воскрес. “Наступает время (теперь не говорит: “И настало уже”); потому что оно наступит в конце века, т. е. на последнем и великом суде Божиим), в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия, и изыдут”. Не сказал, как о первом воскресении: “И услышавши оживут”. Ибо не все оживут тою жизнью, которая, поскольку она блаженна, одна должна носить название жизни. Конечно, слышать и изойти из гробов при воскресении плоти не могут без какой бы то ни было жизни. Но почему не все оживут, Он учит в последующих словах, говоря: “Делавшие зло (изыдут) в воскресение осуждения”, — это те, которые не оживут, потому что умрут второю смертью. Сотворили они зло потому, что худо жили; а жили худо потому, что в первое, совершающееся ныне воскресение душ не ожили, или ожив, не пребыли в том до конца. Итак, как есть два пакибытия (возрождения), о которых я говорил выше, одно — верою, которое совершается ныне через крещение, а другое — по плоти, которое будет в нетлении и бессмертии на великом и последнем суде, так есть и два воскресения, одно, которое есть и теперь, есть воскресение душ, не

допускающее власть во вторую смерть; другое — второе, которого ныне нет, но которое будет в конце века, и будет оно воскресением не душ, а тел, и на последнем суде отведет в удел одним вторую смерть, другим жизнь, не имеющую смерти.

Глава VII

Об этих двух воскресениях тот же евангелист Иоанн в книге, называемой Апокалипсис, говорит так, что первое из них, будучи некоторыми из наших непонято, обратилось как бы в своего рода смешные басни. Говорит апостол Иоанн в упомянутой книге: “И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет; после же сего ему должно быть освобожденным на малое время. И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет: прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет. Это — первое воскресение. Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет” (Апок. XX, 1 — 6).

Пришедшие на основании этих слов Апокалипсиса к заключению, будто первое воскресение будет телесным, остановили, между прочим, особое внимание на числе тысяча, найдя в нем указание на то, что якобы у святых надлежало таким образом быть своего рода субботающему в продолжении такого периода времени в виде святого покоя после трудов шести тысяч лет с того времени, как

был сотворен человек и в наказание за великий свой грех низвергнут из райского блаженства в бедствия настоящей смертности; так что соответственно словам Писания: “У Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день” (II Пет. III, 8), когда исполнится шесть тысяч лет, равняющихся шести дням, последует как бы седьмой день субботы в виде последних тысячи лет, с воскресением, т. е. для празднования этой субботы, святых. Мнение это могло бы быть до некоторой степени терпимо, если бы предполагалось, что в эту субботу святые будут иметь некоторые духовные радости от присутствия Господня. Некогда и мы думали так. Но коль скоро они утверждают, что воскресшие в то время будут предаваться самым неумеренным плотским пиршествам, на которых будет столько пищи и питья, что они не только не будут соблюдать никакой умеренности, но превысят меру самого неверия, то никто, кроме плотских, никоим образом этому поверить не может. Духовные же называют их, верящих этому, греческим именем χιλιασταζ; переводя это название буквально, мы можем называть их тысячниками. Вдаться в особое опровержение их было бы долго; скорее, мы должны в настоящем случае показать, как следует понимать это место Писания.

Сам Господь Иисус Христос говорит: “Никто, вошед в дом сильного, не может расхитить вещей его, если прежде не свяжет сильного, — и тогда расхитит дом его” (Марк. III, 27). Под именем сильного Он дает разуметь диавола, потому что диавол в силах был удержать в плену род человеческий; под вещами же его, которые имел расхитить, дает разуметь будущих верных Своих, которых тот держал в различных грехах и нечестиях. Так как тому сильному предстояло быть связанным, то упомянутый апостол видел в Апокалипсисе “Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет” (Апок. XX, 1, 2), т. е. устранил и ограничил его власть обольщать и держать в своих руках тех, которых ожидало освобождение. Тысяча же лет, как мне кажется, может пониматься

двоjakим образом: или что это совершается в остальные годы тысячелетия, т. е. в тысячелетие шестое, как бы в шестой день, последние часы которого проходят в настоящее время, а затем последует не имеющая вечера суббота, т. е. не имеющий конца покой святых; так что тысячью лет апостол назвал последнюю, остающуюся до конца века часть тысячелетия, как бы часть дня, употребив тот способ выражения, по которому часть называется именем целого; или же тысячью лет он назвал все остальные годы этого века, так что совершенным числом обозначается полнота времени. Ибо число тысяча есть полный квадрат числа десять. Десять, взятые десять раз, дают сто; получается фигура квадратная, но плоская. Чтобы она получила высоту и сделалась полной, сто умножается снова на десять, и получается тысяча. Иногда даже сто употребляется для обозначения всей совокупности чего-либо, как в том случае, когда Господь дает обетование оставившему все и последовавшему за ним, говоря: “Получит во сто крат” (Мф. XIX, 29; Марк. X, 30); как бы поясняя это, апостол говорит: “Мы ничего не имеем, но всем обладаем” (II Кор. VI, 10). Тем более для обозначения совокупности всего употребляется тысяча, которая представляет собой полноту десятичной квадратуры. Лучшего толкования нельзя дать и тому выражению, которое читается в псалме: “Вечно помнит завет Свой, слово, которое заповедал в тысячу родов” (Пс. CIV, 8), т. е. во все роды.

“И низверг его, — говорит, — в бездну, и заключил его”. Последним именем (бездна) обозначается бесчисленное множество нечестивых, сердца которых слишком безмерны в злобе против церкви Божией. “Заключил” туда говорится не потому, чтобы там диавола прежде не было, а потому, что, будучи устранен от верующих, он стал сильнее владеть нечестивыми. Ибо тот находится в большей власти диавола, кто не только отчужден от Бога, но и без всякого повода и основания ненавидит служащих Богу. “И заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет”; т. е. принял меры, чтобы он не мог выйти, т. е. преступать запрещенное. Прибавка же: “И положил над ним печать”,

по моему мнению, значит то, что он хотел оставить в тайне, кто принадлежит и кто не принадлежит к части дьявола. Ведь в настоящем веке это совершенно скрыто; падет ли, кто, по-видимому, стоит, и встанет ли, кто представляется лежащим, остается неизвестным. Наложением же печати и заключением дьявол, удерживается и устраняется от обольщения тех принадлежащих Христу народов, которые обольщал или которые держал в своей власти прежде. Ибо их избрал Бог прежде создания мира, чтобы исхитить из власти тьмы и поставить в Царство возлюбленного Сына Своего, как говорит апостол (Еф. I, 4; Колос. I, 13). Ведь кто из верующих не знает, что дьявол обольщает и увлекает за собой в вечную казнь народы и в настоящее время, но только те, которые не предназначены к вечной жизни?

То обстоятельство, что он часто обольщает и тех, которые, будучи уже возрождены во Христе, вступают на путь Божий, также не должно смущать. Ибо “познал Господь Своих” (II Тим. II, 19): из этих никого он не увлечет в вечное осуждение. Господь знает их как Бог, от Которого не укрывается ничто и из будущего, а не как человек, который в настоящем человека видит (если только видит того, чье сердце не видит), а каким будет после, — не видит и себя самого. Итак, дьявол связан и заключен в бездну для того, чтобы не обольщал он уже народы, из которых состоит Церковь, и которых, обольщенных, держал в своей власти прежде, пока Церкви не было. Ибо не сказано: “Да не прельстит кого-либо”, но: “Дабы не прельщал уже народы”, под которыми он, без всякого сомнения, разумел Церковь. Говорит: “Доколе не окончится тысяча лет”, т. е. или то, что остается еще от шестого дня, состоящего из тысячи лет, или все годы, которые остается еще прожить в этом веке.

Не следует эти слова: “Дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет” понимать и в том смысле, будто потом он будет прельщать только те народы, из которых состоит предопределенная Церковь, от прельщения которых он удержан оковами и заключением. В данном случае или употреблен тот способ выражения, который

иногда встречается в Писаниях, например, в псалме: “Так очи наши — к Господу, Богу нашему, доколе Он помилует нас” (Пс. СХХII, 2), не в том, конечно, смысле, будто когда помилует, очи рабов Господних не будут к Господу Богу их; или, вернее, порядок слов таков: “И заключил его, и положил над ним печать, доколе не окончится тысяча лет”; а промежуточные слова: “Дабы не прельщал уже народы”, представляют собою вставку, не стоящую в зависимости от занимаемого ею места, а имеющую отдельный смысл, как бы она была прибавлена после; так что все изречение могло бы быть изложено так: “И заключил его, и положил над ним печать, доколе не окончится тысяча лет, дабы не прельщал уже народы”, т. е. для того заключил, пока окончится тысяча лет, чтобы он уже не прельщал народы.

Глава VIII

“После же сего, — говорит, — ему должно быть освобожденным на малое время” (Апок. XX, 3). Если быть связанным и заключенным для диавола значит не иметь возможности обольстить Церковь, то освобождение его не то ли значит, что он будет иметь эту возможность? Отнюдь. Никогда не обольстит он Церкви, предназначенной и избранной от создания мира, о которой сказано: “Познал Господь Своих” (II Тим. II, 19). И однако же Церковь эта будет здесь и в то время, когда получит свободу диавол, как была здесь со времени своего учреждения и будет все время в тех членах своих, которые, рождаясь, заступают место умирающих. Ибо немного ниже он говорит, что освобожденный диавол увлечет обольщенные им по всему свету народы в войну против нее, и что число врагов этих будет как песок морской. “И вышли на широту земли и окружили стан святых и город возлюбленный. И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их; а диавол, прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное, где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков” (Апок. XX, 8 — 10). Но последнее относится уже

к окончательному суду; привести это свидетельство я счел нужным в настоящем случае для того, чтобы кто-нибудь не подумал, будто в тот краткий период времени, на который получит свободу диавол, Церкви на этой земле не будет, так что освободившийся диавол или уже не найдет ее здесь, или истребит, употребив всякого рода преследования. Итак, на все то время, какое обнимает упомянутая книга, т. е. начиная от первого пришествия Христова до конца века, когда будет Его второе пришествие, диавол связан будет не так, чтобы эти самые узы препятствовали ему в тот промежуток времени, который называется тысячью лет, обольщать Церковь; хотя он никоим образом не обольстит ее и после своего освобождения. Ведь если бы быть связанным значило для него не иметь возможности и дозволения обольщать, то что бы означало его освобождение, как не получение возможности и дозволения обольщать? Но да не будет этого; заключение диавола в узы значит недозволение ему производить искушения во всем объеме, какой он может дать им посредством силы или коварства для обольщения людей, то насильственно принуждая, то обманом привлекая их на свою сторону. Если бы ему это было дозволено на такое продолжительное время и при таком малодушии большинства, то очень многих таких, которых желает предохранить от этого Бог, он заставил бы пасть и не допустил бы уверовать; чтобы он не сделал этого, он заключен в узы.

Будет же он освобожден тогда, когда и времени будет мало, потому что всеми своими силами и силами своих сторонников он будет свирепствовать, по словам Писания, в течение трех лет и шести месяцев; и когда те, с которыми ему придется вести войну, будут таковы, что подобное нападение столь великой рати их не сломит. Но если бы он никогда не получил свободы, его злобное могущество не обнаружилось бы в достаточной степени, не было бы испытано в достаточной мере преданнейшее терпение святого града; да и не уяснилось бы достаточно то, как прекрасно его великою злобой воспользовался Всемогущий. Ибо Всемогущий не вовсе пресек для него возможность

искушать святых, хотя удалил его от их внутреннего человека, в котором живет вера в Бога, чтобы нападения его, имея внешний характер, приносили им пользу; связал же его в его же сторонниках для того, чтобы тех бесчисленных слабых, которыми должна была умножаться и наполняться Церковь, он, изливая и упражняя всю силу злобы своей, одних, имевших уверовать, других, уже уверовавших, первых не отвратил от веры благочестия страхом, последних не лишил мужества; а освободил его под конец для того, чтобы град Божий увидел, какого сильного противника победил он во славу своего Испытателя, Помощника и Освободителя. Что же после этого мы по сравнению с теми святыми и верными, которые будут в то время? Для испытания их получит свободу такой враг, с которым мы, когда он связан, боремся с великими опасностями! Впрочем, и в этот промежуток времени, без всякого сомнения, были и есть некоторые воины Христовы до такой степени мудрые и мужественные, что если бы жили в этой смертности и в то время, когда диавол получит свободу, мудрейшим образом предусмотрели бы и с величайшим терпением выдержали бы все его козни и нападения.

Узы же эти не только были наложены на диавола в то время, когда Церковь, вышедшая за пределы Иудеи, стала распространяться между новыми и новыми народами, они наложены теперь и будут наложены до конца века, при котором диавол получит свободу. Ибо и в настоящее время люди обращаются к вере из неверия, в котором он их держал, и будут, без всякого сомнения, обращаться до самого упомянутого конца. В отношении к каждому из них оный сильный непременно связывается в то время, когда кто-нибудь, как его вещь, у него похищается. И пропасть, в которой он заключен, не уничтожилась со смертью тех, которые жили в то время, когда началось его заключение; их заступили, рождаясь, другие, и пока не окончится этот век, их будут заступать ненавистники христиан, в слепом и мрачном сердце которых он будет заключен, как в бездне. Но возникает вопрос: в эти последние три года и шесть месяцев, когда освобожденный диавол будет свирепствовать со всею си-

кой, примет ли кто-нибудь веру, который прежде ее не сохранил? Каким образом сохранит в таком случае свою силу сказанное: “Никто, вошед в дом сильного, не может расхитить вещей его, если прежде не свяжет сильного”? Изречение это, по-видимому, заставляет нас предположить, что в то малое время никто не вступит в ряды народа христианского и что диавол будет сражаться с теми, кого уже застанет христианами; и если из последних кто-нибудь, будучи побежден, перейдет на его сторону, таких не следует считать в предопределенном числе сынов Божиих. Ведь не напрасно тот же апостол Иоанн, который написал Апокалипсис, говорит в своем послании о некоторых: “Они вышли от нас, но не были наши; ибо, если бы они были наши, то остались бы с нами” (I Иоан. II, 19).

Но что будет с маленькими детьми? В высшей степени невероятно, чтобы то время не застало между детьми христиан только что рожденных и еще не крещенных младенцев, чтобы и в сами те дни никто более не рождался, или, если такие будут, чтобы родители их тем или иным способом не приводили их к купели возрождения. Если же это будет, то каким образом у диавола, уже развязанного, будут похищаться эти вещи, когда никто не может войти в дом его, чтобы похитить его вещи, не связав прежде его самого? Но гораздо с большею вероятностью можно думать, что не будет в то время недостатка ни в отпадающих от церкви, ни в обращающихся к церкви; причем, как родители в отношении крещения своих малюток, так и те, которые имеют тогда впервые уверовать, будут настолько мужественны, что победят ононого сильного и не связанного, т. е. когда он будет строить козни и нападать со всеми силами, какими прежде никогда не располагал, предусмотрительно поймут и терпеливо перенесут; и, таким образом, будут похищены у него и не связанного. От этого не потеряет своей истины и приведенное евангельское изречение: “Никто, вошед в дом сильного, не может расхитить вещей его, если прежде не свяжет сильного”. Ибо, по буквальному смыслу изречения, указанный в нем порядок сохранится; сперва сильный связан, и по расхищении у него вещей долго и повсюду

в среде всех народов из сильных и слабых церковь будет размножаться так, что, укрепившись верою при виде исполнения на деле свыше предсказанных событий, в состоянии будут похищать вещи и у развязанного. Как следует признать, что любовь многих охладает, когда умножится беззаконие (Мф. XXIV, 12), и что многие, которые не записаны в книгу жизни, поддадутся необычным и величайшим преследованиям и обманам диавола, на ту пору освобожденного, так же следует думать, что не только те, которых время не застанет добрыми и верными, но и некоторые из тех, которые еще будут вне Церкви, через внимательное с помощью благодати Божией изучение Писаний, предсказавших среди прочего и сам этот конец, наступление которого они почувствуют, окажутся более твердыми для того, чтобы победить диавола и не связанного. Если это будет так, то нужно сказать, что наложение уз предшествовало для того, чтобы расхищение производилось и в то время, когда он был связан, и в то, когда развязан; потому что об этом сказано: “Никто, вошед в дом сильного, не может расхитить вещей его, если прежде не свяжет сильного”.

Глава IX

Пока диавол в продолжение тысячи лет связан, святые, несомненно, царствуют со Христом в эти самые тысячу лет, т. е. царствуют уже и в это время Его первого пришествия. Если бы, независимо от того царствования, о котором Христос скажет в конце: “Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство” (Мф. XXV, 34), святые Его, которым Он говорит: “Я с вами во все дни до скончания века” (Мф. XXVIII, 20), не царствовали уже с Ним ныне некоторым иным, хотя и далеко не равным образом, то церковь Его, конечно, не называлась бы уже теперь Его царством или царством небесным (Мф. XIII, 52). В настоящее, конечно, время научается в царствовании небесном тот книжник, выносящий из сокровищницы своей новое и старое, о котором мы говорили выше. От

Церкви же будут собирать жнецы и те плевелы, которым Он дозволил расти вместе с пшеницей, о чем, поясняя, Он говорит: “Жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы. Посему, как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет и при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны” (Мф. XIII, 39 — 41). От того ли царства соберут, в котором соблазнов нет? Очевидно, соберут от этого царства, которое представляет из себя здесь Церковь. Говорит Он также: “Кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном” (Мф. V, 19). И того и другого, и не исполняющего на деле заповедей, которым научает, ибо нарушать — значит не соблюдать, не исполнять на деле; и того, который исполняет на деле и так учит, Он представляет в царствии небесном, но первого малейшим, а второго великим. И продолжая речь, прибавляет: “Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев (т. е. не будет выше праведности тех, которые нарушают то, чему учат. Ибо о книжниках и фарисеях Он говорит в другом месте: “Они говорят, и не делают” (Мф. XXIII, 3); итак, если праведность ваша не превзойдет их в том смысле, что вы не будете нарушать, но будете на деле исполнять то, чему учите), то вы не войдете в Царство Небесное” (Мф. V, 20). В том, следовательно, смысле нужно понимать то царствие небесное, в котором они представляются оба, но первый — малейшим, а последний — великим. Где существует тот и другой род людей, там Церковь такова, какова она в настоящее время; а где будет только один последний род, там Церковь такова, каковою она будет в то время, когда злого в ней не будет.

Следовательно, и в настоящее время Церковь есть царствие Христово и царствие небесное. Поэтому и в настоящее время святые Его царствуют с Ним, хотя иначе, чем будут царствовать тогда; не царствуют с Ним только плевелы, хотя и растут в Церкви вместе с пшеницей. Ибо царствуют с Ним те, которые исполняют, что говорит

апостол: “Если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога; о горнем помышляйте, а не о земном” (Кол. III, 1, 2). О таких же в другом месте он говорит: “Наше же жительство — на небесах” (Филип. III, 20). Царствуют, наконец, с Ним те, которые так принадлежат к Его царству, что сами составляют царство Его. Но каким образом составляют царство Христово те, которые, чтобы не говорить о других, хотя и находятся в нем, пока в конце века не соберутся от него все соблазны, однако ищут в нем своего, а не того, что Христово?

Об этом воинствующем царстве, в котором еще идет борьба с врагом и сражение с пороками, а иногда повелевают и пороками смирившимися, пока не достигнут того полного мира царства, в котором будет царствование без врага, и об этом первом воскресении, которое совершается ныне, упомянутая выше книга говорит следующее. Сказав, что диавол связан на тысячу лет и потом освободится на короткое время, и вкратце упомянув вслед за тем, что в течение этих тысячи лет будет делать церковь или что будет в ней делаться, книга говорит: “И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить” (Апок. XX, 4). Эта речь не о последнем суде; нужно разуместь те престолы председателей и тех самых председателей, которыми Церковь управляется в настоящее время. Под данным же судом ничего лучшего нельзя разуместь, кроме сказанного: “Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе” (Мф. XVIII, 18). Почему и апостол говорит: “Что мне судить и внешних? Не внутренних ли вы судите?” (I Кор. V, 12). “И души, — продолжает, — обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие” (Апок. XX, 4); подразумевается то, о чем она скажет после — о воцарении с Иисусом на тысячу лет; души разумеются мучеников, не получившие еще обратно своих тел. Ибо души благочестивых умерших не отделяются от Церкви, которая и в настоящее время представляет собой царствие Христово. В противном случае память о них не совершалась бы в общении тела Христова; не приносило

бы никакой пользы в случае опасности для жизни прибегать к Его крещению, если бы случилось, что кто-нибудь был отлучен от того же тела покаянием или худою совестью. Почему все это делается, как не потому, что и умершие суть члены Его?

Итак, хотя они еще не со своими телами, однако души их царствуют уже с Ним, пока пройдут эти тысяча лет. Почему в той же самой книге в другом месте читается: “Блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними” (Апок. XIV, 13). Итак, в настоящее время Церковь царствует с Христом в первый раз в лице живых и умерших. “Ибо Христос для того и умер и воскрес и ожил, — как говорит апостол, — чтобы властвовать и над мертвыми и над живыми” (Рим. XIV, 9). Упоминается же только о душах мучеников потому, что из умерших царствуют по преимуществу те, которые сражались за истину даже до смерти. Но как под частью целое, разумеем под ними и других, умерших, принадлежащих к Церкви, которая есть царство Христово.

Следующие же слова: “Которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою” (Апок. XX, 9), мы должны понимать как сказанные совместно о живых и мертвых. Упомянутый здесь зверь может быть предметом особого исследования; однако же правой вере не противоречит разуметь под ним сам нечестивый град и народ неверных, враждебный народу верному и граду Божию. Образом же его, по моему мнению, называется лукавство его в тех людях, которые веру как-будто исповедуют, но живут как неверные. Ибо они изображают из себя не то, что они на самом деле, и называются не истинным видом, а ложным подобием христианина. К тому же самому зверю относятся не только открытые враги имени Христова и славнейшего града Его, но и те плевелы, которые в конце века должны быть собраны от Его царства, под которым разумеется Церковь. А эти, не поклонившиеся ни зверю, ни его образу, кто они, как не те, которые исполняют слова апостола: “Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными” (II Кор. VI,

14)? Они не поклоняются ему, т. е. не сочувствуют, не подчиняются; и не принимают начертания, т. е. клейма преступления: на чело — ради исповедания, на руку — ради дел. Чуждые этого зла, они, при жизни ли еще в этой смертной плоти, или после смерти, царствуют уже со Христом и теперь известным, соответствующим настоящему времени образом, во весь тот период, который обозначается числом тысяча лет.

“Прочие же из умерших, — говорит, — не ожили” (Апок. XX, 5). Ибо ныне есть час, когда мертвые слышат глас Сына Божия; и услышавшие — оживают (Иоан. V, 25), прочие же из них не оживают. А добавление: “Доколе не окончится тысяча лет” должно быть понимаемо в том смысле, что они не ожили в то время, когда должны были ожить, перейдя от смерти к жизни. И потому, когда наступит день, в который совершится воскресение тел, они выйдут из гробов не для жизни, но для суда, т. е. для осуждения, которое называется второй смертью. Ибо кто не ожил, пока окончится тысяча лет, т. е. кто во весь тот период времени, в который совершается первое воскресение, не услышал глас Сына Божия и не перешел от смерти к жизни, тот во второе воскресение, которое будет воскресением плоти, окончательно вместе с этой плотью перейдет в смерть вторую. Далее говорится: “Это — первое воскресение. Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом” (Апок. XX, 5, 6), т. е. тот, кто участник его. Участник же его тот, кто не только возвратился к жизни от смерти, состоящей в грехах, но и остался твердым в той жизни, к которой возвратился. “Над ними, — говорит, — смерть вторая не имеет власти”. Имеет, следовательно, эту власть над теми прочими, о которых выше говорит: “Прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет”; потому что сколько бы каждый из них не жил в теле во весь тот промежуток времени, который называется тысячью лет, никто из них не возвратился к жизни от той смерти, в которой держало его нечестие, чтобы, оживши так, сделаться участником первого воскресения, и чтобы над ним смерть вторая власти не имела.

Глава X

Некоторые думают, что речь может идти только о воскресении тел; и потому утверждают, что и это первое воскресение будет в телах. Кому свойственно, говорят они, падать, тому свойственно и восставать (воскресать). А падают, умирая, тела; от падения они и называются падалью. Следовательно, заключают они, возможно воскресение не душ, а тел. Но зачем говорят они вопреки апостолу, который понимает это воскресение? Те, несомненно, воскресли по внутреннему человеку, а не по внешнему, которым он говорит: “Если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога; о горнем помышляйте, а не о земном” (Кол. III, 1, 2). Ту же мысль в другом месте он излагает иными словами, говоря: “Как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни” (Рим. VI, 4). Отсюда и известное изречение: “Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос” (Ефес. V, 14). Касательно же того, что говорят, будто восставать (воскресать) могут только те, кто падает; и потому думают, что воскресение может относиться только к телам, а не к душам; то почему они пропускают мимо ушей следующее: “Пред своим Господом стоит он или падает” (Рим. XIV, 4); и еще: “Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть” (I Кор. X, 12). Думаю, что предостережение дается относительно падения душевного, а не телесного.

Итак, если воскресение свойственно падающим, а падают и души, то следует само собою признать, что и души воскресают. А что после слов: “Над ними смерть вторая не имеет власти”, добавлено: “Но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет” (Апок. XX, 6), то это во всяком случае сказано не об одних епископах и пресвитерах, которые в настоящее время исключительно называются в Церкви священниками. Как всех мы называем христианами по причине таинственного помазания, так называем всех и священниками, потому что они члены одного Священника. О них говорит апостол Петр: “Вы — род избранный, царственное свя-

шенство” (I Пет. II, 9). Метко, хотя коротко и мимоходом вставлена мысль, что Христос есть Бог, выражением “священниками Богу и Христу”, т. е. Отцу и Сыну; хотя по причине вида рабского и Христос, как сын человеческий, сделался, таким образом, священником во веки по чину Мелхиседекову (Пс. СІХ, 4). Об этом в настоящем сочинении мы говорили не раз.

Глава XI

“Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их — как песок морской” (Апок. XX, 7). В то время, следовательно, он прельстит именно для того, чтобы вовлечь в эту войну. Ибо всякими способами, какими мог, он прельщал множеством и разнообразием зла и прежде. Сказано “выйдет”, т. е. от тайной ненависти перейдет к открытому преследованию. Это будет последнее преследование, которому, перед наступлением последнего суда, по всей земле подвергнется святая Церковь, т. е. град Христов от всего града диавольского, пока они оба еще будут на земле. Под народами, которые называются Гог и Магог, не следует разуметь каких-нибудь варваров, населяющих какую-либо часть земли, вроде Гетов и Массаетов, как думают некоторые на основании сходства в буквах их имен, или вроде других иноплеменных, не находящихся под римскою властью (народов). Ибо они выставляются живущими по всей земле, когда говорится: “Выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли”, а затем прибавляется: “Гога и Магога”. Значение этих имен в переводе таково: Гог — кровля, Магог — из-под кровли; как-будто бы — дом, и тот, кто выходит из дома.

Итак, это те народы, в которых, как мы показали выше, заключен как в бездне диавол; и сам он — как бы выступает и выходит из них: те — кровля, он — из-под кровли. Если же оба названия отнесем к народам,

и не одно — к ним, другое — к диаволу, то они будут и кровлею, потому что в них в настоящее время заключен и ими некоторым образом прикрывается древний враг; и они же будут из-под кровли, когда перейдут от тайной ненависти к явной. Сказанное же: “И вышли на широту земли и окружили стан святых и город возлюбленный” (Апок. XX, 8) не то значит, что они пришли или придут в одно место, так, как-будто в одном каком-либо месте будет находиться в то время стан святых и город возлюбленный. Речь идет о Церкви Христовой, распространенной по всей земле. Где она в то время ни будет, — а она будет в среде всех народов, что обозначается названием широты земли, — там будет и стан святых, там будет и возлюбленный Богом град Его; там все враги ее, — так как и они вместе с нею будут находиться в среде всех народов, — окружают ее своим жестоким преследованием, т. е. будут стеснять, тревожить, ставить в безвыходное положение тяжкими напастями. И она, со своей стороны, не оставит воинствующего положения, потому что названа именем стана.

Глава XII

А что книга говорит: “И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их” (Апок. XX, 9), то под этим нужно разуметь не ту последнюю казнь, которая наступит, когда будет сказано: “Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его” (Мф. XXV, 41). Ибо тогда они будут посланы в огонь, а не на них придет с неба огонь. Здесь же под огнем с неба уместно разуметь самую твердость святых, с которою они не поддадутся производящим жестокости, не станут поступать по их воле. Ибо твердь есть небо, твердость которого заставит их терзаться жесточайшею ревностью; так как они окажутся не в состоянии привлечь на сторону антихриста святых Христовых. И ревность эта будет тем огнем, который пожрет их, и это будет от Бога; то — дар Божий, что святые остаются непобедимыми, заставляя этим терзаться врагов. Как говорится в добрую сторону: “Ревность по

доме Твоем снедает меня” (Пс. LXVIII, 10), так говорится и наоборот: ревность овладела народом ненавидящим, и ныне “огонь пожрет врагов Твоих” (Ис. XXVI, 11). Именно ныне, т. е. независимо от огня того последнего суда. Если же огнем, нисходящим с неба и пожирающим их, книга назвала тот удар, которым будут поражены преследователи Церкви, которых застанет живущими на земле в само уже пришествие Свое Христос, когда “откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих” (II Фес. II, 8), то и это не будет последнею казнию нечестивых, но такую казнию будет то, чему они подвергнутся уже по воскресении тел.

Глава XIII

Это последнее гонение, имеющее быть от антихриста, как мы уже говорили (потому что так сказано и в этой книге выше, и в книге пророка Даниила), продолжится три года и шесть месяцев. Естественно, возникает недоумение, относится ли это, пускай и небольшое, время к той тысяче лет, в течение которых, по словам книги, диавол связан, а святые царствуют с Христом; или это малое время прибавляется к тем годам и не входит в их число. Если мы скажем, что оно относится к той же тысяче лет, то окажется, что царствование святых со Христом продолжится не столько же, но более того времени, на какое связан диавол. Ибо, без всякого сомнения, святые будут царствовать с Царем своим, торжествуя над силою зла, по преимуществу в то именно гонение, когда диавол уже не будет связан и будет в состоянии преследовать их всеми силами. Каким же после этого образом Писание определяет тою же тысячью лет то и другое, т.е. и заключение в узы диавола, и царствование святых, когда в течение этой тысячи лет заключение диавола прекратится на три года и шесть месяцев раньше, чем царствование святых со Христом? Если же мы скажем, что этот небольшой период гонения не следует полагать в числе тысячи лет, а нужно прибавить его к этим годам, когда они исполнятся, — сделанная после слов: “Они будут

священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет” прибавка: “Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей” удержит свой прямой смысл; ибо она будет, таким образом, показывать, что и царствование святых, и заключение в узы диавола прекратятся одновременно, так что последующее за этим время гонения представляется не принадлежащим ни к царствованию святых, ни к заключению диавола, а добавочным и имеющим свой особый счет; но в таком случае мы вынуждены будем допустить, что святые не будут в это гонение царствовать со Христом.

Между тем, кто осмелится утверждать, что с Ним не будут царствовать члены Его, когда будут соединены с Ним теснейшим и сильнейшим образом, и в такое время, когда чем ожесточеннее будет натиск битвы, тем больше слава сопротивления, тем густолиственнее венец мученичества? Уж не потому ли нельзя сказать, что они будут царствовать, что будут терпеть известные бедствия? Но в таком случае последовательность требовала бы сказать, что не царствовали со Христом и в предшествующее время в течение той же тысячи лет те из святых, которые подверглись бедствиям, так как это было время их бедствий; выходило бы, что и те, о которых писатель книги говорит, что видел души убитых за свидетельство Иисусово и за слово Божие, не царствовали со Христом в то время, когда терпели гонения; да и сами они не были царством Христа, — они, бывшие по преимуществу достойным Христовым! Заключение в высшей степени нелепое и ни с чем не сообразное. Не подлежит никакому сомнению, что победоносные души славнейших мучеников, восторжествовавшие над всеми скорбями и совершившие подвиги, после того, как сложили смертные члены, воцарились и царствуют со Христом, пока окончится тысяча лет, чтобы потом царствовать и с воспринятыми вновь, бессмертными уже телами. Таким образом, в течение этих трех с половиной лет души убитых за свидетельство Его, как разлучившиеся с телами прежде, так и те, которые имеют разлучиться во время того последнего гонения, будут царствовать со Христом, пока окончится смертный век и

перейдут они к тому царствованию, в котором смерти не будет. Поэтому для царствования святых со Христом будет большее число лет, чем для заключения в узы и лишения свободы диавола; они будут царствовать с Царем своим, Сыном Божиим, и те три с половиною года, когда диавол уже не будет связан.

Итак, когда мы слышим: “Они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет. Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей” (Апок. XX, 6, 7), нам остается разуместь, что окончится тысячелетие не царствования святых, а заключения в узы и лишения свободы диавола; так что каждая сторона имеет для окончания тысячелетия, т. е. всех своих лет, различные и особые сроки: царствование святых — более отдаленный, заключение диавола — более близкий; или, что вероятнее, представлять дело так, что в силу незначительности срока трех лет и шести месяцев Писание не хотело ни вычитать его из времени заключения в узы сатаны, ни прибавлять ко времени царствования святых. Пример в этом роде я указал в шестнадцатой книге этого сочинения относительно сорока лет; хотя лет было несколько больше, но о них говорится как о сорока. Подобные примеры встречаются в священном Писании часто, разумеется — для внимательного читателя.

Глава XIV

После этого рассказа о последнем гонении в кратких словах излагается то, чему подвергнется диавол уже на окончательном суде, а вместе с князем своим — и вражеский град. Книга говорит: “А диавол, прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное, где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков” (Апок. XX, 10). Под зверем, как мы уже сказали выше, следует разуместь сам нечестивый град. Лживый же пророк его есть или антихрист, или тот образ, т. е. измышление, о котором мы говорили тогда же. Затем, возвращаясь к повествованию о том окончательном суде, который будет